

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-49472
24 апреля 2012 г.

Главный редактор
Доктор юридических наук, профессор
Виктор Викторович Астанин

Шеф-редактор
Григорий Иванович Макаренко

Учредитель и издатель
Федеральное бюджетное учреждение
«Научный центр правовой информации»
при Министерстве юстиции
Российской Федерации

Журнал входит в перечень научных изданий ВАК,
в систему Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ) и международную систему научного цитирования
CrossRef (DOI).

Отпечатано в РИО ФБУ НЦПИ при Минюсте России
Печать цветная цифровая
Подписано в печать 22.02.2017
Тираж 100 экз. Цена свободная

Адрес редакции:
125437, Москва, Михалковская ул.,
65, к.1
Телефон: +7-495-539-2529
E-mail: monitorlaw@yandex.com
Требования, предъявляемые к рукописям,
размещены на сайте журнала
<http://www.monitoringlaw.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовное право и криминология

Концепция методического обеспечения
криминологического просвещения родителей
о преступности против несовершеннолетних 4
Астанин В. В.

Современная картина свойств личности
несовершеннолетнего осужденного
в криминологических оценках (часть первая) 7
Демидова-Петрова Е. В.

Мониторинг электоральной коррупции в России 18
Илий С. К.

Проблемы квалификации вымогательства,
совершенного с применением насилия:
практика правоприменения 23
Челябова З. М.

Теория и методология правовой науки

Мониторинг судебной практики по вопросам
антикоррупционной экспертизы и перспективы
ее развития 27
Южаков В. Н., Ефремов А. А.

Коррупционное злоупотребление правом
в избирательном процессе 34
Акунченко Е. А.

Власть, управление и самоуправление в государственно
организованном обществе 41
Савичев А. А.

Актуальные проблемы конституционного права России и зарубежных стран

Некоторые аспекты организационных основ
деятельности специализированных государственных
органов, входящих в систему обеспечения
национальной безопасности ФРГ и Австрии 45
Кикоть-Глухогодова Т. В.

Экономическая безопасность

Интеллектуальная собственность в киберпространстве:
новые условия правоприменения 50
Карцхия А. А.

Правовые вопросы защиты информации

Структурное содержание требований
информационной безопасности 53
Марков А. С., Цирлов В. Л.

Современные требования к научным статьям 62
Макаренко Г. И.

Abstracts, keywords and references 66

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Юридические науки

АСТАНИН Виктор Викторович	д. ю. н., профессор, главный редактор, Москва
БАНДУРИНА Наталья Владимировна	д. ю. н., Москва
ДЕМИДОВА-ПЕТРОВА Елизавета Викторовна	к. ю. н., доцент, Казань
ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович	д. ю. н., профессор, Москва
КАБАНОВ Павел Александрович	д. ю. н., доцент, Казань
КОСТЕННИКОВ Михаил Валерьевич	д. ю. н., профессор, академик РАЕН, Москва
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д. ю. н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Москва
МЕРКУРЬЕВ Виктор Викторович	д. ю. н., профессор, Москва
ОРЛОВ Владимир Борисович	начальник Управления Министерства юстиции РФ по Воронежской области, Воронеж
ПЛИГИН Владимир Николаевич	к. ю. н., Заслуженный юрист Российской Федерации, Москва
РАДЧЕНКО Владимир Иванович	к. ю. н., доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации, Москва

Социологические науки

МАРКИН Валерий Васильевич	д. соц. н., профессор, Почетный работник Высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, действительный член Российской академии социальных наук, Москва, заместитель Главного редактора
БАБИНЦЕВ Валентин Павлович	д. ф. н., профессор, Белгород
ИВАНОВ Вилен Николаевич	член-корреспондент РАН, д. ф. н., профессор, Москва
КИСЕЛЕВ Александр Георгиевич	д. соц. н., профессор, Москва
КОРЕПАНОВ Геннадий Семенович	д. соц. н., профессор, Тюмень
КУБЯКИН Евгений Олегович	д. соц. н., профессор, Краснодар
МАЛЫШЕВ Михаил Львович	д. соц. н., профессор, Москва
ПОЛУТИН Сергей Викторович	д. соц. н., профессор, Саранск
РОГОВАЯ Анастасия Владимировна	к. соц. н., Москва
УРЖА Ольга Александровна	д. соц. н., профессор, Москва

Экономические науки

ЛЕОНТЬЕВ Борис Борисович	д. э. н., профессор, академик РАЕН, академик Международной академии глобальных исследований (МАГИ), Москва, заместитель Главного редактора
БЕЛЯЕВА Ирина Юрьевна	д. э. н., профессор, Москва
ВИНСЛАВ Юрий Болеславович	д. э. н., профессор, Москва
ГАВРИЛОВ Сергей Анатольевич	к. э. н., Москва
ИВАНОВ Олег Борисович	д. э. н., профессор, Москва
ИВАНОВА Марина Германовна	д. э. н., профессор, Москва
ПСАРЕВА Надежда Юрьевна	д. э. н., профессор, Москва
СТЕПАНОВ Владимир Иванович	д. э. н., профессор, Москва
ЯКУТИН Юрий Васильевич	д. э. н., профессор, Москва

Иностранные члены

ДРАГО Кос	профессор, Любляна, Словения
КУРБАНОВ Габил Сурхай оглы	д. ю. н., профессор, Баку, Азербайджанская Республика

Editorial Board

Legal sciences

Viktor ASTANIN	Dr.Sc. (Law), Professor, Editor-in-Chief, Moscow
Natal'ia BANDURINA	Dr.Sc. (Law), Moscow
Elizaveta DEMIDOVA-PETROVA	Ph.D. (Law), Associate Professor, Kazan
Sergei ZAKHARTSEV	Dr.Sc. (Law), Professor, Moscow
Pavel KABANOV	Dr.Sc. (Law), Associate Professor, Kazan
Mikhail KOSTENNIKOV	Dr.Sc. (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honoured Officer of the Interior Ministry of the Russian Federation, Moscow
Igor' MATSKEVICH	Dr.Sc. (Law), Professor, Honoured Scholar of the Russian Federation, Moscow
Viktor MERKUR'EV	Dr.Sc. (Law), Professor, Moscow
Vladimir ORLOV	The head of Department of the Ministry of justice of Russian Federation in the region, Voronezh
Vladimir PLIGIN	Ph.D. (Law), Honoured Lawyer of the Russian Federation, Moscow
Vladimir RADCHENKO	Ph.D. (Law), Associate Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Moscow

Sociological sciences

Valerii MARKIN	Dr.Sc. (Sociology), Professor, Honourable Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences and the Russian Academy of Social Sciences, Moscow, Deputy Editor-in-Chief
Valentin BABINTSEV	Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Belgorod
Vilen IVANOV	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Moscow
Aleksandr KISELEV	Dr.Sc. (Sociology), Professor, Moscow
Gennadii KOREPANOV	Dr.Sc. (Sociology), Professor, Tyumen
Evgenii KUBIAKIN	Dr.Sc. (Sociology), Professor, Krasnodar
Mikhail MALYSHEV	Dr.Sc. (Sociology), Professor, Moscow
Sergei POLUTIN	Dr.Sc. (Sociology), Professor, Saransk
Anastasiia ROGOVAIA	Ph.D. (Sociology), Moscow
Ol'ga URZHA	Dr.Sc. (Sociology), Professor, Moscow

Economic sciences

Boris LEONT'EV	Dr.Sc. (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the International Global Research Academy (IGRA), Moscow, Deputy Editor-in-Chief
Irina BELIAEVA	Dr.Sc. (Economics), Professor, Moscow
Iurii VINSLAV	Dr.Sc. (Economics), Professor, Moscow
Sergei GAVRILOV	Ph.D. (Economics), Moscow
Oleg IVANOV	Dr.Sc. (Economics), Professor, Moscow
Marina IVANOVA	Dr.Sc. (Economics), Professor, Moscow
Nadezhda PSAREVA	Dr.Sc. (Economics), Professor, Moscow
Vladimir STEPANOV	Dr.Sc. (Economics), Professor, Moscow
Iurii IAKUTIN	Dr.Sc. (Economics), Professor, Moscow

Foreign Members

Drago KOS	Professor, Ljubljana, Slovenia
Habil QURBANOV	Dr.Sc. (Law), Professor, Baku, Republic of Azerbaijan

Концепция методического обеспечения криминологического просвещения родителей о преступности против несовершеннолетних

Астанин В. В.¹

Ключевые слова: *виктимность, криминогенные факторы, вовлечение детей в преступления, девиантное поведение, рекомендации родителям, индивидуальные и специальные меры профилактики.*

Аннотация. *Статья отражает видение криминолога о достаточности и даже избыточности ресурсов противодействия преступности против детей, доступных родителями. Отмечается дефицит классических основ уголовно-правовой охраны детей, которые вовлекаются в новые проявления преступности, истоки которых заложены в культивировании девиаций, получающих преимущественное выражение через информационную сферу. Внимание автора сосредоточено на возможностях реализации индивидуальных и специальных мер предупреждения виктимности несовершеннолетних от латентных криминальных угроз. Де-факто, содержание статьи представлено как план-проспект актуальной научно-исследовательской работы по разработке доступной в изложении памятки родителям о профилактике преступности против детей. Приведен примерный конспект разделов такой памятки. Изложенные автором предложения имеют формат концепции методики предметных криминологических исследований, учитывающих объективные реалии преступности.*

DOI: [10.21681/2412-8163-2017-1-04-06](https://doi.org/10.21681/2412-8163-2017-1-04-06)

Проблемы вовлечения несовершеннолетних в преступления, а также их виктимности, в современный период все чаще приобретают свойства остро-повседневных, в силу высокого общественного резонанса состоявшихся криминальных реалий и их последствий, которые имеют изощренный характер и повышенную степень общественной опасности. Перед угрозой таких преступлений оказываются разные несовершеннолетние вне зависимости от социально-экономического статуса и положения их семей, возраста, условий получения образования, проведения досуга, а порой и отношений их взаимодействия с ближайшим окружением (от доверительно-благополучных, нейтральных до непримиримых).

Такие неблагоприятные тенденции связаны с действием криминогенных факторов, воздействие которых испытывают несовершеннолетние, причем опосредованно через информационную среду общения, где зачастую происходит культивирование неформальной субкультуры или пропаганда девиаций, которые внешне не содержат очевидных форм криминального поведения детей, но образуют риски их виктимности.

Криминологический анализ современных преступлений, участниками или жертвами которых выступают подростки школьного возраста, позволяет отмечать их в свойствах криминальных рисков, имеющих скрытые процессы детерминации и сложные для превентивного блокирования механизмы реализации. Причем, латентность таких рисков зачастую оказывается неведома в содержании их возникновения, а также последствий ни подросткам, ни их родителям или близким, которые проявляют заботу об их благополучии. Сложный, а порой и откровенно коварный механизм вовлечения несовершеннолетних в роль потерпевшего или исполнителя характерен для целой группы преступлений, которые не всегда отражают классические признаки объективной стороны деяний, предусмотренных специальной главой 20 УК РФ – «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

Исходя из предварительно проведенного анализа криминальной ситуации, актуального профилактического внимания требуют сферы вовлечения несовершеннолетних в криминальный оборот товаров, работ и услуг, а также противоправную деятельность, получающую выражение в проявлениях *наркопреступности, киберпреступности, экстре-*

¹ Астанин Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной и учебной работе ФБУ «Научный центр правовой информации» при Минюсте России, Российская Федерация, г. Москва.
E-mail: astaninvv@rambler.ru

мизма, насильственной и половой преступности, вовлечения в организованную преступность.

Эффективное предупреждение указанных преступных проявлений правоохранительными силами и средствами уполномоченных органов государственной власти, обеспечивающих охрану законных прав и интересов несовершеннолетних, в режиме реализации публично-правовых функций, не всегда достижимо. Причины дефицита таких возможностей кроются в двух обстоятельствах. Во-первых, в многоуровневой системе организации профилактики преступности против несовершеннолетних, приоритетом обладают меры специального и индивидуального характера, успех реализации которых находится в компетенции близких несовершеннолетним людям – родителей. Именно они входят в ближайший круг повседневного взаимодействия со своими детьми, способны идентифицировать угрозы исходящие в их адрес. Во-вторых, действенность мер превентивного отведения криминальных угроз, предостережения их появления на ранней стадии, нейтрализации причин и условий, способствующих им, связаны с учетом специфики психолого-возрастного отношения несовершеннолетних к внешнему воздействию, особенности которых очевидны родителям. Реакция на такое воздействие часто характеризуется протестным поведением, неприятием родительских рекомендаций, в которых несовершеннолетним видится необоснованное или излишнее для их возраста наставничество.

В такой ситуации, ценность мер предупреждения преступности против детей, во многом зависит от методических материалов, которыми могут руководствоваться родители, оберегая своих детей от воздействия криминогенных факторов или прямых криминальных угроз. Материалы Памятки, в образном значении можно представить в качестве путеводителя, справочника и разговорника, который поможет родителям выявлять и устранять криминогенные факторы воздействия на детей, вести просветительский диалог с ними на одном языке, без заблуждений и неверных ориентиров осуществлять адекватные и эффективные меры предупреждения криминальных угроз.

Для адресного предупреждения недостаточно тривиальных мер, которые могут быть выражены в проведении разъяснительных бесед, содержащих общее представление о возможных рисках быть вовлеченным в преступную деятельность или стать ее жертвой. Важным здесь представляется оперирование специальными познаниями о конкретике преступности, которая имеет различные проявления в сфере жизнедеятельности детей, в том числе околоскриминальные или антисоциальные формы

поведения («тверки», «зацеперы», «суицидальные квесты», и другие).

Механизм криминального вовлечения несовершеннолетних может быть раскрыт только в формате специалистами в области борьбы с преступностью, которые применяя специальные и общенаучные методы исследования (изучение документов, в том числе уголовных дел; анкетирование экспертов и респондентов; анализ судебной следственной практики, и др.) могут представить в подготавливаемой брошюре для родителей актуальный материал криминологического просвещения, с описанием:

- типовых криминогенных факторов, оказывающих влияние на несовершеннолетних;
- причинного комплекса вовлеченности детей в преступные и антиобщественные (околоскриминальные) формы поведения;
- типологического портрета личности преступника, жертвой которого становится несовершеннолетний;
- механизма преступных посягательств в отношении детей и моделей их предотвращения;
- рекомендаций родителями о способах идентификации подготавливаемых (готовящихся) уголовно-наказуемых деяний, жертвами которых могут стать дети;
- правил поведения (общения) несовершеннолетних, обладающих потенциалом оперативного блокирования благоприятных условий возникновения виктимных ситуаций;
- применяемых родителями мер профилактики виктимных рисков или рисков криминализации, под влиянием которых могут оказаться их дети;
- специально-неотложных мероприятий по нейтрализации последствий криминогенного влияния, под воздействием которого оказались несовершеннолетние.

Учитывая цель работы – создание применимой памятки, важным представляется наличие специального в ней раздела информации, в котором должны найти доступное изложение правовые способы предупреждения и пресечения преступлений, жертвами которых становятся дети. Предлагаемая информация должна иметь не формальное воспроизводство нормативного материала законодательных актов, а доступное их изложение, с описанием алгоритма осуществления процессуальных или правоприменительных действий.

Принимая во внимание, что преступные посягательства на права и законные интересы несовершеннолетних находятся в непрерывном криминальном прогрессе, рекомендуемая к разработке памятка для родителей о способах предупреждения преступлений в отношении детей, безусловно,

не может быть академической (научно-гипотетической) в своей сути. Основное требование к ее содержанию должно состоять в практически-ориентированных положениях. Обеспечение этого возможно только при применении многоотраслевого подхода научно-практического исследования, которое объединит в себе адекватные объекту изучения методы познания, а также специалистов, обладающих навыками их применения.

С этих позиций оправдано привлечение экспертов познаний детских психологов и педагогов, использование результатов их исследований. Обязательный элемент обеспечения практичности памятки связан с необходимым представлением моделей механизма типовых преступлений, в которые вовлекаются несовершеннолетние в роли, как участников, так и жертв. Достижение такого методического освещения моделей криминальных деяний требует изучения наблюдений и практического опыта реагирования на них со стороны сотрудников уголовного розыска органов внутренних дел.

Учитывая, что преступность несовершеннолетних и против них выступает объектом исследования криминологов профессионально занятых вопросами предупреждения преступности в целом, обосновано выглядит сосредоточение задач по разработке рекомендуемой памятки в их компетенции. Такое определение авторства специалистов обеспечит актуальное содержание работе,

предназначение которой состоит в оказании конкретно-правовой помощи родителям по обеспечению антикриминальной защиты сферы жизнедеятельности своих детей.

Дополнительную актуальность представленным положениям, которые отражают необходимость изменения формата доведения правовых знаний до несовершеннолетних, придают скромные возможности предоставления таких знаний в рамках реализации учебных программ в области права в общеобразовательных учреждениях. По существу и по содержанию предлагаемые презентуемым проектом Памятки возможности получения знаний и сведений не могут быть имплементированы в школьные программы. Анализ федерального базисного учебного плана и примерных учебных планов для общеобразовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования, неутешителен и позволяет отмечать следующее. Учебный предмет «Обществознание» изучается с VI по IX класс в количестве 4 часов, построен по модульному принципу и включает содержательные разделы: «Общество», «Человек», «Социальная сфера», «Политика», «Экономика» и «Право» (в последнюю очередь); на ступени среднего общего (базового) образования предмет является интегрированным, что подразумевает разные и возможные к объединению в одном курсе преподавания компоненты знаний из области экономики и права².

² Приказ Минобрнауки РФ от 09.03.2004 № 1312 (ред. от 01.02.2012) «Об утверждении федерального базисного учебного плана и примерных учебных планов для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования».

Современная картина свойств личности несовершеннолетнего осужденного в криминологических оценках (часть первая).

Демидова-Петрова Е. В. ¹

Ключевые слова: несовершеннолетний, личность несовершеннолетнего преступника, преступность, неформальные объединения, криминогенный фактор, виктимность.

Аннотация. В статье предложен оригинальный в содержании авторских оценок и методическом постижении подход, который позволяет установить актуальные криминологически значимые свойства личности несовершеннолетнего осужденного. Такой подход стал возможным благодаря методам конкретно-социологической диагностики, которая в формате репрезентативных требований к территориальному объему и охвату применена в современной криминологической науке России впервые. Представленные результаты исследования, помимо иллюстрированного их содержания, которое обладает новизной и ценностью для многоотраслевых изысканий природы преступности несовершеннолетних, сопровождаются анализом воспринимаемых респондентами реалий в оценках криминолога.

DOI: 10.21681/2412-8163-2017-1-07-17

Предварительно проведенный анализ и оценка актуальных криминогенных факторов, оказывающих благоприятное воздействие на природу и эскалацию причинного комплекса современной преступности несовершеннолетних, освещен в предыдущем ряде авторских публичных работ². Одновременно они послужили генезисом, а также обоснованием проведения эмпирического исследования, результаты которого представлены на настоящих страницах издания. Ценностное их содержание только на первый взгляд может показаться тривиальным, которое можно отнести к умению иллюстрировать результаты опроса. Между тем, представляемые данные, получившие выражения в диаграммах имеют прикладное значение для фундаментальных задач криминологии знаний. Визуализация тенденций и качественно-негативных характеристик взаимодействия социальной среды и личности (несовершеннолетних), в совокупности с произведенными оценками специалиста в области борьбы с преступностью, позволяют установить закономерности исследуемого объекта. Их полу-

чение не является научной самоцелью, поскольку предполагается их практическое использование в разработке и корректировке мер предупреждения преступности несовершеннолетних. На фоне таких обоснований, может быть нивелировано видение компонента, входящего в задачи описания полученных данных опроса – составление портрета личности несовершеннолетнего осужденного. Однако это всего лишь прикладная и описываемая здесь и сейчас часть большой концептуальной работы, целью которой является разработка типологического портрета личности несовершеннолетнего, испытывающего воздействие современных криминогенных факторов. Не только объемный формат настоящей статьи является оправданием тому, что на ее страницах не будет произведен такой портрет. Для подготовки портрета понадобится использование данных исследования иной реферативной группы респондентов, ответы и мнения которых будут сопоставимы с представляемыми данными опроса. Такая работа проведена автором. Поэтому предварительно представление будущих результатов комплексного исследования, целесообразно рассматривать его в условных частях (разделах). Первую такую часть составляет анализ и оценка криминологически значимых свойств личности осужденных несовершеннолетних.

Итак, разработанная автором анкета опроса содержала открытые вопросы (предполагающие возможность формулирования собственных мнений по ним), и закрытые (с предложенными вари-

² Демидова-Петрова Е.В. Криминологическое значение информационных факторов в поведении несовершеннолетних // Вестник Казанского юридического института МВД России. № 3 (25). Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2016. С. 72–74; Демидова-Петрова Е.В. О содержании криминологической политики борьбы с преступностью несовершеннолетних // Мониторинг правоприменения. 2016. № 4. М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2016. С. 47–52.

¹ Демидова-Петрова Елизавета Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России, майор полиции, Российская Федерация, г. Казань.

E-mail: demidova.liza@gmail.com

антами ответов). Респондентами выступили осужденные несовершеннолетние, состоящие на учете в уголовно-исполнительных инспекциях ФСИН России в 72 субъектах Российской Федерации.

Гендерное распределение опрошенных субъектов, ставшее также результатом случайной выборки, выразилось в 90% несовершеннолетних мужского пола и 10% женского пола. Социально-возрастная выборка анкетировемых лиц намеренно не определялась и имела случайный характер. Большую часть из них (63%) составили лица в возрасте 17 лет, 24% – 16-летнего возраста, 10% 15-летнего возраста, 2% – 14-летнего возраста; 1% несовершеннолетних правонарушителей своего возраста не указали. Данная возрастная классификация имеет значение для целей установления качественных характеристик современных преступных проявлений в среде несовершеннолетних, а именно их устойчивости и активности. Принимая за основу эти криминологически значимые характеристики, можно прийти к выводу о том, что криминальная активность свойственна лицам в возрасте 16 и 17 лет – на них приходится более $\frac{3}{4}$ преступлений. Остальные уголовно-наказуемые деяния совершают несовершеннолетние в возрасте 14-15 лет. Подавляющее большинство опрошенных (80%) к моменту совершения преступления проходили обучение в образовательных учреждениях разного уровня (школы, техникумы, училища, колледжи), и только 15% не имели статус учащегося.

Степень криминальной пораженности несовершеннолетних, из числа опрошенных представлена в разрезе конкретных преступлений, за совершение которых им назначены меры уголовного наказания. В большей степени проявляется вид корыстной преступности – 40% опрошенных были осуждены за кражу. Насильственные преступления, сопряженные с корыстными мотивами в совокупности составили $\frac{1}{3}$ (грабежи и разбои). Лица, вовлеченные в наркопреступность, составили всего 14%. К категории криминологических эксцессов (как проявлению не свойственности) можно отнести указание опрошенных на совершенные ими преступления, несмотря на единичность случаев, которые традиционно относились к уголовно-наказуемым деяниям совершеннолетних лиц – фальшивомонетчество и киберпреступления. Хотя принимая во внимание произведенный автором анализ криминогенных факторов, под влиянием которых находятся несовершеннолетние, думается, что появление этих преступлений в разрезе криминологической характеристики исследуемого вида преступности, будет иметь частое указание, а также динамичную регистрацию учета (несмотря на их высокую латентность). Представлены и уго-

ловно-наказуемые деяния несовершеннолетних, которые исконно характеризовали их криминальную активность. Достаточно условно, эти деяния можно отнести к улично-досуговым, по которым осуждены от 2% до 5% респондентов. К таковым относятся: неправомерное завладение автомобилем без цели хищения; причинение вреда здоровью (разной степени тяжести), умышленное уничтожение или повреждение имущества, применение насилия в отношении представителя власти.

Репродуктивные характеристики преступности несовершеннолетних нельзя рассматривать вне показателей рецидивных проявлений, а также склонности субъектов совершивших уголовно-наказуемые деяния к правонарушениям. Как свидетельствуют результаты опроса, 50% осужденных респондентов ранее не привлекались к уголовной ответственности и 27% привлекались, в их числе есть и те, которые наряду с остальными анкетированными (29%), имели административные наказания за совершенные в прошлом правонарушения. Значительную часть лиц, принявших участие в опросе, составили ранее не привлекавшиеся к уголовной ответственности. Однако у 12% от общего числа опрошенных, это вторая судимость, у 3% третья, и у 2% – четвертая. Данные сведения приводятся не отвлеченно, они имеют важное значение в корреляции с ответами респондентов на вопросы, предусматривающие выяснение их отношения (реакции) к криминологически значимым проблемам.

Одной из таких позиций, которая дает возможность характеризовать рецепторы отношения опрошенных несовершеннолетних к криминальным связям, являлся вопрос о наличии в близкой им социальной среде (семье, родственных связях) лиц с криминальным прошлым и отношении к ним. Примечательно, что 24% опрошенных указали, что такие родственники есть и они состоят с ними в хороших отношениях, число респондентов, относящихся нейтрально, составило 68%. Полученные данные позволяют констатировать, что лица, находившиеся в местах лишения свободы, имеющие судимость, не вызывают отторжения, порицательного или негативного отношения со стороны их малолетних родственников, также являющихся судимыми.

Более показательными являются данные опроса о демонстрации отношения респондентов к лицам, побывавшим в местах лишения свободы, в семье либо среди близких родственников, с которыми у них были хорошие взаимоотношения: 33% респондентов положительно отозвались о данной категории граждан; 28% продемонстрировали нейтральное отношение; 11% показали отрицательное

отношение. Причем 40% отметили, что подобные граждане бывают много умнее остальных. Такие оправдательно-поощрительные оценки отношения осужденных несовершеннолетних к указанной

категории лиц, позволяют характеризовать потенциальный заряд неистребленного криминогенного влияния со стороны «опытных» родственников (диаграмма 1).

Диаграмма 1.

Отношение осужденных несовершеннолетних к лицам, побывавшим в местах лишения свободы, имеющих родственные с ними отношения

В этой связи криминологически значимы данные опроса, которые позволяют выявить взаимосвязь между наличием близких родственников, которые находились в местах лишения свободы у осужденных несовершеннолетних, ранее имевших судимость (таковых $\frac{1}{4}$). Следует обратить внимание на то обстоятельство, что данные о криминогенных контактах в сферах взаимодействия или досуга, выявляются нелегко. Учитывая контингент опрашиваемых (несовершеннолетние осужденные), задача получить достоверные данные имела кратное усложнение, поскольку лицо, совершившее преступление, редко дает правдивые указания. Такое положение вещей находит свое объяснение в результатах криминологических исследований, которые проводились задолго до настоящего. В частности, еще в конце 1980-х годов специалисты в области борьбы с преступностью констатировали, что связи с криминогенными субъектами у лиц, совершивших преступления, имеют свойства сохраняться в 90% случаев³.

В этой связи примечательны и результаты настоящего исследования, которые позволяют отмечать, что влияние микросреды и общение в ней, оказывает свое воздействие на осужденных несовершеннолетних и имеет очевидные последствия, которые нельзя не принимать во внимание при разработке и реализации мер профилактики. Дан-

ные позиции находят свое отражение в конкретике не скрывааемых ответов опрошенных несовершеннолетних, повторно совершивших уголовно-наказуемые деяния об отношениях к родственникам имеющих криминальный опыт. Не менее показательны и сравнительные данные опросного мнения респондентов по вопросам таких отношений, которые давали несовершеннолетние, имеющие и не имеющие таких родственников. Преобладающим позитивным отношением отмечены позиции ответов тех респондентов в семьях, которых, есть лица, находившиеся в местах лишения свободы (диаграмма 2).

На фоне полученных и описанных выше результатов, которые косвенным образом могут служить иллюстрацией отрицательного влияния микросреды на малолетних преступников, а также наличием деформации их правосознания в результате такого влияния, принципиальным являлась анкетная позиция, которая давала возможность выяснить отношение респондентов к ценности правовых знаний, а также источникам их получения.

Выяснение данных позиций имело принципиальное значение для определения будущих данных о типологии личности (автопортрета) современных преступников из числа несовершеннолетних. Важность испрашиваемых сведений позволяет выявить пробелы и искажения в сочетании нравственного и правового их сознания, главными из которых являлись установление типичных сте-

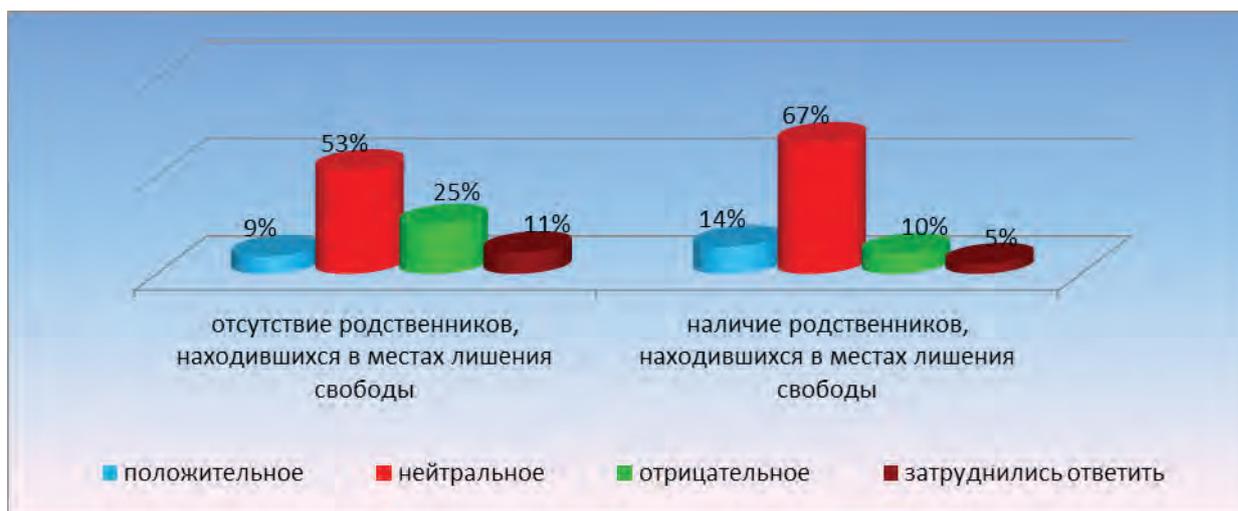
³ Долгова А.И., Серебрякова В.А., Горбатовская Е.Г., Кригер В.И. Основы криминологии для практических работников. Методическое пособие. М., 1988. С. 86.

реотипов, как то: «закон одно, а жизнь – другое»; «никогда не оценивал свое поведение с точки зрения соответствия закону»; «не знал закон, потому и нарушил» и тому подобные объяснения, которые

нередко расцениваются малолетними преступниками как обстоятельства, исключаящие их вину в совершении криминальных деяний, и даже оправдывающие их.

Диаграмма 2.

Сравнительные данные опросного мнения осужденных несовершеннолетних об отношении к лицам, побывавшим в местах лишения свободы (из числа имеющих родственников в качестве таковых и не имеющих)

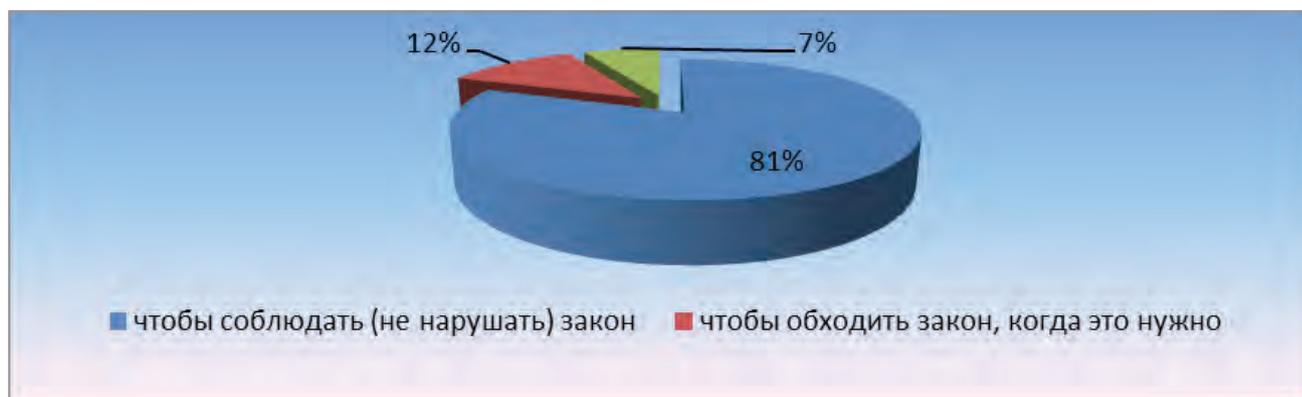

Для этих целей анкетированным был задан «лукавый» вопрос, направленный на выяснение их потребностей в правовых знаниях. По данной позиции получены следующие ответы: 81% опрошенных отметили необходимость правовых знаний

для целей соблюдения (не нарушения) закона, 12% респондентов, указали, что правовые знания им необходимы для того, чтобы обходить закон «когда это нужно», 7% отказались отвечать на вопрос (диаграмма 3).

Диаграмма 3.

Оценка потребности осужденных несовершеннолетних в правовых знаниях

Примечательно, что в глубинном разрезе опроса, который выражен в сопоставлении данных по разным анкетным позициям, удалось выяснить, что у несовершеннолетних, в семьях кото-

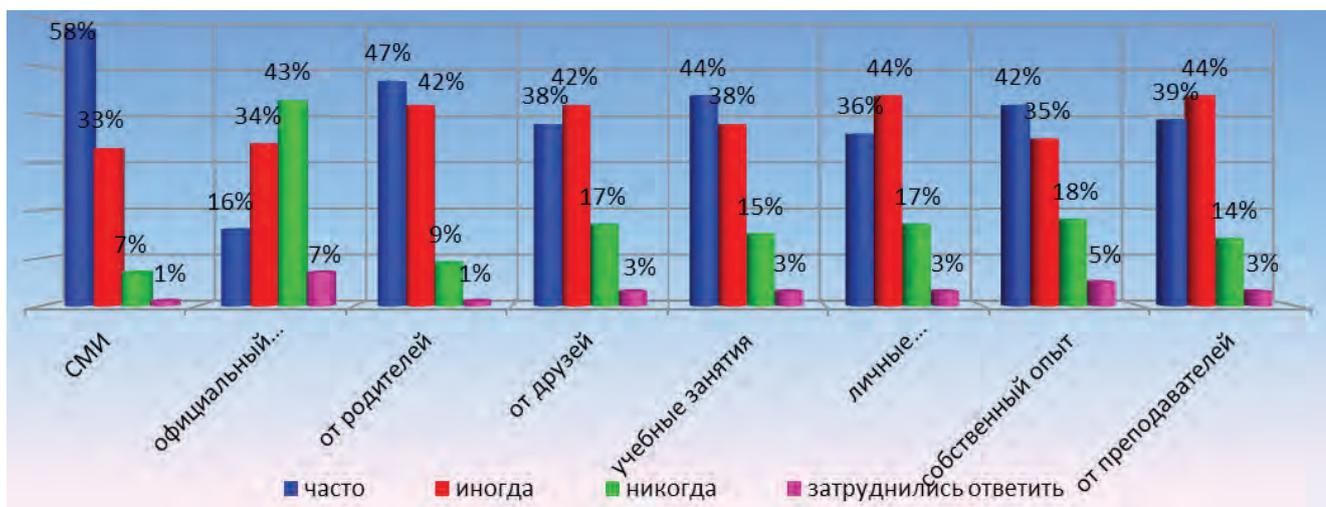
рых отсутствовали лица, находившиеся в местах лишения свободы, прослеживается более адекватное, законопослушное восприятие установленных норм права. Это обстоятельство предлагается

рассматривать как исключение криминогенного влияния в микросреде общения, а равно и наличие антикриминогенных начал, которые продуцируются в семье. Не секрет, что лицо, совершившее преступление, особенно в тех случаях, когда речь идет о несовершеннолетних, нередко является выразителем и носителем нравственных и правовых взглядов своей семейно-бытовой среды общения. Для целей эффективного планирования реализации мер по обеспечению организации доступа несовершеннолетних к правовым знаниям, особенно тех из них, которые не ступили на преступный путь, важно выявить недостатки в этой сфере, с которыми столкнулись их сверстники, совершившие преступления. В этой связи важно выявить не конкретные, а общие условия, которые благоприятствовали, создавали фон или способствовали деформации их правосознания, и возможно были связаны с недостатками организационных мер, которые обеспечивают доступ и распространение правовых знаний.

Итак, респондентам был задан вполне конкретный вопрос, который предполагал указание источников информации о праве (законе) и соответствующем знании. Среди осужденных несовершеннолетних наиболее популярными являются следующие источники получения правовых знаний: средства массовой информации (газеты, телевидение, радио, интернет); тематическое общение с родителями и преподавателями; проводимые в образовательных учреждениях учебные занятия. Такие источники получения правовых знаний, как рассказы друзей; личные наблюдения менее востребованы и не превышают половины всех показателей. Соответственно, высказанные выше гипотетические суждения о недостатках организации или целеполагании правовых знаний, доступа к ним, могут рассматриваться в ряду мер, которые не выполняют профилактическую функцию преступности несовершеннолетних. Наглядно структура всех источников представлена в виде диаграммы (диаграмма 4).

Диаграмма 4.

Источники получения осужденными несовершеннолетними правовых знаний

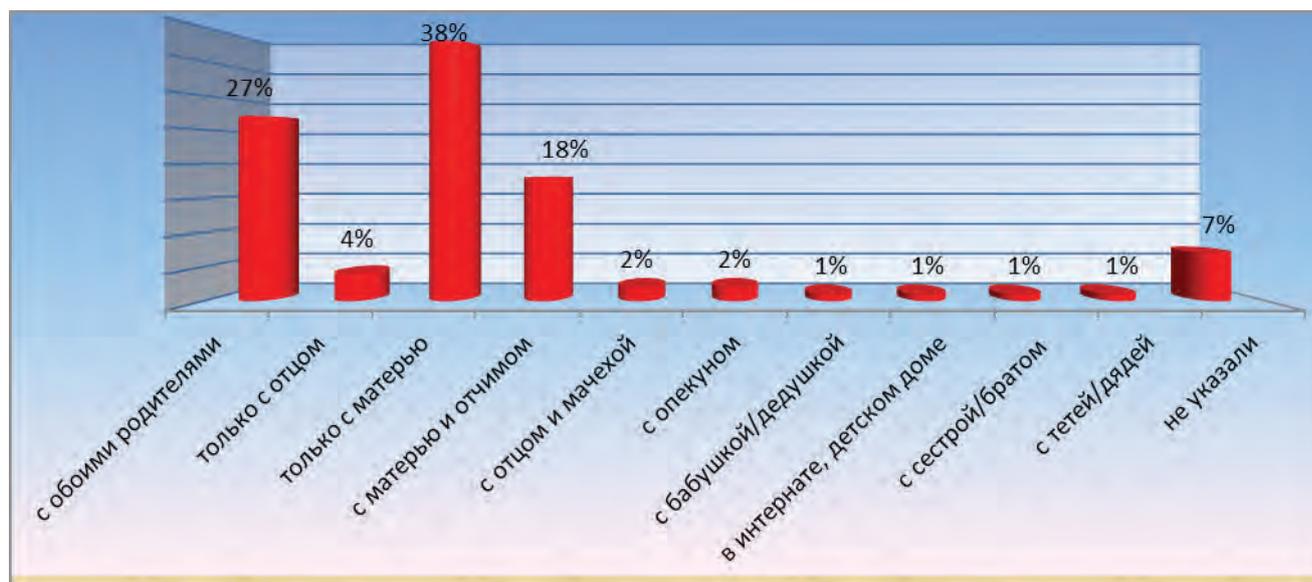

Приведенные данные нельзя рассматривать исключительно только в контексте задач составления криминологического портрета личности несовершеннолетнего. Их ценность может иметь более обширное содержание, в том числе методологическое, которое позволяет обновить давно разработанную, но долгое время не получавшую апробацию в современных реалиях оценки и анализа преступности несовершеннолетних методику изучения правосознания несовершеннолетних преступников с применением способов теории

распознавания образов⁴. Между тем, в настоящее время применение указанной методики должно быть ограничено, не быть излишне нацеленным на выявление социально-психологических характеристик личности несовершеннолетних, а быть

⁴ Крайний раз, данная методика в авторстве профессора Долговой А.И. была применена в 1969 – 1979 годах в ходе длительного изучения личности преступника в «малом» городе РСФСР. См: Пристанская О.В., Е.М. Юцкова Методика криминологического изучения правосознания и общественного мнения о преступности. М., 1990. С. 31, 53.

Состав семьи опрошенных осужденных несовершеннолетних

сосредоточенным на актуальных проблемах современности, имеющих криминологическое значение. Такая методика должна быть подчинена задачам выявления и устранения дефектов законодательства, вызванных, в том числе его коллизийностью и массивностью⁵, а также его ретрансляторов (объективных и субъективных), которые как представляется, могут благоприятствовать деформации правового сознания подрастающего поколения, которая, в конечном счете, имеет роль в их криминализации.

При анализе обстоятельств, оказывающих влияние на криминализацию личности, необходимо помнить об их комплексном взаимосвязанном сочетании. При разработке анкеты настоящего исследования был заложен принцип поочередного установления таких обстоятельств. Неминуемым образом стояла задача выявления антисоциальных тенденций и побуждений, которые могут произрастать в ближайшей микросреде пребывания несовершеннолетнего осужденного, которую, прежде всего, являет его семья.

Результаты опроса позволяют представить типовую для опрашиваемой категории респондентов структуру семьи: до совершения преступления, большинство несовершеннолетних (38%) проживали только с матерью; меньшее количество лиц (27%) с обоими родителями; с матерью и отчимом 18%. Редкие указания, на грани статистической по-

⁵ Астанин В.В. Диалектика современного состояния муниципального правотворчества // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 14 – 17.

грешности, имеют данные о проживании с отцом и мачехой, с опекунами, с бабушкой, другими родственниками, а также в интернате, детском доме (диаграмма 5).

В обстоятельствах неполной семьи также можно выделить криминологически значимые сведения, которые подлежат оценке как условия, благоприятствующие возникновению и культивации причинного комплекса вовлечения несовершеннолетних в преступную среду. В данном случае неполный состав семьи следует рассматривать в материальных и духовных компонентах, а также в их единстве.

Как правило, материальные компоненты семьи, где воспитывается ребенок с матерью без отца, имеют скромные, дефицитные возможности. С одной стороны, невеликие доходы семьи могут запускать спусковой крючок механизма неправомерных путей достижения благополучия, к которому стремится несовершеннолетний. В таких случаях возникают высокие риски криминальных проявлений корыстной направленности. С другой стороны, дефицит материального обеспечения семьи, нередко благоприятствует такой его занятости, которая не требует высоких затрат. В таких случаях, приходится отмечать высокие риски улично-досуговых преступных проявлений.

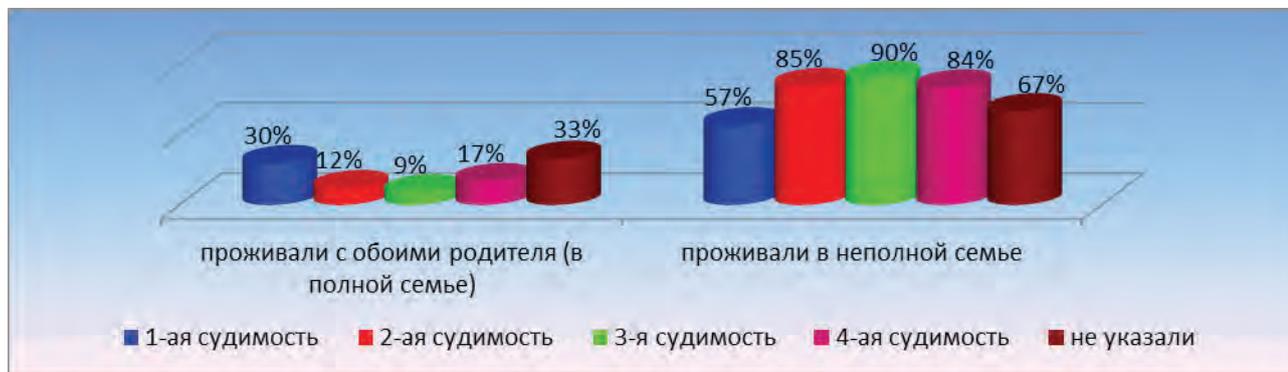
Более того, в таких условиях нельзя отмечать профицит духовных компонентов неполной семьи, которые должны получать (но не получают) выражение в системе воспитания, ограждения несовершеннолетнего ребенка от вовлечения в преступные формы поведения.

Если обратить внимание на то, что подавляющее большинство (42%) респондентов отметили, что до совершения преступлений проживали в неполной семье, то очевидным становится тот факт,

что вакантная роль родителя можно связывать с повышенной степенью рисков криминального вовлечения несовершеннолетних. Причем рецидивистов среди них также много (диаграмма 6).

Диаграмма 6.

Взаимосвязь состава семьи опрошенных с количеством их судимостей

Анализ жизнедеятельности респондентов, получающих выражение в сфере досуга и увлечений дают возможность выявить картину девиантных наклонностей или так называемых фоновых явлений по отношению и во взаимосвязи с криминальными деяниями, которые были ими совершены. Для этих целей анкетированным был задан вопрос об их отношении к употреблению алкоголя. Чуть более 60% опрошенных высказались отрицательно. В совокупности 40% от общего числа респондентов, выразили положительное отношение к употреблению спиртных напитков особенно в условиях компаний. Принимая во внимание систему запретов на покупку, употребление алкоголя несовершеннолетними, в том числе в крайних формах – в условиях общественных мест, становятся очевидными криминогенные позиции досуговых условий жизнедеятельности этого значительного числа несовершеннолетних, которые даже в форме открытого анкетирования не скрывают своих предпочтений к увлечению спиртными напитками.

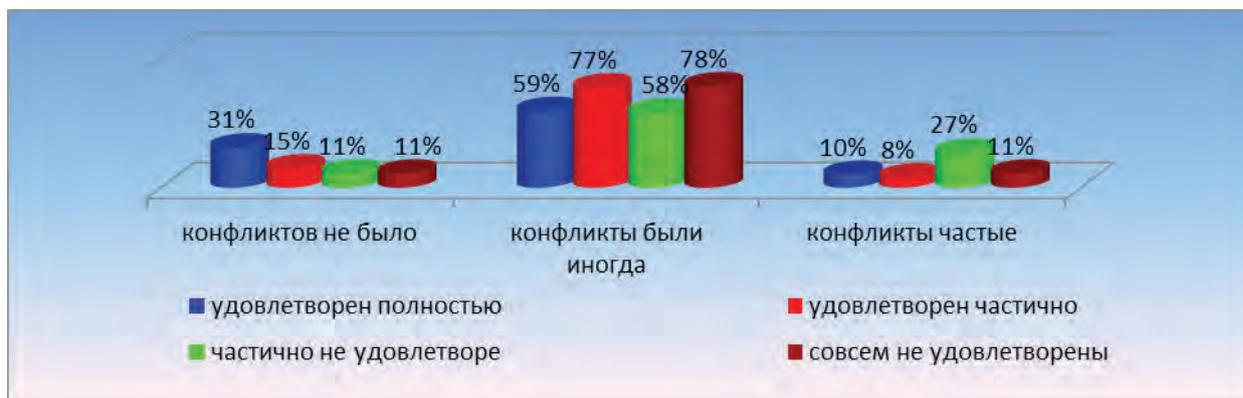
В таких обстоятельствах, закономерным продолжением выявления иных криминогенных условий жизнедеятельности подростков, не пересекших границу совершеннолетнего возраста, явился вопрос об их отношении к употреблению наркотических, а также токсичных одурманивающих средств или психотропных веществ (клея, бензина, лекарства). Подавляющее большинство опрошенных респондентов высказались отрицательно (90%), и только 10% дали утвердительные ответы, раскрывающие обстоятельства положительного отношения или употребления названных средств и веществ.

Отмеченные данные положительного отношения к фоновым явлениям (употреблению алкоголя и наркотиков) следует рассматривать в непосредственном криминологическом значении взаимосвязей с продуцированием преступных проявлений в сфере несовершеннолетних. Как отмечается в специальных исследованиях, катализатором роста преступности против собственности в современной действительности служит увеличение количества несовершеннолетних, употребляющих спиртные напитки и наркотики⁶. При обращении к результатам настоящего опроса этот тезис находит свое подтверждение. Как показано выше, и как будет представлено в специальном разделе криминологической характеристики современной преступности несовершеннолетних, основной удельный вес осужденных несовершеннолетних совершили преступления против собственности. Преимущественно, кражи, которые следует оценивать при незначительном риске быть избалованным (в позициях опрошенных) самым доступным и привлекательным способом добычи средств для приобретения алкоголя и наркотиков.

Автор исследования, не будучи приверженцем биологического значения факторов в детерминантах преступности, в силу рассматриваемых проблем вынужден сделать оговорку о том, что в составляемом портрете личности несовершеннолетнего преступника свойственные им физиологические или психологические черты имеют определенное значение причинного фактора криминаль-

⁶ Лелеков В.А., Кошелева Е.В. Криминологический анализ преступлений несовершеннолетних против собственности // Российский следователь. 2015. № 13. С. 32.

Взаимосвязь наличия конфликтов опрошенных с их одноклассниками и удовлетворенностью взаимоотношениями с окружающими людьми.

ного поведения, но не обладают ведущим значением. Лишь частично можно согласиться с мнением о том, что «формирование негативных черт у несовершеннолетнего сопровождается интенсивными изменениями в его сознании и физиологии, психологическими особенностями подросткового периода», при этом вне контекста продолжения этой гипотезы в содержании о том, «что отдельные акты поведения подростка не всегда выражают его социальную сущность, а подчас объясняются возрастными особенностями или совершаются под воздействием внешних факторов»⁷.

Для опровержения и исключения предлагаемых указанных тез, автором исследования намеренно был запланирован вопрос, ответы на которые призваны в последующем сформировать картину внутренних (субъективных) и внешних (объективных) противоречий, которые получают выражение в конфликтах в среде общения несовершеннолетних. Их проявления подлежат рассматривать в криминологическом содержании. В прямом значении – как предтеча возможным криминальным действиям, склонности к их совершению. В косвенном значении – как фактор ценностной ориентации личности, связанной с оценкой удовлетворенности окружающей его среды общения. В расчете на получение искомого сочетания конфликтов и удовлетворенности взаимоотношений с окружающими людьми, и был задан вопрос респондентам. Выяснению этих оценок предшествовало получение данных о том, что у подавляющего большинства опрошенных (68%) конфликты были иногда, 22% анкетированных отметили их отсутствие, и на частые их проявления указало 10% респондентов.

⁷ Бельский А.И., Ягодин Р.С. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Российский следователь. 2015. № 15. С. 48 – 50.

Конфигурация восприятия окружающего несовершеннолетних круга их общения во взаимосвязи с наличием у них конфликта с одноклассниками (однокурсниками) получила следующее графическое выражение (диаграмма 7).

Показательны обстоятельства суммарной неудовлетворенности взаимоотношениями с окружающими людьми (в разной их степени), которые преобладают у тех несовершеннолетних осужденных, которые отмечают наличие редких конфликтов. Таким образом, эти показательные данные дают основания отмечать, что редко конфликтующие несовершеннолетние обладают высоким зарядом раздражения от окружающих их людей. Немаловажно в данном случае обратить внимание на то обстоятельство, что описываемые оценки даны респондентами имеющими статус осужденных, что позволяет факультативно отмечать оставшуюся у них стратегию поведения личности в конфликтном взаимодействии, в основе которой лежат ориентации участников конфликта на свои интересы, и потенциальных угроз интересам и правам противоположной стороны.

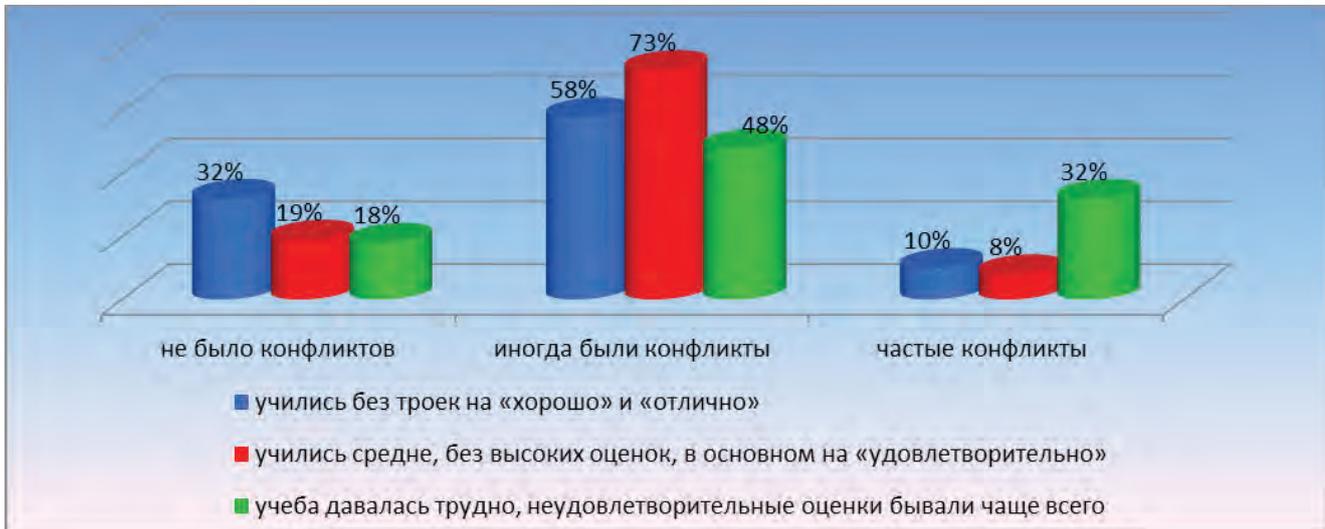
В работах многих исследователей личности преступников отмечается их низкий образовательный и культурный уровень. Данные закономерности сохраняются и применимы к исследуемой категории несовершеннолетних. Обобщенная социально-демографическая характеристика их успеваемости, конечно, не может раскрывать объемное содержание криминологически значимых сведений о них. Простейшие социологические замеры относительно успеваемости не несут в себе информации, которая могла бы быть использована при составлении портрета личности несовершеннолетнего преступника. Если бы такой замер был осуществлен и приведен в насто-

ящей работе в полученных данных, это обусловило бы девальвацию всего исследования. Для исключения таких методических недостатков полученные данные об успеваемости (75% учились

средне, «на удовлетворительно»; 13% – «неудовлетворительно»; 12% – на «хорошо» и «отлично») были коррелированы в контексте конфликтологии (диаграмма 8).

Диаграмма 8.

Соотношение наличия конфликтов со сверстниками у осужденных несовершеннолетних с их успеваемостью

Анализ иллюстрированных данных опроса, представленных выше, позволяет прийти к некоторым оценкам взаимосвязи профилактического эффекта дисциплины образовательной занятости и конфликтного взаимодействия несовершеннолетних осужденных. Основные выводы заключены в наличии высокой степени склонности к противоборству с окружающими у тех несовершеннолетних, которые имели опыт конфликтов, причем степень их успеваемости в данном случае не имеет особенного значения. Более того, «хорошисты» и «отличники» показывают более высокую степень подверженности к конфликтам, нежели отстающие в учебе их сверстники.

Складывающиеся в образовательной сфере жизнедеятельности несовершеннолетних отклоняющиеся формы поведения (в том числе, рассмотренные конфликты) и их потенции, в значительной мере могут быть блокированы микросоциальным воздействием духовного и нравственного воздействия, которое может оказать ближайшая и повседневная сфера их взаимодействия, складывающаяся в семье. Для целей формирования портрета личности несовершеннолетнего преступника прерогативу имеет не только выяснение материальной стороны семейного благополучия (уровень комфортности, достатка, доходов, потребностей, возможностей), но и эмоционально-психологического контакта с родителями.

Результаты настоящего исследования продемонстрировали, что у родителей несовершеннолетних осужденных сформировались следующие взаимоотношения: 57% респондентов фиксируют теплые, доверительные; 18% отметили нейтральные (безразличные), а 8% прохладные, натянутые; 12% опрошенных указали иные отношения не конкретизировав их сущность или содержание; враждебные отношения признали 3% анкетированных, и 2% отметили, что с родителями нет никаких взаимных отношений (диаграмма 9).

Эмоционально-психологическая отверженность значительной части несовершеннолетних лиц (в совокупности – 43%), которые за совершение преступлений были подвергнуты мерам уголовного наказания, выступает ярким доказательством сохранения в условиях современной действительности, давно установленных многими криминологами⁸ закономерностей продуцирования криминальных проявлений в «холодных» семьях. Однако, не допуская тавтологии в исследованиях коллег и использование апробированных иных методик, автор предпринял попытку определить взаимосвязь межличностных отношений между родителями в контексте разных конфликтных ситуаций. Данный спектр внимания может показаться не имеющим отношения к выяс-

⁸ Эминов В.Е., Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 107 – 112.

Диаграмма 9.

Структура взаимоотношения осужденных несовершеннолетних с родителями

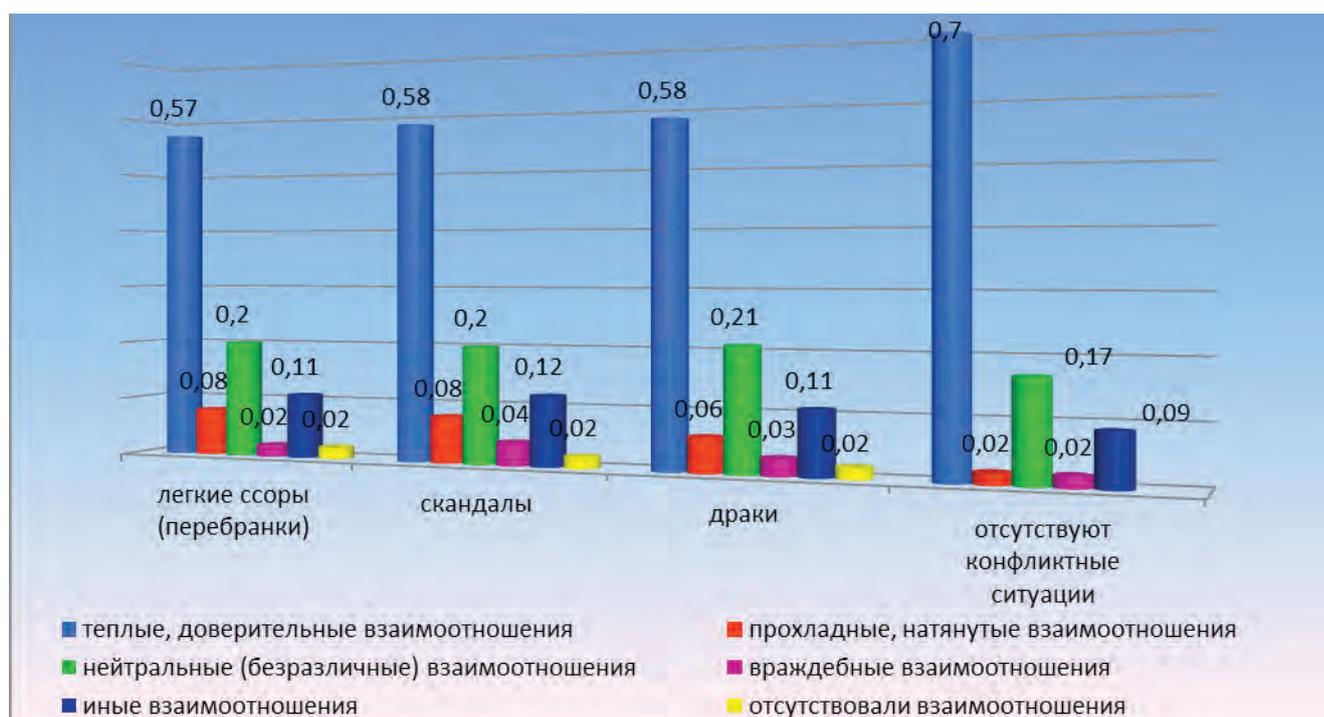

нению природы и свойств личности исследуемых субъектов – несовершеннолетних. Между тем, волатильностью состояния эмоционально-психологической среды общения в семейно-бытовых отношениях, не стоит пренебрегать в оценках детерминации криминализации несовершеннолетних членов семьи. В такой структуре коррелирующих зависимостей, можно обнаружить возможности применения мягких профилактических мер, которые способны

нейтрализовать отмеченные процессы детерминации, образно выражаясь, исключить их на дальних подступах. В контексте представленных соображений, на выбор респондентам была представлена заготовка структуры конфликтов в семье (перебранки, скандалы, драки), а также вариант их отсутствия. В иллюстрированном формате структура искомым данным представлена в следующем содержании (диаграмма 10).

Диаграмма 10.

Взаимосвязь конфликтных ситуаций в семьях осужденных несовершеннолетних с межличностными отношениями их родителей

Оценка представленных данных, позволяет отметить отсутствие тесной взаимосвязи между отношениями несовершеннолетних с родителями и происходящими конфликтами в их разной вариативности. Следовательно, это заключение позволяет прийти к выводу о том, что основная часть конфликтов не связана с поведением несовершеннолетних. Зерно или спусковой крючок, а также причины и условия конфликтов вне зависимости от их содержания кроются в иной плоскости. Между тем, в таких выводах нельзя обойти стороной другие значимые для получения криминологических знаний о детерминации и причинности преступного генезиса в среде несовершеннолетних важные обстоятельства. Они заключены в том, что при наличии внешне благо-

получной атмосферы в семье, в том числе выраженной в отношениях родителей к несовершеннолетним, наличие внутрисемейных конфликтов может рассматриваться как условие, нейтрализующее такие отношения. Прибегая к образным оценкам, постоянные проявления конфликтов между родителями, какими бы они не были по характеру и содержания, имеют эффект, выраженный в формуле: «вода камень точит». Где вода – конфликт, а камень – несовершеннолетний, его социальная среда – семья, которая утрачивает защитную функцию не в последнюю очередь в результате частых конфликтов.

Представленные результаты не являются окончательными. Продолжение результатов исследования будет проиллюстрировано в следующей работе.

Литература

1. Астанин В.В. Диалектика современного состояния муниципального правотворчества // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 14–17.
2. Бельский А.И., Ягодин Р.С. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Российский следователь. 2015. № 15. С. 48–50.
3. Демидова-Петрова Е.В. Криминологические значение информационных факторов в поведении несовершеннолетних // Вестник Казанского юридического института МВД России. № 3 (25). Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2016. С. 72–74.
4. Демидова-Петрова Е.В. О содержании криминологической политики борьбы с преступностью несовершеннолетних // Мониторинг правоприменения. № 4–2016. М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2016. С. 47–52.
5. Долгова А.И., Серебрякова В.А., Горбатовская Е.Г., Кригер В.И. Основы криминологии для практических работников. Методическое пособие. М., 1988. С. 86.
6. Лелеков В.А., Кошелева Е.В. Криминологический анализ преступлений несовершеннолетних против собственности // Российский следователь. 2015. № 13. С. 32.
7. Пристанская О.В., Е.М. Юцкова Методика криминологического изучения правосознания и общественного мнения о преступности. М., 1990. С. 31, 53.
8. Эминов В.Е., Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 107–112.

Мониторинг электоральной коррупции в России

(в исследовании М.М. Какителашвили «Конституционно-правовые проблемы финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации»)

Илий С. К. ¹

Ключевые слова: выборы, избирательная кампания, политическая партия, избирательный процесс, контроль, надзор, финансирование политических партий, финансовый отчет.

Аннотация. В настоящей статье автор высказывает свою позицию по наиболее актуальным проблемам электоральной коррупции в России, затронутым в монографии Какителашвили М.М. «Конституционно-правовые проблемы финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации».

В целом, рецензент отмечает, что монографическая работа успешно состоялась. Автор справился с поставленными в книге задачами: проанализировано законодательство о финансировании партий и избирательных кампаний, а также практика его применения. На основе анализа большого числа источников сформулированы аргументированные выводы, изложена авторская позиция по поводу понимания коррупции в избирательном процессе.

Книга рассчитана на специалистов в области противодействия коррупции, а также на широкую аудиторию заинтересованных читателей.

DOI: 10.21681/2412-8163-2017-1-18-22

В последнее время антикоррупционная тематика в научных исследованиях превратилась в модный тренд. За последние годы были написаны сотни работ – статей, монографий, диссертаций – по вопросам противодействия коррупции, как по юридическим, так и по политологическим наукам. При этом содержание большинства из них носит преимущественно описательный характер, без конкретных авторских выводов и предложений.

На этом фоне проявленный интерес к монографическому исследованию кандидата юридических наук Какителашвили М.М. «Конституционно-правовые проблемы финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации» обусловлен прежде всего тем, что в нем содержится оценка состояния коррупции в рассматриваемой сфере и предложена антикоррупционная концепция в сфере финансирования партий и избирательных кампаний.

Еще одним обстоятельством проявленного интереса к работе, явился личный многолетний научный интерес к проблемам противодействия коррупции. Пожалуй, как справедливо заметил профессор

Астанин В.В. [1] именно это обстоятельство имеет довлеющее значение при рецензировании работ.

Актуальность заявленной темы, помимо прочего, обусловлена Национальным планом противодействия коррупции на 2016 – 2017 годы (утвержден Указом Президента РФ от 01.04.2016 № 147) предусматривающим необходимость научных междисциплинарных исследований законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции и практики его применения.

Также экспертами Группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) рекомендовано провести независимое исследование финансирования политической деятельности (включая как общее финансирование политических партий, так и финансирование избирательных кампаний) и, основываясь на выводах этого исследования, разработать необходимые меры по исправлению ситуации².

² Второй отчет о выполнении Российской Федерацией рекомендаций ГРЕКО по итогам третьего раунда оценки по темам «Криминализация коррупционных деяний» и «Прозрачность финансирования политических партий» (Принят ГРЕКО на 73-м пленарном заседании, 17-21 октября 2016 г.). Сайт Генеральной прокуратуры РФ URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1139027/> (дата обращения 01.02.2017).

¹ *Илий Сергей Кириллович*, кандидат юридических наук, доцент, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере государственной и муниципальной службы, противодействия коррупции НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: ilies@rambler.ru

Какителашвили Михаил Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере конституционных прав и свобод человека и гражданина НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва.

Среди множества научных работ рецензируемое монографическое исследование привлекает к себе внимание по ряду причин, каждая из которых в различных аспектах демонстрирует актуальность, теоретическую значимость, научную новизну и индивидуальность предпринятого исследования. К ее основным достоинствам можно отнести научный подход, связанный с широким использованием специальной литературы, нормативного материала, исторического наследия России, зарубежного опыта, статистических и социологических данных. В работе использован богатый материал: монографии, диссертации, статьи и исторические документы.

Какителашвили М.М. не ограничивается сухим воспроизведением нормативного материала в части правового регулирования вопросов финансирования партий и выборов, а проводит тщательный и всесторонний анализ сложившихся в системе законодательства, правоприменительной практике и доктрине положений о финансировании партий и выборов.

В работе представлены результаты многолетних исследований автора. Она имеет четкую структуру и делится на четыре части (в свою очередь разделяются на 11 параграфов): первая посвящена вопросам теоретико-правового финансирования партий и избирательных кампаний; вторая – частным вопросам финансирования партий и избирательных кампаний; третья – государственным основам финансирования партий и избирательных кампаний; в четвертой – представлена классификация нарушений и раскрывается проблема применения ответственности за них, а также заключения и приложений.

Введение, с которого начинается монография, заставляет читателя понять важность противодействия коррупции в избирательном процессе как крайне опасному явлению – поскольку она порождает последующее многообразие коррупционных проявлений во всех органах власти.

В первой главе «Теоретико-правовые основы финансирования политических партий и избирательных кампаний в России и мире» Какителашвили М.М. обосновывает актуальность выбранной темы исследования, поясняя, что в работе сформулированы научные положения о месте и роли избирательного права в системе российского права.

Основываясь на накопленном в науке материале по вопросам противодействия коррупции в избирательном процессе, автор обосновывает, что противодействие коррупции является, прежде всего, задачей конституционного (государственного) права. Основная роль в антикоррупционной деятельности должна принадлежать конституционно-

му праву и конституционным методам правового регулирования. С этих позиций, даны конкретные предложения по совершенствованию российского законодательства, регламентирующего порядок финансирования политических партий и избирательных кампаний.

Особое внимание уделено автором понятийному аппарату, выявлению содержания понятий «финансирование партий», «избирательные фонды», «предвыборная агитация» и др.

В названной главе монографии нашли отражение также ретроспективный анализ эволюции избирательного права в России и сравнительный анализ финансирования партий и избирательных кампаний в зарубежных странах, что само по себе существенно обогащает полученные научные результаты. Автором работы исследовано значительное количество нормативных правовых актов государств Европы и Америки в сфере финансирования выборов и партий.

Во второй главе «Частное финансирование политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации» нашли отражение проблемы соотношения сложившейся в настоящее время практики правового регулирования финансирования выборов и политических партий на федеральном и региональном уровне. Интерес к соотношению федерального и регионального законодательства объясняется необходимостью поиска наиболее эффективных путей совершенствования законодательства, на что в частности указывали эксперты ГРЕКО³.

Особый интерес для читателя представляют результаты проведенного научного исследования, которые в концентрированном виде подаются во втором параграфе этой главы. В частности, положения о недопустимости финансовой поддержки политических партий и избирательных кампаний любыми юридическими лицами. По мнению Какителашвили М.М., только граждане имеют право поддерживать партии и кандидатов на выборные должности, любые финансовые пожертвования в фонд партии или кандидата – будущего чиновника делают его «обязанным» своему спонсору – ком-

³ ГРЕКО рекомендовала рассмотреть различные законы и нормы, относящиеся к финансированию избирательных кампаний на федеральном уровне, для того, чтобы устранить дублирование и несогласованность и обеспечить четкую и надежную правовую структуру. Во втором отчете о выполнении Российской Федерацией рекомендаций ГРЕКО по итогам третьего раунда оценки по темам «Криминализация коррупционных деяний» и «Прозрачность финансирования политических партий» (Принят ГРЕКО на 73-м пленарном заседании, 17-21 октября 2016 г.). ГРЕКО рекомендует властям держать этот вопрос под контролем и задуматься о возможностях дальнейшего упрощения законодательства для большей ясности и правовой определенности.

мерческой организации, что может порождать коррупционные схемы.

Достоинством работы является последовательность и системность изложения материала: от общих вопросов к конкретным видам коррупционных норм (избирательные фонды, «партийный максимум», партийные взносы и т. д.).

Импонирует позиция автора монографии об опасности влияния частного финансирования на публично-правовые отношения, возникающие в процессе финансирования выборов. В рассматриваемой монографии исследование проблемы частного финансирования избирательных кампаний получило продолжение и углубленную трактовку.

Ценным представляется анализ деятельности ряда некоммерческих организаций, как инструмента незаконного финансирования политических партий и избирательных кампаний, помещенный в третьем параграфе.

Представляется актуальной и оригинальной попытка автора раскрыть проблему «административного ресурса» как злоупотребление служебными полномочиями в главе третьей: «Государственное финансирование политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации». Актуализируя необходимость обеспечения равных условий для всех участников выборов, исключения возможности неравного финансирования партий, автор показывает значение «административного ресурса» как одного из элементов коррупции на выборах. По сути, это отдельная тема, поднимаемая автором книги, требующая специального рассмотрения.

ГРЕКО рекомендовано принять надлежащие меры, обеспечивающие, чтобы регулирование финансирования партий и избирательных кампаний не подрывалось злоупотреблением служебными полномочиями. Автор монографии, анализируя нарушения законодательства с точки зрения злоупотребления служебным положением в сфере финансирования политических партий и избирательных кампаний, предлагает пути воспрепятствования «административному ресурсу» как коррупционной составляющей выборов.

Эта глава монографии содержит много свежих идей. Так, заслуживает внимания позиция автора о необходимости законодательного закрепления процедуры проведения предварительного голосования (праймериз). В противном случае, по мнению автора, она служит одним из способов осуществления незаконного финансирования избирательной кампании.

На фоне обсуждаемых фактов финансовых злоупотреблений кандидата в Президенты Франции Ф. Фийона, связанных с трудоустройством

его жены в качестве помощника политика в парламенте Франции, якобы не выполнявшей никаких конкретных обязанностей⁴, а также фиктивных помощников евродепутата Марин Ле Пен, которые являлись партийными функционерами возглавляемой депутатом партии⁵, представляется актуальной позиция автора о возможной коррупционности косвенного государственного финансирования в России, осуществляемого посредством предоставления ежемесячного денежного вознаграждения, штата помощников, транспортных средств, средств связи, копировально-множительной техники и т.д. для осуществления полномочий депутатского корпуса, избираемого при поддержке политических партий.

В заключительной главе «Контроль (надзор) за финансированием политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации» раскрываются общие вопросы контроля за финансированием партий и выборов; типичные нарушения, их правовая характеристика и квалификация; а также практика их выявления органами контроля и применения конституционной, уголовной и административной ответственности к нарушителям.

Следует положительно оценить логику освещения органов (надзора) контроля в сфере финансирования избирательных кампаний. Автор последовательно анализирует законодательство и практику деятельности Федеральной налоговой службы России, Минюста России, Центральной избирательной комиссии России и избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, а также органов прокуратуры.

Полученные автором результаты не только значительно углубляют существующие взгляды на сущность и содержание института выборов, но и содержат практические рекомендации правоохранительным органам в целях противодействия незаконному финансированию политических партий и избирательных кампаний.

В заключении монографии предложены неутешительные выводы, которые можно сформулировать одной фразой: нынешняя система финансирования выборов и политических партий коррупционна по своей природе. Главное же предложение автора заключается в необходимости проведения конституционной реформы, которая должна положить конец коррупции в представительстве власти.

Поскольку проведенное научное исследование носит не только теоретический, но и приклад-

⁴ Известия URL: <http://izvestia.ru/news/661168#ixzz4XPrIdbUP> (дата обращения: 01.02.2017).

⁵ РИА «Новости» URL: <https://ria.ru/world/20170131/1486872268.html> (дата обращения: 01.02.2017).

ной характер, его результаты вполне могут быть востребованы и использованы научно-педагогическим составом высших учебных заведений юридического профиля.

Как и в любом монографическом исследовании, отличающемся существенной новизной и многоаспектностью использования специальных знаний, в работе Какителашвили М.М. имеется ряд дискуссионных положений, на которые нельзя не обратить внимания.

Во-первых, актуальность некоторых материалов, использованных при написании монографии, в настоящее время вызывает сомнения. Так, судя по некоторым сноскам, автором использовались материалы работ, изданных еще до принятия действующих законов «О политических партиях» (2001 г.), «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (2002 г.), а также введенной ст. 1411 УК РФ (2003 г.).

В рукописи не отражены законодательные изменения, связанные с финансированием политических партий, внесенные Федеральным законом от 19.12.2016 № 452-ФЗ «О внесении изменения в статью 33 Федерального закона «О политических партиях», а также данные финансовых отчетов политических партий за 2016 год, что явилось бы дополнительным аргументом в обосновании позиции автора о возрастающей роли государства в финансировании политических партий.

По непонятным причинам автор не учел в исследовании Второй отчет о выполнении Российской Федерацией рекомендаций ГРЕКО по итогам третьего раунда оценки по теме «Прозрачность финансирования политических партий» (Принят ГРЕКО на 73-м пленарном заседании, 17-21 октября 2016 г.).

Во-вторых, представляется, что автор несколько злоупотребляет постраничными ссылками, не всегда в рамках юридической тематики исследования. Порой увлекшись ссылками на исследования, проведенные в политологической сфере, автор выходит за рамки предмета исследования – изучения норм права и практики их применения в сфере финансирования политических партий и избирательных кампаний. Если основным адресатом работы являются юристы, то такой крен в политологию представляется излишним.

В-третьих, полагаем, что работу обедняет отсутствие анализа причин и условий совершения преступлений в сфере финансировании избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, а также анализа личности коррупционера-депутата. Без соответствующего криминологического анализа предложения автора в уголов-

но-правовой сфере представляются недостаточно аргументированными.

В-четвертых, в монографии прослеживаются несколько гипертрофированная роль, отводимая автором государственным контрольным (надзорным) органам в противодействии коррупции и, соответственно, недооценка потенциала институтов гражданского общества. Среди основных принципов Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» называет сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами. Так, например, Генеральная прокуратура Российской Федерации – ведомство, ответственное в Российской Федерации за участие в деятельности ГРЕКО – привлекала к обсуждению по темам «Криминализация преступных деяний» и «Прозрачность финансирования политических партий» представителей общественности, в том числе такие НКО, как «Трансперенси Интернешнл», общественное движение «Голос» и др.⁶

Система контрольных (надзорных) органов в сфере финансирования политических партий и избирательных кампаний представленная на страницах монографии выглядит не полно и не логично, поскольку не содержит важнейшего элемента – институтов гражданского общества.

В-пятых, можно выразить сожаление по поводу того, что в работе не уделено внимание антикоррупционной экспертизе правовых актов в сфере финансирования политических партий и выборов. В частности, в монографии имеются ссылки на оспоренные органами прокуратуры правовые акты в сфере финансирования выборов и научные статьи автора по вопросам антикоррупционной экспертизы [3], однако можно было бы уделить больше внимания указанной проблеме.

Вместе с тем указанные частные замечания не влияют на общую положительную оценку работы, носят рекомендательный характер и могут служить ориентиром при дальнейшей разработке вопросов совершенствования методики противодействия коррупции в сфере финансирования политических партий и избирательных кампаний.

Монографическое исследование «Конституционно-правовые проблемы финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации», будучи актуальным, самостоятельным, фундаментальным исследованием, обладающим значительной научной новиз-

⁶ Интервью первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации А.Э. Буксмана электронному изданию «Газета.ru». Сайт Генеральной прокуратуры РФ URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1139256/> (дата обращения: 01.02.2017).

ной, освещает ряд новых и важных для практики проблем, читается с интересом и заставляет задуматься над путями дальнейшего повышения эффективности системы финансирования выборов. Несомненно, книга принесет реальную пользу всем участникам избирательного процесса, прежде всего представителям политических партий, членам избирательных комиссий, а также сотрудникам правоохранительных органов, преподавателям и студентам.

Литература

1. Астанин В.В. Мониторинг диссертаций по антикоррупционной тематике: примеры и проблемы качества // Мониторинг правоприменения. 2015. № 2 (15). С. 31.
2. Какителашвили М.М. «Конституционно-правовые проблемы финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации» / монография. М.: ООО «Галерея Принт», 2017. 264 с.
3. Какителашвили М.М., Непомнящий В.А. Взаимодействие органов прокуратуры с институтами гражданского общества при проведении антикоррупционной экспертизы // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 1. С. 15–19.

Проблемы квалификации вымогательства, совершенного с применением насилия: практика правоприменения

Челябова З. М.¹

Ключевые слова: уголовное право, противоправные действия, виновный, угроза, преступление против собственности, потерпевший, причинение вреда здоровью, общественная опасность, общественно опасные последствия, физическое насилие, психическое насилие, вымогательская угроза, угроза насилием, квалификация насилия при вымогательстве, насильственные действия, способы, последствия насилия.

Аннотация. В статье проанализировано уголовно-правовое законодательство, регламентирующее это квалифицирующий признак, а также позиции уголовно-правовой доктрины относительно рассматриваемого признака. Помимо уголовного закона, анализу были подвержены и положения Постановлений высшего судебного органа. Приведена судебная практика, подтверждающая мнения автора, и побуждающая к констатации факта нелогичности нормы уголовного закона о насилии в вымогательстве, различающейся по наполненности содержания признака насилия в сравнении с другими статьями Особенной части Уголовного кодекса РФ, имеющими в наличии такой же признак. Автор аргументированно выявляет необходимость изменения настоящей редакции ст. 163 УК РФ в части, касающейся рассматриваемого признака (п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ).

Представленный автором вариант редакции насилия при вымогательстве отделяет насильственные действия и последствия, возникшие в результате его применения, с целью дифференциации наказания за них, что, по мнению автора, должно найти отражение во всех статьях, регламентирующих уголовную ответственность за насильственные преступления.

DOI: 10.21681/2412-8163-2017-1-23-26

Неблагоприятные изменения, произошедшие в сфере экономики, повлекли за собой такие негативные явления, как «безработица, снижение материального благосостояния значительной части населения, снижение как формального, так и неформального социального контроля в обществе» [1, с. 16].

Можно утверждать, что отрицательные экономические факторы способствуют все большей криминализации общества. Корыстно-насильственная преступность приобретает все более негативные количественные и качественные характеристики, организованные формы, элементы криминального профессионализма. В этой связи предупреждению посягательств на собственность, в том числе с применением насилия, совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения необходимо уделять постоянное внимание, чтобы они полностью соответствовали новым социальным потребностям.

Понятие «насилие» имеет в себе оценочные признаки, которые порождают затруднения при квалификации вымогательства с применением насилия.

Законодательная конструкция состава вымогательства содержит понятие насилия в п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ, в которой ему отводится квалифицирующего признака [2, с. 85]. Посредством употребления признака «с применением насилия» дифференцируется только данное посягательство на собственность. Употребляя лишь общее понятие насилия в составе вымогательства, уголовным законом не конкретизируются его дополнительные признаки, которые позволили бы отнести рассматриваемую норму к конкретному виду насилия, что, соответственно, позволяет включить в него опасное и не опасное насилие [1].

В отличие от нового Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)² предшествовавшее ему Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 4 мая 1990 г. № 3 «О судебной практике

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 21.07.2016).

¹ Челябинова Залина Магомедзагировна, ассистент кафедры процессуального права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Российская Федерация, г. Астрахань.
E-mail: zalina.chelyabova@yandex.ru

по делам о вымогательстве» в п. 9 и п. 10 содержало обе эти формы насилия³.

Е.А. Елец отмечает, что Постановление Пленума № 3, разъясняя опасную и не опасную форму насилия, несколько смешивало понятие насилия и угрозы, что создавало противоречие в толковании закона, ввиду чего предлагала под насилием применительно к вымогательству относить деяния, выраженные в причинении вреда здоровью вплоть до средней тяжести включительно⁴.

Сложившаяся практика толкования насилия при вымогательстве действительно свидетельствует об отнесении к нему в доктрине побоев, истязания, легкого и средней тяжести вреда здоровью.

Применение при вымогательстве насилия в виде побоев, физической боли, а также насильственных действий в виде причинения легкого или средней тяжести вреда здоровью, полностью охватывается ч. 2 ст. 163 УК и не требуют дополнительной квалификации (в отсутствие иных квалифицирующих обстоятельств) [3, с. 41].

Практика подтверждает это. Так, Родионов, реализуя свой преступный умысел, высказал потерпевшему незаконное требование о передаче ему имущества, на что получил отказ. Продолжая реализацию своего преступного умысла, Родионов нанес удары кулаком и ногами по лицу и телу потерпевшего, причинив ему физическую боль. Автозаводский суд г. Тольятти квалифицировал действия виновного по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК⁵.

Сложившаяся практика толкования насилия при вымогательстве также свидетельствует, что сопряжение насилия в этом составе с насильственными посягательствами на свободу человека или с насильственными половыми преступлениями требует дополнительной квалификации действий виновного по соответствующим статьям Особенной части УК РФ.

Например, Кировский районный суд г. Томска квалифицировал действия Ц. и С. по п. «а, ж» ч. 2 ст. 127 и п. «а, в» ч. 2 ст. 163 УК РФ. Действия виновных выражались в том, что Ц. и С., действовавшие по предварительному сговору, незаконно лишили свободы двух потерпевших, применили к ним насилие, требуя передачи чужого имущества. Применение насилия подтверждалось показания-

ми самих потерпевших, заключениями судебно-медицинских экспертиз, констатировавших получение ими телесных повреждений⁶. Хотя считаем, что следовало бы охватить насилием при вымогательстве и ограничение свободы, так как это действие тоже содержит в себе признаки, характеризующие его как насильственное.

Роль насилия при вымогательстве заключается в том, что оно подкрепляет угрозу, подтверждает ее реальность и применяется для усиления принудительного воздействия на потерпевшего⁷. С помощью насилия виновный подавляет волю потерпевшего, заранее парализуя возможные оборонительные действия с его стороны⁸.

Цель применения физического насилия при вымогательстве выражается в желании доказать потерпевшему, что в случае, если не будет передано имущество или потерпевший откажется совершить другие действия имущественного характера, то его ждут худшие последствия, что увеличивает вероятность удовлетворения законных требований⁹.

Получается, что насилие выступает средством принуждения потерпевшего к желаемому для вымогателя поведению, подкрепляющим требование.

В уголовно-правовой литературе имеются предложения рассматривать насилие в составе вымогательства как самостоятельное средство принуждения, а не как дополнение к угрозам¹⁰. Однако, следует согласиться с Р.З. Абдулгазиевым в том, что «единственным средством вымогательского принуждения была и остается угроза причинения вреда потерпевшему. Насилие же используется лишь как подтверждение реальности угрозы, создание обстановки реального осуществления угрозы»¹¹. Действительно, ведь применяя насилие, виновный демонстрирует поведение, которое еще больше убеждает жертву в неотвратимости последствий насилия в случае неисполнения требований вымо-

⁶ Обвинительный приговор РФ от 17.06.2011 // Официальный сайт обзора судебной практики «Судакт». URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.07.2016).

⁷ Чернобрисов Г.Г. Вымогательство: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации: дисс. ... канд. юрид. наук. Кемерово, 2011. С. 140.

⁸ Уфалов А.Г. Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за вымогательство и шантаж: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 99.

⁹ Тагиев Т.Р. Вымогательство по уголовному праву России: дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. С. 143.

¹⁰ Сафонов В.Н. Организованное вымогательство / В.Н. Сафонов. СПб.: Знание, 2000. С. 71; Романков А.Н. Уголовно-правовая характеристика насильственного способа совершения преступления против собственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2000. С. 6.

¹¹ Абдулгазиев Р.З. Вымогательство по российскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2003. С. 85.

³ Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 04.05.1990 № 3 (ред. 25.10.1996 № 11) «О судебной практике по делам о вымогательстве» // СПС Гарант (дата обращения: 21.07.2016).

⁴ Елец Е.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты вымогательства: по материалам Северо-Кавказского региона: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 111–112.

⁵ Обвинительный приговор РФ от 26.08.2015 № 1-655/2015 // Официальный сайт обзора судебной практики «Судакт». URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.07.2016).

гателя, что показывает неразрывность насилия и требования, подкрепленного угрозой.

По смыслу закона, насилие, сопровождая угрозу или следуя за ней, служит ее дополнением. Однако, Г.Л. Кригер посчитала иначе, отнеся к насилию при вымогательстве только физическое воздействие на потерпевшего, обосновывая тем, что угроза является обязательным признаком лишь основного состава¹². На наш взгляд, это мнение спорно. Законодатель, указывая на вымогательство, определил его как «... требование ... под угрозой ...». Повторяя в ч. 2 и ч. 3 ст. 163 УК термин «вымогательство», смеем утверждать, что вымогательство в этих частях сохраняет заявленную в ч. 1 ст. 163 УК формулу.

Н.А. Лопашенко также не согласна с выводом Г.Л. Кригер, так как законодатель употребляет термин «вымогательство» как требование передачи имущества под угрозами различного содержания и применительно к ч. 2 ст. 163 УК РФ¹³.

В юридической литературе имеются предложения изменить настоящую редакцию состава насилия при вымогательстве. И.В. Рыжкова рекомендует исключить квалифицирующий признак «с применением насилия». Автор предлагает конкретизировать применяемую форму насилия в ч. 3 и ч. 4 предлагаемой ею редакции статьи «Вымогательство»¹⁴.

Г.А. Прокопович видит необходимость дополнения насилия при вымогательстве словами «в том числе эмоционального», что, по его мнению, позволит расширить рассматриваемую категорию за счет отражения этого социально значимого явления¹⁵. Считаю это лишним, так как под насилием в уголовном праве принято понимать общественно опасное противоправное воздействие на организм и психику человека против и помимо его воли¹⁶, из этого следует, что «эмоциональное» отражает психическое воздействие, которое уже нашло место в основном составе вымогательства.

Рассматриваемый состав исключает причинение тяжкого вреда здоровью и смерти. Настаивать на этом позволяет обращение к п. «в» ч. 3 ст.

¹² Курс российского уголовного права. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Спарк, 2002. С. 371–372 (автор – Г.Л. Кригер).

¹³ Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность / Н.А. Лопашенко. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 282.

¹⁴ Рыжкова И.В. Вымогательство: теоретико-правовой анализ и криминологическая характеристика: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 235–236.

¹⁵ Прокопович Г.А. Ответственность за эмоциональное вымогательство / Г.А. Прокопович // Российский следователь. 2012. № 22. С. 19.

¹⁶ Челябинова Э.И. Уголовно-правовой и криминологический анализ неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: Дис.... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 78.

163 УК РФ, предусматривающей в качестве особо квалифицирующего признака причинение тяжкого вреда здоровью, чем законодатель усиливает вредоносную степень насилия. Наступление смерти находится за пределами вымогательства, о чем свидетельствуют особенности конструкции этого состава, где жизнь как дополнительный объект не обозначена.

Как видим, налицо разброс признаков насилия при вымогательстве, так как законодатель не ограничился описанием его признаков в основном составе вымогательства (угроза насилием). Удачным находим разграничение уголовной ответственности за угрозу насилием в ч. 1 и насилием в ч. 2 ст. 163. В ч. 2 ст. 163 УК говорится о насилии, а в ч. 3 о последствии в виде причинения тяжкого вреда здоровью. Это приводит к выводу, что последнее выходит за рамки насилия при вымогательстве. Такая техника, на наш взгляд, демонстрирует нарушение единства терминологии, которое сказывается на законодательной технике и интерпретации насильственных преступлений, в том числе вымогательства. Например, в ст. 302 УК упоминается только применение насилия, и отсутствует квалифицирующий признак причинения тяжкого вреда здоровью, который, соответственно, требует дополнительной квалификации по ст. 111 УК. Под насилием в ч. 1 этой статьи понимается насилие в виде побоев, причинения легкого или средней тяжести вреда здоровью¹⁷, как и в ч. 2 ст. 163. Однако ст. 333 УК показывает, что признак насилия не всегда ограничивается причинением побоев, легкого или средней тяжести вреда здоровью, к чему приходим вследствие обращения к п. «в» ч. 2 ст. 333 УК, где говорится о последствиях в виде причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Более расширенное понимание насилия наблюдаем в ст. 179 УК, которым законодатель охватил и побои, и все степени вреда здоровью¹⁸.

Тяжкий вред здоровью в результате вымогательства охватывает все признаки преступления, описанного в ст. 111 УК. Вменение этого признака обязательно требует связанности тяжкого вреда с требованием, подкрепляющим угрозу, о чем говорит смысл норм ст. 163 УК. Данный квалифицирующий признак может быть инкриминирован исключительно в случае реального наступления указанных в законе последствий, так как вымога-

¹⁷ Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. С. 440 (авторы – А.П. Кузнецов, А.П. Сидоров).

¹⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (4-е изд.) / Под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2012. С. 99 (автор – Г.А. Есаков).

тельство окончено с момента предъявления требования, подкрепленного угрозой.

Таким образом, признак насилия в УК (как и в вымогательстве) и его интерпретация очень многообразны, что не может быть оценено положительно, так как нарушается единообразие его понимания. Выход представляется нам в унификации законодателем понятия и содержания насилия либо в конкретизации последствий, которые будут свидетельствовать о насилии. С последним считаем тоже надо быть осторожными, так как пестрое описание последствий может превратить насильственное посягательство на собственность в преступление против личности, поскольку еще больше подчеркивается его полиобъектность с уклоном в сторону объекта в виде жизни или здоровья. Поэтому видим необходимость в отказе в составе вымогательства от такого признака, как причинение тяжкого вреда здоровью, что потребует дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ.

П. «в» ч. 2 ст. 163 УК предлагаем изложить с подробной редакцией насильственных действий (с целью единообразия наряду с другими насильственными посягательствами) – «с причинением побоев, а также насилия, повлекшего причинение легкого либо средней тяжести вреда здоровью».

Также считаем, что настоящая редакция ст. 163 УК РФ нуждается в таком квалифицирующем признаке, как «совершенное с применением оружия

или других предметов, используемых в качестве оружия», который является разновидностью насилия, так как в его основе лежит повинование, принуждение, подчинение воли жертвы и опасность причинения вреда здоровью или жизни лица. При этом следует различать демонстрацию оружия и его применение. Значение насильственного способа приобретает с момента демонстрации либо применения оружия или других предметов, рассматриваемых в таком качестве. Демонстрация оружия подкрепляет угрозу при высказывании требования (психическое насилие), а применение является средством реализации угрозы (физическое насилие). Этот признак присутствует в ст. 162 УК, что логично, так как применение оружия или других предметов, используемых в этом качестве, лишает потерпевшего возможности к сопротивлению, парализуя его способность к отращению опасности. Соответственно, применение оружия повышает степень общественной опасности вымогательства, что достаточно для придания ему значения квалифицирующего признака.

Необходимость этого признака, на наш взгляд, обусловлена также тем, что он отвечает требованиям, выработанным наукой уголовного права [4] для причисления тех или иных признаков к квалифицирующим: существенный перепад в уровне общественной опасности деяния по сравнению с основным составом¹⁹, относительная распространенность²⁰.

Литература

1. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность / Н.А. Лопашенко. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 281–282.
2. Атагимова Э.И. Правовое просвещение и предупреждение молодежной преступности // Мониторинг правоприменения. 2015. № 4. С. 16.
3. Яни П.С. Вопросы квалификации вымогательства // Законность. 2015. № 11. С. 41–45.
4. Атагимова Э.И., Макаренко Г.И. Борьба с коррупцией в России: законодательный аспект // Правовая информатика. 2016, № 2, С. 28-33

¹⁹ Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, О.Е. Спиридонова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 99.

²⁰ Костарева Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1992. С. 6.

Мониторинг судебной практики по вопросам антикоррупционной экспертизы и перспективы ее развития

Южаков В. Н., Ефремов А. А.¹

Ключевые слова: арбитражный процесс, гражданский процесс, уголовный процесс, административное судопроизводство, коррупциогенные факторы, коррупция, противодействие коррупции, судебные решения, судебная экспертиза.

Аннотация. В статье представлены результаты анализа потребности, практики и возможностей активизации участия судов в снижении коррупциогенности российского законодательства. Потребность участия в решении этой задачи и его активизации обусловлена недостаточной результативностью действующего механизма антикоррупционной экспертизы.

Выявлены концептуальные и правовые основы и ограничения участия судов в решении вопросов проведения антикоррупционной экспертизы.

Приведены результаты проведенного авторами контент-анализа в объеме свыше 4300 судебных решений по вопросам антикоррупционной экспертизы судов общей юрисдикции и оценка судебной практики по этим вопросам. Большинство судебных решений по вопросам антикоррупционной экспертизы (45,2%) касаются признания незаконного не проведения антикоррупционной экспертизы органами местного самоуправления и обязывания к ее проведению. Крайне невысок уровень выявления коррупциогенных факторов судами самостоятельно. Единичны решения, в которых суды предписывают конкретные способы устранения коррупциогенных факторов (1,72% от общего числа рассмотренных судебных решений). В целом суды не рассматривают содержащиеся в законодательстве коррупциогенные факторы в качестве обстоятельств, способствующих правонарушениям коррупционной направленности.

Авторами предложены два варианта технологии активизации участия судов в снижении коррупциогенности законодательства, предусматривающие как использование существующих механизмов, в первую очередь, частных определений об устранении причин и условий, способствовавших совершению коррупционных правонарушений, так и внесение изменений в процессуальное законодательство, расширяющих правовые возможности участия судов в снижении коррупциогенности законодательства.

Статья подготовлена на основе НИР, проведенной в РАНХиГС в 2016 году.

DOI: [10.21681/2412-8163-2017-1-27-33](https://doi.org/10.21681/2412-8163-2017-1-27-33)

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (далее также – антикоррупционная экспертиза; АЭ НПА) является законодательно установленным инструментом профилактики коррупции и совершенствования нормотворчества.

К настоящему времени накоплен большой опыт проведения АЭ НПА на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В частности, в 2015 году органами прокуратуры Российской Федерации проведена антикоррупционная экспертиза более 916 тыс. нормативных правовых актов (в

2014 году – 848 тыс.). Выявлено более 45 тыс. нормативных правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы (в 2014 году – 43 тыс.). В первом полугодии 2016 года прокуроры провели антикоррупционную экспертизу более 503 тыс. нормативных правовых актов (в первом полугодии 2015 года – более 445 тыс. актов). Выявлено почти 33,5 тыс. нормативных правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы (в первом полугодии 2015 года – 28,5 тыс.).

Вместе с тем, ориентация законодательства об АЭ НПА, национальных планов противодействия коррупции на деятельность преимущественно органов исполнительной власти и прокуратуры не позво-

¹ Южаков Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор, директор и главный научный сотрудник Центра технологий государственного управления ИПЭИ РАНХиГС, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: yuzhakov-vn@ranepa.ru

Ефремов Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления ИПЭИ РАНХиГС, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: efremov-a@ranepa.ru

ляет в полной мере реализовать потенциал АЭ НПА, а также обеспечить системное снижение коррупционности российского законодательства. Приведенные выше цифры свидетельствуют о росте числа выявляемых коррупционных факторов до 6,7% в 1 полугодии 2016 г. по сравнению с 2014 г. (5%).

Указанные обстоятельства связаны, на наш взгляд, в том числе, с недостаточно активной ролью судов в применении АЭ НПА и в поддержке ими ее применения в целях снижения коррупционности российского законодательства в целом.

Эта ситуация, на наш взгляд, не соответствует современным научным концепциям антикоррупционной политики, которые исходят из необходимости ее осуществления всеми органами системы государственной власти.

По мнению В.В. Астанина, «в России эффективное формирование и реализация антикоррупционной политики традиционно основывались на тесной связи правотворчества и правоприменения» [1].

Мамитова Н.В. определяет антикоррупционную политику как скоординированную деятельность всех органов государственной власти и структур гражданского общества, направленную на искоренение коррупции в обществе, развитие антикоррупционного сознания, на укрепление законности, проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов [3, с. 88-92].

При этом в современных научных исследованиях значение судебной практики для определения и реализации антикоррупционной политики, как и для укрепления законности и развития правовой системы РФ определяется тем, что судебная практика – не только средство обеспечения единообразного применения закона в типовых ситуациях разрешения споров о праве, но и в более широком смысле – индикатор фактического состояния правовой системы, указатель направлений ее совершенствования [7], а соотношение положений судебной практики и материального права определяется тем обстоятельством, что судебная практика может предвосхищать новые законодательные установления, так как суды первые выявляют и разрабатывают новые или неурегулированные юридические вопросы, которые законодательная власть впоследствии закрепляет в виде положений закона [6]. По мнению М.Н. Придворовой, судебная практика является наиболее эффективным способом устранения коллизий и пробелов в действующем законодательстве [6].

Тем самым, судебная практика, являясь важным инструментом совершенствования нормотворчества, концептуально имеет и значительный

потенциал для выявления и устранения коррупционных факторов в российском законодательстве.

По мнению С.В. Никитина [4], судебный нормоконтроль рассматривается как самостоятельное направление в реализации контрольной функции судебной власти, выступая средством «сдерживания» органов законодательной и исполнительной власти от незаконного (неправомерного) нормотворчества. Одновременно судебный нормоконтроль является одним из способов осуществления правоохранительной функции судебной власти, а также эффективным средством разрешения противоречий в нормативно-правовой системе государства [4].

Анализ принципов противодействия коррупции и антикоррупционной экспертизы, а также принципов и задач судопроизводства позволяет сделать вывод об имеющемся потенциале повышения роли судов в выявлении и устранении коррупционных факторов. Действующие процессуальные кодексы и постановления Пленумов Верховного Суда РФ ориентируют суды на выявление обстоятельств, способствовавших совершению правонарушений, достаточно определенно.

В целом, правовыми основаниями существующей практики участия судов в реализации законодательства об АЭ НПА являются:

– нормы административного процессуального законодательства (ранее – гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства), устанавливающие процедуры судебного нормоконтроля;

– возможность обжалования действий (бездействий) органов власти;

– положения постановлений Пленумов Верховного Суда РФ, ориентирующие суды на вынесение частных определений об устранении причин и условий, способствовавших проявлениям коррупции.

Для сбора информации о количестве, географическом распределении и содержании судебных решений проведен анализ решений в различных системах правовой информации.

Для отбора соответствующих судебных решений было установлено допущение о наличии в тексте термина «коррупционный фактор», поскольку использование иных терминов – «коррупция», «антикоррупционная экспертиза» повлияло бы на выборку соответствующих решений, как правило, связанных с общими организационными вопросами противодействия коррупции и антикоррупционной экспертизы, а не выявления и устранения конкретных коррупционных факторов.

Для проведения анализа практик участия российских судов в выявлении, признании и устранении коррупционных факторов в российских нормативных правовых актах и их проектах, в том

числе в рамках проведения АЭ НПА использован ресурс <http://sudact.ru> – база судебных решений всех судов Российской Федерации.

Указанная база включает в себя подразделы (по состоянию на 01.11.2016):

Верховный Суд РФ – 93 197 судебных актов;
Арбитражные суды – 51 821 754 судебных актов;
Суды общей юрисдикции – 21 159 138 судебных актов;

Мировые судьи – 20 865 441 судебный акт.

Поиск решений с использованием фильтра применяемого нормативного правового акта «антикоррупционной экспертизе» позволяет найти только единичные решения:

Верховный Суд РФ – 0 судебных актов;
Арбитражные суды – 1 судебный акт;
Суды общей юрисдикции – 1 судебный акт;
Мировые судьи – 0 судебных актов.

Для отбора соответствующих судебных решений было установлено допущение о наличии в тексте термина «коррупционный фактор»

По состоянию на 01.11.2016 в указанной базе содержится 4759 решений судов общей юрисдикции, в которых употребляется термин «коррупционный фактор».

В ходе анализа данное значение было уточнено путем исключения решений, в которых термин «коррупционный фактор» не используется (используется термин «фактор» и т.п.), и оно составило 4392 решения.

При этом количество решений серьезно варьируется в зависимости от судебной инстанции:

– первая инстанция – 3963;
– апелляция – 253;
– кассация – 130;
– надзор – 8;
– пересмотр – 38.

Такой количественный разрыв позволяет сделать вывод о том, что:

– выявление и, тем более, устранение коррупционных факторов не является самостоятельной целью при осуществлении правосудия, представляя из себя «побочный», факультативный элемент при рассмотрении отдельных судебных дел;

– имеет место низкая активность сторон процесса в дальнейшем обжаловании решений.

Географическое распределение решений по субъектам РФ отражено в наших публикациях [8, 9].

Хронологически (с момента вступления в силу ФЗ об АЭ НПА) указанные решения распределяются следующим образом:

2009 г. – 2 решения;
2010 г. – 225 решений;
2011 г. – 1072 решения;
2012 г. – 1012 решений;

2013 г. – 614 решений;

2014 г. – 669 решений;

2015 г. – 657 решений;

2016 г. (01.11.2016) – 141 решение.

Резкое (практически 2-кратное) сокращение количества решений в 2013-2015 г.г. по сравнению с 2011-2012 г.г. обусловлено характером данных решений. В 2011-2012 г.г. их подавляющая часть была связана с признанием незаконными бездействий органов власти (местного самоуправления) по не проведению АЭ НПА.

Выявление коррупционных факторов как самостоятельный элемент мотивировочной части решения суда является достаточно редким.

В научных исследованиях по гражданскому и арбитражному процессу отмечается, что мотивировочная часть служит средством демонстрации установленных судом обстоятельств с указанием на доказательства, на которых основаны выводы о фактах, с объяснением, почему одни доказательства судом приняты, а другие отвергнуты; аргументации относительно правовой квалификации установленных фактов, с приведением суждений, объясняющих выбор судом подлежащей применению нормы права, а при необходимости и её толкование применительно к установленным обстоятельствам соответствующего дела. Содержание мотивировочной части дела делает его понятным, логичным и убедительным, служит средством самоконтроля судей, постановляющих решение, а также помогает осуществить и упростить проверку правомерности решения [5].

Мотивированность как требование, предъявляемое к судебному решению, означает обязательность наличия в нем исчерпывающе аргументированных выводов суда о результатах оценки доказательств и установленных на их основании фактах [5].

Таким образом, определенная российским законодательством, научной доктриной и практикой правоприменения нацеленность судов на оценку представленных доказательств делает маловероятным самостоятельный вывод суда о наличии коррупционных факторов, если указанные обстоятельства не заявлялись сторонами процесса.

Однако в отдельных решениях указание на наличие коррупционных факторов имеется именно в мотивировочной части.

Например, в решении Заринского городского суда Алтайского края по делу № 2-*/2010 указано, что «с учетом установленных по делу обстоятельств, суд считает требования прокурора о незаконности указанных выше пунктов обоснованными и подлежащими удовлетворению. Суд исходит из того, что в оспариваемом нормативном правовом акте в пункте 2.3 введен общий – неопределенный и неконкретизированный перечень документов, при-

лагаемый к заявлению гражданина. В пункте 3 введена норма позволяющая не указывать время получения документов, соответственно не позволяющая проследить порядок, очередность предоставления документов. В пункте 6 оспариваемого акта введено ограничение предусмотренного действующим законодательством субъекта права на отказ в принятии граждан на учет в качестве нуждающегося в улучшении жилищных условий. Неопределенность требований выражается в том, что не понятно какой категории граждан и с какими документами необходимо обращаться для постановки на учет, по каким причинам может быть произведен отказ. *Неопределенность свидетельствует о наличии коррупционного фактора* – отсутствие четких и понятных для правоприменителей норм, что создает возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае, нарушает принципы равенства и верховенства закона».

В Решении № М-2410/2013 2-2629/2013 2-2629/2013~М-2410/2013 от 19 августа 2013 г. Ковровский городской суд (Владимирская область) указал, что «В соответствии с постановлением Правительства РФ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных актов и проектов нормативно правовых актов» от <дата><№> коррупционным фактором, устанавливающим для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, является принятие нормативного правового акта за пределами компетенции.

Поскольку оспариваемая норма муниципального акта не соответствует требованиям федерального и регионального законодательства, содержит коррупционный фактор, суд находит требования прокурора подлежащими удовлетворению».

Аналогичные правовые позиции содержатся еще в 5 решениях данного суда (Решение № М-2738/2013 2-2968/2013 2-2968/2013~М-2738/2013 от 8 августа 2013 г.; Решение № М-2737/2013 2-2966/2013 2-2966/2013~М-2737/2013 от 8 августа 2013 г.; Решение № М-2736/2013 2-2967/2013 2-2967/2013~М-2736/2013 от 8 августа 2013 г.; Решение № 2-2503/2013 2-2503/2013~М-2287/2013 М-2287/2013 от 5 июля 2013 г.; Решение № 2-2504/2013 2-2504/2013~М-2288/2013 М-2288/2013 от 5 июня 2013 г.)

Признание наличия коррупционных факторов как основание для признания нормативного правового акта недействующими является распространенным видом судебной практики.

Как правило, указанные судебные дела (до 15.09.2015 они рассматривались в соответствии с нормами ГПК РФ, а после вступления в силу КАС РФ – в соответствии с нормами последнего) ини-

цируются по заявлению (с 15.09.2015 – административному иску) прокуроров.

При этом указание прокурора (или иного участника процесса) на наличие коррупционных факторов само по себе не является основанием для признания нормативного правового акта недействующим.

В подавляющем большинстве решений обосновывается взаимосвязь между коррупционными факторами и принципом правовой определенности.

Оспариваемые нормы не отвечает критерию формальной определенности, устанавливает для правоприменителя (налоговых органов) необоснованную широту дискреционных полномочий.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 25 постановления от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части», проверяя содержание оспариваемого акта или его части, необходимо выяснять, является ли оно определенным. Если оспариваемый акт или его часть вызывает неоднозначное толкование, суд не вправе устранять эту неопределенность путем обязанности в решении органа или должностного лица внести в акт изменения или дополнения, поскольку такие действия суда будут являться нарушением компетенции органа или должностного лица, принявшего данный правовой акт. В этом случае оспариваемый акт в такой редакции признается недействующим полностью или в части с указанием мотивов принятого решения.

Количественные данные о состоянии судебной практики по признанию коррупционных факторов по субъектам РФ предоставлены в наших публикациях [8,9].

Вместе с тем, имеются и решения, в которых взаимосвязь принципа правовой определенности и коррупционных факторов является недостаточной для признания нормативного правового акта недействующим.

Например, в Решении № 2-9560/2013 М-8283/2013 2-1075/2014(2-9560/2013;~М-8283/2013 2-1075/2014 от 24 февраля 2014 г. Центральный районный суд г. Волгограда (Волгоградская область) указал, что «Оспаривая приведенные положения прокурором указано, что в Правилах выявлены коррупционные факторы, выраженные в неопределенности принятия решений по вопросам согласования проектов благоустройства в силу отсутствия нормативного регулирования, предъявляются завышенные, неопределенные, трудновыполнимые требования к лицу, имеющему намерение осуществить мероприятия по благоустройству, не определено понятие «приобъектной территории». Вместе с тем, положениями главы 24 ГПК РФ, принятым на её основании разъяснениями Пленума

Верховного Суда РФ, не предусмотрено возможности признания нормативного акта не действующим в связи с выявлением коррупционных факторов. Отсутствуют такие условия и в законодательстве о противодействии коррупции».

Аналогичная позиция имеется у судов и по фактам непроведения антикоррупционной экспертизы.

Например, в Определении № 33-3289/2012 от 4 апреля 2012 г. по делу № 33-3289/2012 Волгоградский областной суд (Волгоградская область) указал, что «факт того, что оспариваемое постановление антикоррупционной экспертизе не подвергалось, сам себе недействительности его не влечет. При наличии на то оснований по инициативе заинтересованных лиц либо прокурора его легитимность может быть проверена вне зависимости от результатов антикоррупционной экспертизы».

Согласно ч. 2 ст. 215 КАС РФ по результатам рассмотрения административного дела об оспаривании нормативного правового акта судом принимается одно из следующих решений:

1) об удовлетворении заявленных требований полностью или в части, если оспариваемый нормативный правовой акт полностью или в части признается не соответствующим иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, и не действующим полностью или в части со дня его принятия или с иной определенной судом даты;

2) об отказе в удовлетворении заявленных требований, если оспариваемый полностью или в части нормативный правовой акт признается соответствующим иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу.

Согласно ст. 216 КАС РФ в случае признания судом нормативного правового акта не действующим полностью или в части этот акт или его отдельные положения не могут применяться с указанной судом даты.

В случае признания судом нормативного правового акта не действующим полностью или в части не могут применяться также нормативные правовые акты, которые имеют меньшую юридическую силу и воспроизводят содержание нормативного правового акта, признанного не действующим полностью или в части, либо на нем основаны и из него вытекают.

Решение суда о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части не может быть преодолено повторным принятием такого же акта.

В случае, если в связи с признанием судом нормативного правового акта не действующим полностью или в части выявлена недостаточная правовая урегулированность административных и иных публичных правоотношений, которая может повлечь за собой нарушение прав, свобод и законных

интересов неопределенного круга лиц, суд вправе возложить на орган государственной власти, орган местного самоуправления, иной орган, уполномоченную организацию или должностное лицо, принявшие оспариваемый нормативный правовой акт, обязанность принять новый нормативный правовой акт, заменяющий нормативный правовой акт, признанный не действующим полностью или в части.

Ранее действовавшие нормы ГПК РФ и АПК РФ содержали аналогичные по сути положения.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении №48 от 29 ноября 2007 года «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» разъяснил, что при проверке содержания оспариваемого акта или его части, суд не вправе устранять эту неопределенность путём обязанности органа или должностного лица внести в акт изменения или дополнения, поскольку такие действия суда будут являться нарушением компетенции органа или должностного лица, принявших данный нормативный правовой акт. В этом случае оспариваемый акт в такой редакции признаётся недействующим полностью или в части с указанием мотивов принятого решения (пункт 25).

Вместе с тем, имеются решения, в которых суды предписывают конкретные способы устранения коррупционных факторов, однако формулирование самим судом требований об устранении коррупционных факторов в целом по РФ носит единичный характер (1,72% от общего числа судебных решений).

Наибольшее распространение получила практика признания незаконным бездействия органов власти и обязывании провести АЭ НПА.

Количественные данные по судебной практике об обязывании органов власти провести АЭ НПА по субъектам РФ приведены в наших публикациях [8, 9].

В целом по РФ таких решений 1987, что составляет 45,2%. Данный показатель свидетельствует о массовом неисполнении федерального закона об АЭ НПА органами местного самоуправления в РФ.

При этом в судебном решении может конкретизироваться срок проведения (от 10 дней до 3 месяцев, в большинстве случаев – 1 месяц).

Важно отметить, что указанная практика формально противоречит требованиям ФЗ об АЭ НПА, поскольку разработчики проводят АЭ именно проектов НПА.

Проведенный анализ судебной практики показал отсутствие как соответствующих правовых позиций судов об ответственности субъектов, проводивших АЭ НПА, так и соответствующих частных определений судов об устранении причин и

условий, способствующих неустранению на этапе разработке проекта НПА или его государственной регистрации, а также последующей АЭ НПА органами прокуратуры коррупционных факторов.

По нашему мнению, участие судов в снижении коррупционности законодательства может быть более активным. При этом развитие судебной практики по вопросам АЭ НПА, как и в целом активизация участия судов в снижении коррупционности российского законодательства возможна в двух взаимосвязанных вариантах.

Первый вариант («мягкая» технология активизации участия судов в снижении коррупционности законодательства) предполагает принятие ряда организационно-правовых мер в рамках существующих норм законодательства о противодействии коррупции и об АЭ НПА, процессуальных кодексов и постановлений Пленума Верховного Суда РФ. К этим организационно-правовым мерам относятся:

1) Определение активизации участия судов в снижении коррупционности российского законодательства в качестве одной из стратегических целей антикоррупционной политики в определяющих ее стратегических документах.

Данная мера может быть реализована путем закрепления данной цели в Национальной стратегии противодействия коррупции (утв. Указом Президента РФ от 13.04.2010 № 460) и текущем (и последующих) национальных планах противодействия коррупции.

2) Определение судов в качестве субъектов противодействия коррупции, в том числе в части работы по снижению коррупционности российского законодательства.

В настоящее время Национальная стратегия противодействия коррупции не выделяет суды в качестве субъектов, в чьих планах противодействия коррупции должны отражаться меры по реализации данной Стратегии.

В современных научных исследованиях разработка типового плана противодействия коррупции в суде также отнесена к обеспечению единых подходов к решению вопросов по профилактике коррупции *в самих судах* [2, с. 13].

Соответственно, на практике в настоящее время судами (как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ) инициативно принимаются планы противодействия коррупции. План противодействия коррупции принят в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации (утв. приказом Судебного департамента при Верховном суде РФ 31.12.2015 № 411). На уровне субъектов РФ его структурно и содержательно повторяют, например, План противодействия коррупции в Верховном Суде Республики Северная Осетия-Алания

на 2016 год, утв. Председателем Верховного Суда Республики Северная Осетия-Алания 25 января 2016 г., План противодействия коррупции в Ростовском областном суде на 2016 год, утв. Председателем Ростовского областного суда 03 марта 2016 г.).

В целом мероприятия данных планов направлены на предупреждение коррупции самими судьями и государственными гражданскими служащими аппарата суда, и не связаны с активизацией участия судов в снижении коррупционности законодательства.

На наш взгляд, для активизации роли судов в снижении коррупционности российского законодательства целесообразно дополнить п. 4 и п.п. «г» п. 7 Национальной стратегии противодействия коррупции указанием на «планы судов по противодействию коррупции на соответствующий период, реализующие стратегические цели противодействия коррупции», в том числе в части снижения коррупционности российского законодательства.

3) Проведение организационных и методических мероприятий в рамках организации судебной практики:

- обобщение существующей судебной практики;
- публикация специального тематического обзора судебной практики по участию судов в снижении коррупционности российского законодательства Верховным Судом РФ;

- проведение специальных методических совещаний с судьями, в том числе заседаний квалификационных коллегий судей по рассмотрению данного вопроса;

- организация мониторинга судебной практики по участию судов в снижении коррупционности российского законодательства Верховным Судом РФ;
- проведение регулярных совещаний по итогам мониторинга (ежеквартально, ежегодно).

4) Корректировка постановлений Пленума Верховного Суда РФ в части расширения практики вынесения судами частных определений (постановлений) по устранению причин и условий, способствующих совершению коррупционных правонарушений в различных сферах, а также причин и условий неэффективной реализации законодательства об антикоррупционной экспертизе субъектами, ее проводящими.

5) Широкое освещение положительной судебной практики по снижению коррупционности законодательства в СМИ, а также формирование специализированных информационных ресурсов (баз данных, сайтов) по такой практике.

Реализация указанных мер позволит повысить мотивацию к участию судебной власти в снижении коррупционности российского законодательства.

Второй вариант («интенсивная» технология активизации участия судов в снижении коррупци-

огенности законодательства) предусматривает разработку и внесение изменений и дополнений в существующие правовые механизмы проведения антикоррупционной экспертизы и соответствующие стадии судебных процессов. К этим изменениям и дополнениям относятся:

1. Изменение механизмов проведения антикоррупционной экспертизы, включающее:

- законодательное определение суда как субъекта, осуществляющего оценку и анализ коррупционности нормативных правовых актов;
- определение процедур взаимодействия суда с иными субъектами антикоррупционной экспертизы;
- определение правовых последствий и механизмов реализации судебных решений по устранению коррупционных факторов.

2. Изменение процедур в рамках судебных процессов, которое должно быть конкретизировано применительно к каждому виду судопроизводства.

2.1. В рамках производства по делам об оспаривании нормативных правовых актов должны быть обеспечены:

- расширение оснований для подачи административного иска (наличие коррупционных факторов как самостоятельное основание);
- расширение оснований для привлечения к участию в процессе органов прокуратуры и иных субъектов антикоррупционной экспертизы;
- определение механизма проведения антикоррупционной экспертизы в ходе процесса, в том числе привлечения соответствующих экспертов;
- изменение правовых норм, препятствующих проведению судебной экспертизы по вопросам права (в том числе наличия или отсутствия коррупционных факторов)

– определение правовых последствий и механизмов реализации судебных решений по устранению коррупционных факторов.

2.2. В рамках гражданского и арбитражного процессов должны быть обеспечены:

- определение процедур, осуществляемых судом при заявлении сторон о наличии в НПА, подлежащих применению в конкретном деле, коррупционных факторов;
- введение обязанности суда по выявлению в подлежащем применению по делу нормативном правовом акте коррупционных факторов;
- введение обязанности (а не права) суда по вынесению частных определений (постановлений) по устранению причин и условий, способствующих проявлению коррупции и специального контроля за исполнением указанных определений (постановлений).

2.3. В рамках уголовного процесса должны быть обеспечены:

- определение процедур, осуществляемых судом при выявлении коррупционных факторов;
- введение обязанности (а не права) суда по вынесению частных определений (постановлений) по устранению причин и условий, способствующих проявлению коррупции и специального контроля за исполнением указанных определений (постановлений).

Совокупность указанных изменений процессуальных кодексов РФ позволит снять существующие правовые ограничения и создать правовые основания для более активного участия судов в применении законодательства об АЭ НПА и в целом в работе по снижению коррупционности российского законодательства при рассмотрении ими административных, гражданских и уголовных дел.

Литература

1. Астанин В.В. Антикоррупционная экспертиза законодательства в развитии практики и методики // Мониторинг правоприменения. 2016. №3. С. 4–8.
2. Бухарев А.В. Теоретико-правовые аспекты организационно-управленческой деятельности по профилактике коррупции в районных судах Российской Федерации: автореф. дисс. ...канд.юрид.наук. М., 2016. 31 с.
3. Мамитова Н.В. Основные направления государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции // Право и современные государства. 2015. № 2. С. 88–92.
4. Никитин С.В. Судебный нормоконтроль в гражданском процессе и арбитражном процессе: вопросы теории и практики: автореф.дисс. доктора юрид. наук. М., 2010.
5. Пономаренко В.А. Мотивированность судебного решения в гражданском и арбитражном процессе: Автореф. дисс.канд. юрид.наук. М., 2007.
6. Придворова М.Н. Судебная практика в правовой системе Российской Федерации: автореф. дисс. канд. юрид. наук. 2003. URL: <http://www.dissercat.com/content/sudebnaya-praktika-v-pravovoi-sisteme-rossiiskoi-federatsii> (дата обращения: 01.11.2016)
7. Соловьев В.Ю. Судебная практика в российской правовой системе: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. 2003. URL: <http://www.dissercat.com/content/sudebnaya-praktika-v-rossiiskoi-pravovoi-sisteme> (дата обращения: 01.11.2016)
8. Южаков В.Н., Ефремов А.А. Развитие судебной практики по вопросам антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Журнал юридических исследований. 2016. Т. 1. № 3. С. 13.
9. Южаков В.Н., Ефремов А.А. Судебная практика по вопросам антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: современные тенденции и пути совершенствования // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. №10. С. 23–29.

Коррупционное злоупотребление правом в избирательном процессе

Акунченко Е. А.¹

Ключевые слова: злоупотребление полномочиями, избирательный процесс, выборы, дефекты законодательства, коррупциогенный фактор, антикоррупционная экспертиза, подкуп избирателей, технический кандидат.

Аннотация. В статье рассматривается феномен злонамеренной реализации субъективных прав в его коррупционном понимании. В результате проведенного анализа существующих доктринальных представлений о данном явлении и актуальных примеров правоприменительной практики выделены основные характерные черты, а также сформулировано определение коррупционного злоупотребления правом в избирательном процессе. По мнению автора, указанная девиация электорального поведения является следствием коррупциогенности норм законодательства о выборах, выявление и устранение которой призвано стать действенным средством защиты избирательных отношений от противоправных посягательств.

DOI: 10.21681/2412-8163-2017-1-34-40

Приходится констатировать, что на протяжении последних лет изучение коррупции в избирательном процессе проводится в аспекте политической (реже электоральной) преступности и в большинстве своем сфокусировано на проблемах подкупа различных субъектов избирательных отношений. Вместе с тем, как справедливо указывает П.А. Кабанов, это «более сложное, многоликое и многогранное негативное социальное политико-правовое явление, связанное с противоправной коррупционной деятельностью» [9, с. 401], которое, на наш взгляд, не ограничено составом административного правонарушения или уголовного преступления. Значительная часть деяний, направленных на причинение вреда субъектам избирательных отношений, формально не противоречит нормативным предписаниям в силу дефектности норм законодательства о выборах. По существу, подобные действия (бездействие) представляют собой *злоупотребление правом*, которое может рассматриваться как форма коррупции в избирательном процессе.

Феномен реализации субъективных прав «во зло» долгое время находится под пристальным вниманием научного сообщества. Получив широкое распространение в большинстве сфер правового регулирования, он приобрел ярко выраженные де-

структивные свойства. Неслучайно, что злоупотребление правом упоминается в числе основных угроз современному конституционализму [3, с. 581].

При значительном количестве работ, посвященных проблемам злоупотребления правом в избирательном процессе [1–2; 12–18; 20–21], на сегодняшний день в доктрине не выработан единый подход к понятию о данном явлении, а вопрос о его коррупционном аспекте и вовсе не нашел отражения в научных исследованиях. Анализ предложенных в научной литературе дефиниций позволяет выделить некоторые дискуссионные вопросы, от ответов на которые зависит определение свойств злоупотребления правом в избирательном процессе.

Первый дискуссионный вопрос заключается в том, какое осуществление прав признавать злоупотреблением и чем оно отличается от правомерного и (или) противоправного поведения. Мнения ученых на данный счет разделились. С одной стороны, злоупотребление избирательными правами представляется как вид конституционного правонарушения (М.Ю. Куликов, Д.В. Орлов), которое выступает основанием конституционно-правовой ответственности организаторов и участников выборов (М.С. Матейкович). Согласно иной позиции, рассматриваемое явление формально не составляет правонарушения (И.В. Советников) и заключается в использовании права без явного нарушения закона, но вместе с тем влечет нарушение

¹ Акунченко Евгений Андреевич, старший преподаватель кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета, член Избирательной комиссии Красноярского края с правом решающего голоса, Российская Федерация, г. Красноярск.

E-mail: eakunchenko@sfu-kras.ru

прав иных субъектов избирательного процесса (А.А. Макарец).

Поддерживая второй подход, отметим, что злоупотребление правом с формальной точки зрения представляет собой законное деяние. Оно возможно лишь тогда, когда управомоченное лицо действует (бездействует) в рамках установленных законом запретов, в случае их преодоления будет совершено правонарушение. Как указывает Л.А. Шарнина, «устанавливая подобного рода запреты, право обозначает естественные границы субъективного права, которое здоровое правосознание способно почувствовать и без внешних формализованных средств, но которые нуждаются в закреплении для гарантирования прав других лиц и защиты общественных интересов» [23, с. 10]. По сути, осознанный выход за пределы обозначенных, но необеспеченных правовыми средствами границ субъективного права составляет существо реализации права «во зло».

Рассматриваемое деяние не вступает в явное противоречие с положениями законодательства о выборах, несмотря на фактически противоправный характер. По своей природе видимость правомерности злоупотребления в качестве формального основания предопределяет «слабо конкретизированное нормативно-правовое регулирование, не позволяющее ясно определить допустимые правовые возможности и основания их реализации» [23, с. 11], которое иначе также именуют как возникающую в ходе избирательного процесса «правовую неопределенность» [14, с. 24]. В ее обнаружении и последующем устранении проявляется динамика механизма охраны избирательных отношений: «в законе закрепляется право – кто-то таким правом злоупотребляет – личным или общественным интересам причиняется вред – законодатель устанавливает соответствующее ограничение» [21, с. 55]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет об идеальной нормативной картине, в рамках которой «правильные комбинации и соотношения норм обеспечивают комплексное и согласованное правовое регулирование» [11, с. 50]. Применительно к нему вопрос о злоупотреблении правом необходимо рассматривать в плоскости допустимых пределов правовой регламентации.

В действительности же несовершенство юридической техники приводит к возникновению дефектов, которые служат своеобразной «лазейкой» для лиц, намеренных злоупотребить своим субъективным правом. Иногда на практике даже не здоровое, а профессиональное правосознание не в состоянии достоверно определить модель поведения, которая ожидается от субъекта правоотношений. Такие содержательные ошибки, как неопределен-

ность субъектов, на которых рассчитаны правовые предписания; неопределенность их прав и обязанностей; неурегулированность сопутствующих вопросов, возникающих в ходе реализации норм; неопределенность санкций, применяемых вследствие нарушения нормы; ошибки используемых понятий и другие [11, с. 51] предопределяют вариант реализации права, деформированный и противоречащий его предназначению.

Рассматривая злоупотребление правом в избирательном процессе сквозь призму коррупционных отношений, необходимо поддержать позицию о том, что «коррупциогенность правовых норм наряду с пробелами и коллизиями выступает одним из дефектов в избирательном праве» [22, с. 107]. Указанные дефекты необходимо расценивать как коррупциогенные факторы законодательства о выборах, под которыми в общем виде можно понимать «существенные обстоятельства, способствующие возникновению или стимулированию коррупционной мотивации и поведения субъектов избирательной кампании» [10, с. 41]. Их выявление и устранение входит в число приоритетных задач национальной политики противодействия коррупции и составляет основу антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов.

Отметим, что в настоящей работе мы используем определение коррупциогенных факторов, которое гораздо шире по своему содержанию, чем аналогичное определение, закрепленное в части 2 статьи 1 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»². Данный факт вызван тем, что в соответствии с логикой законодателя коррупция имеет место лишь в рамках взаимодействия правоприменителя и гражданина (организации), когда правам и законным интересам последних причиняется вред. На деле не только представители власти, но и сами управомоченные субъекты в силу дефектности норм законодательства о выборах зачастую способны причинить вред другим субъектам избирательного процесса.

Так, например, в национальной электоральной практике не установлена юридическая ответственность за «продажу» гражданином своего голоса при наличии таковой за действия, направленные на подкуп избирателей. Неоднозначность трактовки «свободы волеизъявления» позволяет носителям активного избирательного права полагать, что выражение своих политических предпо-

² Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 29. Ст. 3609.

чений можно успешно совместить с извлечением материальной выгоды. В науке высказывается множество подходов к возможному ограничению действий избирателей по продаже своих голосов вплоть до установления за их совершение административной [4, с. 13; 8, с. 27] и даже уголовной [24, с. 89–92] ответственности. Принимая во внимание то, что уголовным законодательством в качестве субъектов преступления признаются обе стороны коррупционной сделки, вопрос об ограничении действий по продаже голосов заслуживает пристального внимания.

Второй дискуссионный вопрос относится к осознанности деяний субъекта злоупотребления правом. В литературе достаточно часто встречается указание как на умышленный (М.Ю. Куликов, И.В. Советников), так и на неосторожный (Д.В. Орлов) или неумышленный (А.А. Макарецев) характер подобного поведения. Приведенные подходы основаны на утверждении о том, что расхождение цели, для достижения которой создан определенный правовой институт, и цели, которая преследуется уполномоченным лицом при осуществлении субъективного права, не всегда будет лежать в основе злоупотребления правом.

Действительно, противопоставляя общественные интересы, интересы отдельных участников общественных отношений своим собственным, лицо злоупотребляет правом. Установить назначение конкретного права можно, руководствуясь общими и отраслевыми принципами права, а также исходя из целей определенного института избирательного права. При этом, оценивая действия субъекта правоотношений на предмет злоупотребления правом, необходимо использовать «критерий добросовестности и разумности» [23, с. 12] целей таких действий и выбранных средств их достижения.

По мнению исследователей, необходимым признаком реализации права «во зло» должно являться наличие в деянии лица психической активности в форме *умысла*, поскольку действия, совершаемые неосознанно или случайно, не могут быть определены в качестве злоупотреблений. Степень осознания субъектом противоправности своего поведения может различаться, поэтому умысел при злоупотреблении правом следует подразделять на *прямой*, когда «лицо использует свое право в противоречии с его назначением исключительно в целях причинения вреда другому лицу», и *косвенный*, когда «лицо, совершая указанное деяние, преследует еще какие-либо цели» [21, с. 63–64].

Полагаем, что данная градация степени осознанности формально законных, но не соответствующих целям права действий, в рамках избиратель-

ного процесса является избыточной. Умысел, как форма вины, имеет в уголовно-правовой науке традиционное понимание и выступает в качестве обязательной, но не единственной характеристики субъективной стороны состава преступления. В связи с чем, использование понятийного аппарата, разработанного в иной области права, не может быть «лоскутным». Если предпринять попытку аналогии одного понятия, то она вынуждено повлечет за собой необходимость внедрения в правовую конструкцию других взаимосвязанных категорий. Тем самым, при наличии умысла в качестве обязательного признака злоупотребления правом в избирательном процессе нам также придется определять мотив, из которого она возникает, и так далее.

В случае злоупотребления правом нарушенный нормативно-правовых предписаний не происходит. Полагаем, что для квалификации деяния в качестве такового не существует и принципиальной разницы между целями, которые преследует в своих действиях лицо, если они расходятся с предназначением права. Так, например, вынесенный из избирательного участка бюллетень может быть оставлен на память, а не использован для организации «избирательной карусели». Но при этом такое поведение избирателя необходимо признавать в качестве злоупотребления, поскольку оно все равно несет в себе угрозу избирательным отношениям, предметно оценить которую с точки зрения воли возможно лишь в случае его деликтолизации. Тем самым, различные аспекты психической активности субъекта злоупотребления правом должны соединяться в рамках одной категории – цель. И тогда, когда она соответствует предназначению определенного правового института, действия лица в качестве злоупотребления правом признавать нельзя.

Рассматривая коррупционный аспект злоупотребления правом в избирательном процессе, необходимо подчеркнуть, что цель, которую преследует субъект избирательных отношений, будет иметь самостоятельное, коррупционное содержание. В соответствии с легальным определением коррупции, которое закреплено в статье 1 Федерального закона «О противодействии коррупции»³, целью коррупционных действий является получение имущественной выгоды для себя и (или) для третьих лиц вопреки законным интересам общества и государства. Однако системное толкование положений международных правовых актов и национального законодательства в сфере противодействия коррупции дает основания полагать, что цель корруп-

³ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ч. 1. Ст. 6228.

ции в избирательном процессе может включать также извлечение нематериальной выгоды. Подобная цель может варьироваться в зависимости от статуса субъекта коррупционных отношений и существующих коррупционных рисков, но при этом всегда будет лежать в основе коррупционных действий, в том числе возникающих в избирательном процессе. И, что немаловажно, если участник выборов злоупотребляет правом, то она будет противоречить цели, которая заложена в электоральном нормативном правовом акте. «Сущность коррупции, – замечает Е.В. Охотский, – заключается в злоупотреблении общественным доверием для получения неоправданных личных выгод и преимуществ в результате неофициального использования имеющихся правовых и социально-статусных возможностей» [19, с. 31].

Превышение меры возможного поведения субъектом избирательных отношений в случае, если оно противоречит законным интересам общества и государства (целям определенного института избирательного права) и направлено на извлечение материальной и (или) нематериальной выгоды для себя и (или) третьих лиц, потенциально может быть квалифицировано в качестве коррупционного злоупотребления правом в избирательном процессе. Однако данное следствие будет истинным, если мы выделим еще один существенный признак – *служебное положение, специальный правовой статус* субъектов коррупции в избирательном процессе [5, с. 98].

При рассмотрении указанного признака мы неизбежно сталкиваемся с проблемой определения перечня лиц, которые могут быть субъектами коррупционных отношений. Поддерживая широкую трактовку положений Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции [25], полагаем, что таковым может являться лицо, имеющее публичный статус, а именно выполняющие публичную функцию и (или) оказывающие публичную услугу.

К числу субъектов коррупции в избирательном процессе следует относить, *во-первых*, членов избирательных комиссий с правом решающего (совещательного) голоса; организации, осуществляющие выпуск СМИ (их представителей); лиц, замещающих государственные (выборные муниципальные) должности; лиц, находящихся на государственной (муниципальной) службе; лиц, являющихся членами органов управления организаций и, *во-вторых*, кандидатов (избирательные объединения), их доверенных лиц и уполномоченных представителей, наблюдателей и избирателей [6, с. 33–38].

Использование служебного положения характерно для первой категории субъектов корруп-

ции в избирательном процессе. Детальная регламентация их деятельности, наличие установленной законом системы запретов и ограничений во многом предопределяет противоправный характер возможных злоупотреблений служебным положением. Однако даже в подобных условиях существует некий правовой «люфт», посредством которого удается придать противоправному действию формально законный характер.

Так, например, в соответствии с пунктом 5 статьи 48 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁴ расходы на проведение предвыборной агитации осуществляются исключительно за счет средств соответствующих избирательных фондов в установленном законом порядке. Это требование в полной мере относится и к публикации агитационного материала в периодическом печатном издании, поскольку СМИ не вправе самостоятельно и безвозмездно проводить предвыборную агитацию в поддержку кандидата и (или) избирательного объединения. Однако главный редактор или журналист, используя свое служебное положение, могут безнаказанно разместить в периодическом печатном издании агитационный материал (посветив ему чуть ли не весь объем печатной площади), публикация которого не была оплачена из средств соответствующего избирательного фонда. В частности, это возможно всего один раз, в силу признака неоднократности, который необходим для признания действий СМИ в качестве предвыборной агитации (пункт 2.1 статьи 48 указанного Федерального закона). Поскольку масс-медиа представляют собой мощнейший рычаг воздействия на сознание избирателей, а их лояльность или ангажированность в период проведения выборов – важнейшее условие достижения желаемого результата [7, с. 50], то рассмотренная выше правовая неопределенность приводит к появлению в ходе избирательной кампании множества «газет-однодневок».

В свою очередь, использование специального правового статуса характерно для второй категории субъектов коррупции в избирательном процессе. К примеру, на практике имеют место случаи подкупа общественных наблюдателей за выборами, совершаемого с целью обеспечить бездействие последних при противоправном вмешательстве в процесс голосования и подведения его итогов. Молчание о нарушениях, как отмечает М.Ю. Куликов, «приносит вред не только конкретным канди-

⁴ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

датам, избирательным объединениям, но и обществу, подрывая доверие последнего к честности и справедливости выборов, а также наносит вред устоям демократического государства» [12, с. 30], хотя формально представляет собой субъективное усмотрение наблюдателя в процессе реализации специального правового статуса. В подобной ситуации провести водораздел между злонамеренным и правомерным деянием позволяет только анализ целевых установок управомоченного лица.

Третий дискуссионный вопрос заключается в установлении последствий злоупотребления правом. Ряд авторов подчеркивают, что результатом реализации субъективных прав «во зло» является не только нарушение прав и законных интересов, но и причинение вреда другому лицу, а также обществу либо государству (А.Р. Акчуринов, М.Ю. Куликов, Д.В. Орлов, И.В. Советников). В качестве видов вреда, причиняемого при злоупотреблении правом, выделяются:

нематериальный вред, выражающийся в создании необоснованных преимуществ одного кандидата и (или) политической партии над другими (получение пожертвований от лиц, которым запрещено вносить денежные средства в избирательный фонд кандидата, при помощи цепочки юридических лиц-посредников);

нематериальный вред, ограничивающий в реализации своих избирательных прав других лиц (использование пассивного избирательного права для продвижения списка кандидатов при последующем сложении мандата после дня голосования);

нематериальный вред, выражающийся в нанесении ущерба всеобщему благу (дискредитация отдельных институтов избирательного права или снижение в глазах общественности уровня легитимности и доверия к выборам) [20].

Существенность последствий причинения нематериального вреда не вызывает сомнений. Вместе с тем, полагаем, что также необходимо выделение и *материального вреда*. В целях его иллюстрации можно привести следующий пример. Одним из видов обеспечения равного права быть избранным в органы государственной власти является государственное финансирование избирательных кампаний кандидатов. Его основной формой считается не *прямое*, то есть непосредственное перечисление средств в избирательный фонд кандидата, а так называемое *косвенное* финансирование, когда всем зарегистрированным кандидатам в соответствии с избирательным законодательством предоставляется бесплатное эфирное время, бесплатные печатные площади, помещения для проведения агитационных мероприятий и так далее. Вместе с тем зачастую зарегистрированные кан-

дидаты используют предоставляемые в косвенной форме финансовые гарантии реализации пассивного избирательного права в целях, не связанных с избранием и служением народу. От их активности в период избирательной кампании в полной мере зависит объем расходуемых средств, выделяемых государством. В связи с чем, логично предположить, что эти средства должны быть направлены на достижение целей избрания по результатам выборов и представления интересов избирателей, выразивших кандидату свою поддержку. Но, к сожалению, это происходит не всегда.

Действующее избирательное законодательство своими положениями обеспечивает формальную правомерность действий, направленных на использование выделяемого государственного финансирования избирательных кампаний кандидатов в корыстных целях. Так, в соответствии с пунктом 4 статьи 48 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» кандидат самостоятельно определяет содержание, формы и методы своей агитации. Кроме того, по результатам агитационной кампании он может вовсе отказаться от участия в голосовании, если это не соответствует целям его участия в соответствующих выборах. Согласно пункту 30 статьи 38 рассматриваемого Федерального закона кандидат, выдвинутый непосредственно, не позднее чем за пять, а кандидат, выдвинутый в составе списка кандидатов, за пятнадцать дней до дня голосования вправе без вынуждающих к тому обстоятельств обратиться в избирательную комиссию с заявлением о снятии своей кандидатуры. Несмотря на то, что данные законоположения дополнительно гарантируют участникам избирательного процесса свободу в реализации своего пассивного избирательного права, в ряде случаев именно благодаря им происходит злоупотребление правом со стороны кандидатов.

Цели использования «во зло» государственного финансирования избирательной кампании кандидата могут выражаться, например, в исполнении определенной роли в ходе избирательной кампании, содержание которой зависит от поведения других участников процесса выборов. Так, некоторые кандидаты участвуют в них исключительно для обеспечения интересов «основного» кандидата, при этом играя лишь «техническую» роль. Нередко для того, чтобы ввести избирателей в заблуждение и «оттянуть» голоса у популярного кандидата, по аналогичному избирательному округу баллотируется кандидат-однофамилец, называемый иначе «двойник». Зачастую кандидат вступает в избирательный процесс в целях повышения узнаваемости

собственной персоны среди избирателей, или, скажем, являясь предпринимателем, для популяризации своей компании или продукта, который она производит.

Учитывая, что такие кандидаты выступают в качестве полноправных участников избирательного процесса, они также получают государственное финансирование на проведение агитационной кампании наравне с остальными. Соответственно, если кандидат выполнял «техническую» функцию и снял свою кандидатуру за несколько дней до выборов, то выделенные из бюджета средства, по сути, оказались потраченными впустую. Это свидетельствует о причинении в ходе рассматриваемых действий материального вреда, оценить который представляется возможным исходя из среднерыночной стоимости бесплатно предоставленных услуг со стороны государственных организаций, осуществляющих выпуск СМИ, собственников муниципального недвижимого имущества и других.

Таким образом, злоупотребление правом, основанное на корыстной заинтересованности упра-

вомоченного субъекта, несет в себе колоссальную угрозу. В подобной ситуации происходит не просто девиация электорального поведения, а целенаправленное нарушение баланса конституционных ценностей путем злонамеренного использования государственных гарантий избирательных прав граждан, которые по существу имеют прямо противоположное предназначение. На основе проведенного анализа мы приходим к выводу о том, что **коррупционное злоупотребление правом в избирательном процессе** – это формально законное использование субъектом избирательного процесса своего служебного положения (специального правового статуса) в целях извлечения любой выгоды для себя и (или) третьих лиц вопреки предназначению определенного института избирательного права. Указанная модель реализации права не образует состав конституционного правонарушения в силу коррупциогенности норм законодательства о выборах, но вместе с тем неминуемо влечет причинение материального и (или) нематериального вреда другим субъектам избирательного процесса либо избирательному корпусу в целом.

Литература

1. Акчурин, А.Р. К вопросу о злоупотреблении правами участниками избирательного процесса / А.Р. Акчурин // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 5. С. 40–43.
2. Акчурин, А.Р. Злоупотребление правом в избирательном процессе: проблемы противодействия / А.Р. Акчурин // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 11. С. 53–56.
3. Графский, В.Г. Четвертые философско-правовые чтения памяти академика В.С. Нерсисянца / В.Г. Графский, Л.Е. Лаптева, Н.В. Варламова, М.Ю. Пахалов // Право и политика. 2010. № 3. С. 574–601.
4. Дамм, И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Дамм Ирина Александровна. Красноярск, 2006. 214 с.
5. Зырянова, И.А. Коррупция в избирательном процессе: понятие и признаки / И.А. Зырянова // Уголовная юстиция. 2014. № 1. С. 97–100.
6. Зырянова, И.А. Основные субъекты коррупции в избирательном процессе / И.А. Зырянова // Мир юридической науки. 2013. № 10–11. С. 33–38.
7. Зырянова, И.А. Основные формы коррупции в избирательном процессе / И.А. Зырянова // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 45–50.
8. Игнатенко, В.В. Подкуп избирателей как коррупционное административное правонарушение / В.В. Игнатенко // Академический юридический журнал. 2014. № 3. С. 24–28.
9. Кабанов, П.А. Электоральная коррупция: осмысление научных подходов к явлению / П.А. Кабанов // Политические партии и выборы: проблемы современности : Материалы всероссийской научно-практической конференции. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2016. С. 399–404.
10. Климова, Ю.Н. Коррупциогенные факторы в избирательном процессе: подходы к определению и алгоритм стратегического управленческого воздействия / Ю.Н. Климова // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 39–48.
11. Коррупциогенность законодательства: причины, факторы, преодоление : монография / Н.А. Абузярова, В.Ю. Артемов, Б.А. Булаевский и др.; отв. ред. Е.И. Спектор, А.М. Цирин. Москва: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2013. 304 с.
12. Куликов, М.Ю. Злоупотребление избирательными правами избирателями, наблюдателями и иными участниками избирательного процесса / М.Ю. Куликов // Избирательное право. 2015. № 2. С. 25–32.
13. Куликов, М.Ю. Злоупотребление избирательными правами: основные подходы научного определения / М.Ю. Куликов // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2. С. 21–26.
14. Макарецв, А.А. Злоупотребление избирательными правами: понятие, признаки и проблемы правового ограничения / А.А. Макарецв // Юридическая наука и практика. 2011. Т. 7. № 2. С. 22–29.
15. Макарецв, А.А. Злоупотребление избирательными правами: проблемы правового ограничения / А.А. Макарецв // Современное право. 2010. № 6. С. 38–41.
16. Малиновский, А.А. Злоупотребления избирательными правами: вопросы квалификации / А.А. Малиновский // Право и управление. XXI век. 2008. № 1. С. 12–16.
17. Матейкович, М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Матейкович Максим Станиславович. Саратов, 2003. 452 с.

18. Орлов, Д.В. Институт юридической ответственности за избирательные правонарушения в современной России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Орлов Дмитрий Викторович. Нижний Новгород, 2007. 259 с.
19. Охотский, Е.В. Социально-правовая сущность и основные признаки коррупции / Е.В. Охотский // Государственный аудит. Право. Экономика. 2009. № 3. С. 25–36.
20. Советников, И.В. Злоупотребления правом в избирательном процессе : монография [Электронный ресурс] / И.В. Советников. Москва: ЧеРо, 2010. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
21. Советников, И.В. Злоупотребления правом в избирательном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Советников Иван Васильевич. Москва, 2006. 195 с.
22. Цыбуляк, С.И. Дефекты конституционно-правового регулирования избирательных отношений в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Цыбуляк Сергей Иванович. Тюмень, 2010. 269 с.
23. Шарнина, Л.А. Злоупотребление конституционными правами и злоупотребление полномочиями: общее и особенное / Л.А. Шарнина // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 9–15.
24. Щедрин, Н.В. О необходимости уголовной ответственности за продажу избирателями своих «голосов» / Н.В. Щедрин // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 89–92.
25. Щедрин, Н.В. О совершенствовании законодательного определения коррупции / Н.В. Щедрин // Право и политика. 2009. № 7. С. 1448–1452.

Власть, управление и самоуправление в государственно организованном обществе

Савичев А. А.¹

Ключевые слова: власть, государственная власть, муниципальная власть, управление, самоуправление, местное самоуправление, общество, государственно организованное общество, объект управления, субъект управления, ресурсы (источники) власти, свобода.

Аннотация. Статья представляет собой исследование основных сущностных характеристик власти, управления и самоуправления. Рассматривается вопрос о соотношении этих понятий. На основе исследования различных подходов к определению терминов «власть» и «управление» автор излагает собственное мнение по данной тематике. Делается вывод о нецелесообразности их отождествления. Власть рассматривается как явление, выступающее «статичным» по отношению к термину «управление», который подразумевает воздействие на конкретный объект в динамике. Описываются основные особенности власти, управления и самоуправления в государственно организованном обществе. Особое внимание уделено местному самоуправлению как одному из важнейших демократических институтов современности. Анализируются основные проблемы реализации муниципальной власти с точки зрения дефицита ресурсов, необходимых для ее осуществления. Предпринята попытка выделить основные факторы ограничения свободного функционирования структур местного самоуправления.

DOI: [10.21681/2412-8163-2017-1-41-44](https://doi.org/10.21681/2412-8163-2017-1-41-44)

Вопрос о сущности власти привлекает к себе большое внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Безусловно, в различных источниках, в зависимости от сферы их применения, можно встретить множество подходов к определению данного понятия.

В.И. Даль понимает власть как «право, сила и воля над чем-то, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление...»²

«Большая советская энциклопедия» дает следующую трактовку власти: «Власть – авторитет, обладающий возможностью подчинять своей воле, управлять или распоряжаться действиями других людей. Появилась с возникновением человеческого общества и будет в той или иной форме всегда сопутствовать его развитию. Власть необходима, прежде всего, для организации общественного производства, которое немислимо без подчинения всех участников единой воле, а также для регули-

рования других взаимоотношений между людьми, связанных с жизнью в обществе»³.

В социальной философии под властью понимается «способность и возможность социального субъекта осуществлять свою волю, используя различные ресурсы и технологии (авторитет, силу, традиции, закон, техники манипуляции сознанием и т. д.)»⁴. [3, с. 16]

Ю. А. Тихомиров, анализируя сущность власти с точки зрения ее роли в обществе, приводит следующее определение: «Власть является мощным организующим и регулирующим фактором общественной жизни. Ее можно охарактеризовать как способность подчинять поведение и деятельность людей воле всего общества или отдельного класса. Власть может выражать как общую волю и общие интересы, основываясь на добровольном и сознательном подчинении, так и волю группы лю-

³ Большая советская энциклопедия (В 30 томах). Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1977. – Т. 5. – С. 151.

⁴ Шабурова О. В. Власть // Социальная философия: словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. – М.: Академический Проспект, 2003. – С. 49.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Том первый. А-З. Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, Спб. – М., 1880. С. 216.

¹ Савичев Алексей Аркадьевич, научный сотрудник научно-исследовательского отдела ФБУ «Научный центр правовой информации» при Минюсте России, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: isx7801@mail.ru

дей, навязываемую большинству членов общества насильно»⁵.

Власть как таковую следует рассматривать в качестве базового и фундаментального явления государственно-правовой действительности по отношению к таким социальным процессам, как управление и самоуправление. Власть – это важнейший атрибут государственно организованного общества. Именно она предопределяет все социально-управленческие процессы.

В научной литературе встречаются различные подходы к вопросу о соотношении понятий «власть» и «управление». Так, А.Е. Мушкин в работе «Государство и право – исторические разновидности органов и норм управления обществом» отстаивает точку зрения, согласно которой данные термины тождественны. Автор утверждает, что эти два понятия по существу соответствуют двум сторонам одного явления. Если оно рассматривается в социальном плане, то именуется управлением. Когда же речь идет о его психологических аспектах, то используется термин «власть»⁶.

А. К. Белых в своей работе «Управление и самоуправление», рассматривая вопрос о соотношении власти и управления, справедливо указывает на то, что власть и управление – это однопорядковые явления. Управление в любом социуме представляет в сущности своей функционирование общественной власти. Без власти не существует управления. Управление – это естественное состояние власти. Как и управление, общественная власть – общесоциологическое явление, она присуща любому обществу, на всех этапах его развития⁷. Мнение о том, что управление выступает в качестве процесса упорядочивающего воздействия на соответствующий объект, встречается у И.М. Степанова. По данному вопросу автор пишет следующее: «Управление – это главным образом организующая деятельность, а власть – это, прежде всего, авторитет»⁸.

Аналогичной позиции придерживается А.М. Барнашов: «Управление – это, прежде всего, активная организующая деятельность определенных управляющих органов, это процесс реализации, функционирования власти, ее динамика, ее естественное состояние. Сущность же власти – в ее способности определять, детерминировать волевою, целенаправленную деятельность людей, под-

чинять поведение каждого участника управленческих отношений единым авторитетным началам в целях сознательного регулирования многообразных сторон общественной жизни, а в конечном счете – для обеспечения прав человека»⁹.

В.С. Диев также рассматривает управление как общественное явление, характеризующееся «подвижностью». Исследователь отмечает: «Управление – процесс воздействия субъекта на объект, направленный на упорядочение, сохранение, разрушение или изменение системы объекта в соответствии с поставленной целью. Оно может быть охарактеризовано как преобразующая и направляющая деятельность, осуществляемая субъектом по отношению к объекту управления, обеспечивающая достижение заданной цели» [1, с. 41].

На наш взгляд, понятия «власть» и «управление» отождествлять не следует, так как первое представляет собой саму по себе способность оказывать некое определяющее воздействие на поведение и деятельность людей, а второе – это, по сути, процесс реализации власти. Иными словами власть – это понятие «статичное» по отношению к термину «управление», которое, в свою очередь, подразумевает воздействие на конкретный объект в динамике. При этом субъект не может оказывать соответствующее воздействие на объект, не обладая властью, которая возникает у данного субъекта за счет конкретных ресурсов, таких, как авторитет, сила, знание, богатство, информация (источники власти). Следовательно, способность воздействия на объект – это условие, при котором возможен процесс управления. То есть управление может осуществляться только при наличии у конкретного субъекта власти. Таким образом, несмотря на то, что понятия «власть» и «управление» не следует отождествлять, они являются взаимосвязанными, неотделимыми друг от друга, обеспечивая в совокупности организацию функционирования конкретных систем и составляющих их элементов.

Доминирующее положение в обществе имеет государственная власть [1, с. 41], которая является наиболее эффективной в процессе выстраивания системы общественных отношений. Как отмечалось выше, функциональная природа власти выражается в том, что она обозначает способность и возможность упорядочивающего воздействия. Понятие «государственная власть», по мнению А.Ф. Малого, не должно сводиться лишь к функциональной сущности данного государственно-правового явления. По данному вопросу автор справедливо отмечает следующее: «Государственная

⁵ Тихомиров Ю.А. Власть и управление в социалистическом обществе. М.: Юр. лит-ра, 1968. С. 25.

⁶ Мушкин А.Е. Государство и право – исторические разновидности органов и норм управления обществом. Л.: ЛГУ, 1969. С. 6,8.

⁷ Белых А.К. Управление и самоуправление. Л.: ЛГУ. 1972. С. 102.

⁸ Степанов И.М. Советская государственная власть. М.: Наука, 1970. С. 9.

⁹ Барнашов А.М. Государственная власть как форма организации общества. // Вестник Томского государственного университета. № 283 / 2004. С. 10.

власть, как конституционно-правовая категория, используется в двух значениях: как совокупность властных государственных полномочий и как совокупность (система) государственных органов»¹⁰.

О наиболее четком разграничении государственной власти и общества следует вести речь применительно к условиям отсутствия у населения политических прав. В случае же признания этих прав и предоставления их гражданам на законодательном уровне можно говорить о фактической интеграции общества в систему государственной власти.

Самоуправление представляет собой более совершенную форму организации жизни, чем управление¹¹. Это обуславливается тем, что при его реализации не требуется какого-либо воздействия на объект управления, исходящего от того или иного стороннего субъекта. Воля управляющего фактически отображается в его собственном поведении. В силу этого самоуправление следует рассматривать в качестве более оперативной формы упорядочивания жизнедеятельности.

Так как самоуправление предполагает совпадение в одном лице субъекта и объекта управления, то можно вести речь о том, что оно подразумевает власть самоуправляющегося над самим собой. В качестве наглядного примера можно привести один из важнейших демократических институтов – местное самоуправление. Тем не менее, как отмечалось выше, любая власть (в том числе, власть самоуправляющегося над самим собой) должна иметь определенные ресурсы.

В основе осуществления власти лежит свобода того, кто ее реализует. Без этого признака власть утрачивает свою изначальную сущность. Следовательно, если вести речь о власти субъекта над самим собой (о самоуправлении), то необходимо подразумевать свободу его решений и действий по отношению к себе.

На практике, исполняя нормы Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», реализовать абсолютную свободу затруднительно. Данный Федеральный закон устанавливает полную подотчетность органов местного самоуправления федеральным органам государственной власти. Контроль за деятельностью структур местного самоуправления осуществляется органами прокуратуры Российской Федерации и другими упол-

номоченными федеральным законом органами государственной власти и местного самоуправления (в исключительных случаях). Органы местного самоуправления должны принимать все решения по согласованию с вышестоящими органами государственной власти¹² [4, с. 197].

Кроме того, свобода субъекта власти обеспечивается наличием соответствующих ресурсов. Отдельные исследователи отмечают тенденцию дефицита ресурсов на уровне местного самоуправления в современной России, подчеркивая при этом, что в такой ситуации ни о каком местном самоуправлении речи быть не может, и указывая на фиктивность формулировок законодательства о самостоятельности и независимости муниципальной власти [2, с. 22–24; 4, с. 199]. Следовательно, под сомнение можно поставить и существование полноценной властной системы на муниципальном уровне на территории тех или иных административно-территориальных единиц. Ведь, как отмечалось выше, сущность власти, как таковой, во многом определяется свободой ее носителя. Это означает, что, несмотря на закрепление на законодательном уровне властных полномочий органов местного самоуправления по решению конкретных вопросов муниципального значения, у них зачастую нет реальной власти. Так как соответствующие публично-правовые образования на практике не обладают достаточными ресурсами для осуществления своих функций, то у них фактически отсутствует сама по себе возможность эти функции реализовать. Недостаточно лишь законодательно закрепить властный статус конкретных органов. Необходимо обеспечить соответствующую финансовую и материальную базу для их функционирования. В противном случае данные структуры не будут обладать властью на практике и, как следствие, не смогут осуществлять управленческие процессы. Это касается как органов государственной власти, так и органов местного самоуправления.

Таким образом, при принятии муниципальными структурами управленческих решений можно выделить такие факторы ограничения свободы, как: 1) организационный (необходимость согласования своих действий с вышестоящими органами государственной власти); 2) экономический (ограниченность финансовых и материальных ресурсов многих муниципальных образований, несопоставимость уровня их финансовой обеспеченности с объемом возлагаемых на них государством задач).

¹⁰ Малый А.Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. 2001. № 3. С. 99.

¹¹ Бардаков А.И. Власть и управление в формах коллективной жизни: монография / А. И. Бардаков; ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы». Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2006. С. 12.

¹² См.: ст. 70–78 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. Понятия «власть» и «управление» следует разделять между собой. Власть следует рассматривать как предпосылку и средство управления в рамках любого государственно организованного общества. Если подразумевать под властью предпосылку управленческой деятельности, то следует вести речь о способности и возможности оказывать определяющее воздействие на поведение и деятельность людей. Если же рассматривать данное государственно-правовое явление как средство управления, то под ним необходимо понимать систему государственных

органов, обладающую соответствующими властными ресурсами.

Отождествление данных терминов затрудняет отграничение факторов, условий и предпосылок организующего воздействия на жизнедеятельность социума от самого процесса упорядочивания общественных отношений.

Местное самоуправление в отдельных случаях нельзя рассматривать в качестве реального процесса осуществления муниципальной власти в силу того, что последняя зачастую не является полноценной и самодостаточной, не имея необходимых властных ресурсов.

Литература

1. Диев В.С. Власть в российской модели управления. // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2013. Том 11, выпуск 1. С. 41–46.
2. Лексин В.Н. Местное самоуправление и местная власть в современной России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Выпуск № 4, том 4, 2011. С. 6–27.
3. Солонько И.В. Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ: монография / И. В. Солонько. 3-е изд., перераб. и доп. М. 2011. 304 с.
4. Танимов О.В. Теория юридических фикций : монография / отв. ред. Т.В. Кашанина. Москва : Проспект, 2016. 224 с.

Некоторые аспекты организационных основ деятельности специализированных государственных органов, входящих в систему обеспечения национальной безопасности ФРГ и Австрии

Кикоть-Глуходедова Т. В. ¹

Ключевые слова: система обеспечения национальной безопасности, внутренняя и внешняя безопасность государства, органы государственной власти, государственное устройство, ФРГ, Австрийская республика.

Аннотация. ФРГ и Австрия являются участниками блока НАТО. Тесная координация и взаимодополняемость действий вооруженных сил и спецслужб данных стран при отсутствии в их отношении реальной военной угрозы позволяет им серьезно экономить ресурсы. После распада СССР военные бюджеты данных государств были существенно сокращены, но их расходы на обеспечение внутренней безопасности из-за угрозы терроризма непрерывно возрастают, как возрастают и их усилия по повышению взаимодействия в рамках Европола и по линии деятельности спецслужб.

Следует отметить, что организационная структура сил обеспечения национальной безопасности ФРГ и Австрийской Республики похожа, но не идентична. Конституции ФРГ и Австрийской Республики предельно четко определяют порядок привлечения вооруженных сил для обеспечения внутренней безопасности. Кроме того, австрийцы, получив независимость в 1955 году, творчески учли опыт ФРГ при строительстве отечественной системы обеспечения национальной безопасности и созданная ими модель полицейской системы наиболее близка к российской.

В статье рассматриваются принципы и особенности организации системы обеспечения национальной безопасности ФРГ и Австрии.

DOI: [10.21681/2412-8163-2017-1-45-49](https://doi.org/10.21681/2412-8163-2017-1-45-49)

Организационная структура сил обеспечения национальной безопасности (далее – СОНБ) ФРГ и Австрийской Республики (по форме государственного устройства – федеративные государств, принадлежащие к германской ветви романо-германской правовой семьи) схожа, но при этом имеется ряд весомых отличий.

Так, верховным главнокомандующим вооруженными силами ФРГ в соответствии с конституцией является глава правительства – бундесканцлер, которому напрямую подчиняются все федеральные министры и руководители отдельных служб, в том числе и те, которые отвечают за обеспечение национальной безопасности: министр иностранных дел; министр обороны; министр внутренних дел; директор службы внешней разведки (БНД); министр финансов и министр юстиции.

Министерство иностранных дел отвечает за дипломатическое взаимодействие ФРГ с иными го-

сударствами на международной арене, в структуре которого имеется мощное аналитическое подразделение, готовящее главе правительства соответствующие материалы по обеспечению национальной безопасности из открытых источников.

Служба внешней разведки (БНД) обеспечивает политическое руководство страны необходимой информацией, получаемой из закрытых источников. По понятным причинам успехи БНД не афишируются, но тот факт, что ей законодательно разрешили работать на территории ФРГ не только против иностранцев, а также тот факт, что на территории ФРГ не совершено столь громких терактов, как в США, Великобритании, Испании и Франции говорит сам за себя.

Министерство обороны ФРГ является головным ведомством, обеспечивающим внешнюю безопасность страны и очень важным «дублером» полиции при обеспечении внутренней безопасности государства. Это самое затратное министерство Германии – его бюджет на 2016 г. составил 34 миллиарда 300 миллионов евро [1].

¹ Кикоть-Глуходедова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: support@mosu-mvd.com

Министр обороны ФРГ – обязательно гражданский политик, осуществляет общее руководство вооруженными силами. Непосредственно руководит деятельностью бундесвера (так называются вооруженные силы ФРГ) начальник Генерального штаба. Кроме командующих видами вооруженных сил (сухопутные войска; ВВС; ВМФ) ему непосредственно подчиняется начальник МАД (службы военной разведки и контрразведки), начальник службы военной полиции и начальник службы технической разведки и криптографии.

Военная разведка и контрразведка (МАД) обеспечивает военно-политическое руководство страны необходимой информацией о процессах, происходящих в мире и несущих угрозу национальной безопасности страны. С 2006 г. бундесверу руководством ФРГ официально поставлена задача встречать угрозу террора еще за пределами страны. Кроме военной разведки МАД обеспечивает всю контрразведывательную работу среди военнослужащих и гражданских работников министерства обороны ФРГ.

Служба военной полиции обеспечивает правопорядок в вооруженных силах и обеспечивает охрану военных объектов, она тесно взаимодействует с МАД и территориальными органами МВД ФРГ.

Служба технической разведки и криптографии считается одной из лучших в мире еще с первой мировой войны. О ней практически нет упоминаний в открытой прессе, но благодаря сенсационным разоблачениям Эдварда Сноудена мы знаем, что она очень тесно взаимодействует с АНБ и ЦРУ США.

Министерство внутренних дел ФРГ является ведущим и самым многочисленным федеральным министерством, ответственным за внутреннюю безопасность страны. Бюджет МВД на 2016 год уступает только министерству обороны – он равен 7 миллиардам 800 миллионам [2].

Его деятельность на федеральном уровне дополняют МВД субъектов федерации. Так, министр внутренних дел земли назначается главой исполнительной власти земли и лишь координирует с министром внутренних дел ФРГ в рамках закона свою деятельность. И далеко не всегда их партийная принадлежность совпадает, что только увеличивает вероятность строгого соблюдения закона полицейскими органами. При этом, если у земли возникнет необходимость в оказании дополнительной полицейской помощи, она ее гарантировано получит от федерального МВД, а если будет в этом необходимость, то и от бундесвера.

МВД ФРГ организационно состоит из трех самостоятельных видов федеральных полицейских

сил, тесно координирующих между собой свою деятельность: федеральной полиции (бундесполицай) – ее сотрудники несут службу только в форме; федерального ведомства уголовной полиции (Бундескриминалханд – БКА) – сотрудники БКА всегда работают в гражданской одежде; федерального ведомства по охране конституции (Бундесшутцверfassungсунг – БШФ) – так называются органы контрразведки в Германии, ее сотрудники также несут службу всегда в гражданской одежде. На федеральную полицию возложены задачи: охрана важных федеральных объектов; охрана правопорядка на железнодорожном и авиатранспорте и вокзалах; борьба с терроризмом; пограничный контроль в аэропортах и морских портах; решение внезапно возникающих задач по приказу министра внутренних дел ФРГ. Дополнительная задача – установление жесткого контроля, в случае необходимости, за сухопутной границей.

БКА – это мощное, технически великолепно оснащенное, федеральное полицейское управление уголовной полиции, которое самостоятельно не имеет права расследовать уголовные дела на территории земель, но может это делать по просьбе земельных органов. Главная его задача – координация деятельности между федеральными и земельными полицейскими органами. В его структуре находятся подразделения, выполняющие функции национального бюро интерпола и европола; группа охраны высших должностных лиц страны, а также все традиционные службы криминальной полиции: штабная; уголовного розыска; по борьбе с организованной преступностью; по борьбе с экономическими преступлениями; архивно-криминалистическая; расследования государственных преступлений.

БШФ – орган федеральной контрразведки и политической полиции. Основные его задачи: борьба со шпионажем; борьба с терроризмом; правым и левым экстремизмом; защита государственной тайны. Особенностью организации службы контрразведки и политической полиции в ФРГ является то обстоятельство, что их земельные органы, также как и земельные органы уголовной полиции организационно практически самостоятельны – они лишь в рамках закона координируют свою деятельность с БШФ и БКА.

На земельном уровне в состав МВД земли входит полиция безопасности (зихерхайтсполицай), сотрудники которой несут службу только в форме и представляют из себя самый многочисленный вид полицейских сил полиции земель. Выполняемые ими задачи типичны: несение патрульно-постовой службы; охрана важных сооружений и зданий; конвоирование арестованных и их ох-

рана во время судебных заседаний; паспортный контроль и лицензионно-разрешительная работа; охрана общественного порядка во время проведения массовых спортивных мероприятий, шествий и митингов; обеспечение безопасности дорожного движения; обеспечение чистоты и порядка на рынках; соблюдение правил охоты и рыбной ловли и др.

Также в тех землях, где протекают большие реки и имеются крупные озера, создается водная полиция, сотрудники которой обеспечивают правопорядок на водных вокзалах и речных судах.

Полиция готовности (берайтшафтсполицай) – это унифицированное мобильное формирование полиции, выполняющее задачи по борьбе с массовыми беспорядками и оказанию помощи полиции безопасности. Но, в отличие от остальных полицейских органов земель, которые содержатся только за счет бюджета земли, все отряды полиции готовности содержатся за счет федерального бюджета. Ими командует только министр внутренних дел ФРГ через специального инспектора.

Земельное ведомство уголовной полиции (ЛКА) – выполняет на территории земли классические функции уголовной полиции. Руководитель ЛКА назначается министром внутренних дел земли и перед ним ответственен. К услугам его ведомства все криминалистические учеты БКА и помощь, если ее попросят, специалистов БКА или БШФ. Земельное ведомство охраны конституции (ЛШФ) – выполняет на территории субъекта федерации стандартные функции контрразведки. Руководитель ЛШФ назначается министром внутренних дел земли и перед ним ответственен.

Министерство финансов ФРГ имеет в своей структуре цолькриминаламт – таможенную полицию, которая выполняет функции таможни и налоговой службы (всего на территории ФРГ более 20 таможен и 40 их филиалов). Ими в 2014–2015 гг. конфисковано только контрафактной продукции на сумму 133 миллиона евро ежегодно [3, с. 19–20].

Министерство юстиции ФРГ, кроме стандартных функций, свойственных всем Миюстам Европы, руководит лишь всей правовой работой по организации деятельности пенитенциарной службы. Поэтому его бюджет на 2016 год сравнительно небольшой – 745 495 евро [4]

Минюст ФРГ разрабатывает на основе федерального закона свои инструкции, которые обязательны во всех исправительных учреждениях страны, но каждая земля имеет своего министра юстиции, который назначается главой исполнительной власти земли и перед ним ответственен. Именно министру юстиции земли подчиняются все начальники тюрем, расположенные на территории субъекта федерации.

Таким образом, пенитенциарная система ФРГ устроена столь своеобразно, что сочетает в себе как элементы централизации (право министра юстиции ФРГ на издание приказов и инструкций, обязательных для исполнения во всех тюрьмах страны и право сотрудников министерства юстиции ФРГ проверки их выполнения), так и элементы децентрализации (подчинение всех руководителей тюрем на территории субъекта федерации министру юстиции земли).

ФРГ по форме государственного устройства является относительно децентрализованной федерацией, и данное обстоятельство полностью учитывается в организационном построении системы обеспечения внутренней безопасности. Полицейская и пенитенциарная системы в своей организации оригинально и гармонично сочетают принципы централизации и децентрализации с целью повышения эффективности деятельности СОНБ ФРГ в целом. При отсутствии реальной внешней угрозы немцы, создав оригинальную полицейскую и пенитенциарную системы, сосредоточились на решении проблем обеспечения внутренней безопасности и надо отметить, что в целом они это делают достаточно успешно, обеспечивая своим гражданам высокий уровень жизни.

Следует отметить, что Австрийская Республика, являясь нейтральным государством и членом Евросоюза, сумела добиться впечатляющих успехов во всех сферах жизни общества, в том числе и в области обеспечения безопасности. В условиях отсутствия внешней угрозы – Австрия граничит только с дружественными ей странами-членами Евросоюза – австрийцы, учитывая опыт полицейского и пенитенциарного строительства ФРГ, создали свою весьма интересную и очень оригинальную, а по многим аспектам деятельности даже похожую на российскую модель полицейской и пенитенциарной системы.

Австрия, как и ФРГ, по форме правления парламентарная республика. Правительство страны возглавляет Бундесканцлер. В отличие от ФРГ Австрия относительно централизованная федерация и данное обстоятельство предопределяет совершенно иные подходы в сфере управления органами полиции и пенитенциарной системы: она строится на основе принципа централизации и полного подчинения вышестоящим руководителям земельных органов полиции и пенитенциарной системы.

Структура федеральных полицейских органов идентична с земельными органами полиции. Назначение руководителей земельных полицейских органов прерогатива МВД Австрии, глава правительства субъекта федерации – губернатор лишь может согласиться или не согласиться с пред-

ложенной МВД кандидатурой. Снятие с должности руководителя полиции земли осуществляется МВД без согласия губернатора. Все министры назначаются на должности главой государства – президентом страны, но только по предложению Бундесканцлера и ему подчиняются. Наиболее важную роль в СОНБ Австрии играют министерства иностранных дел; обороны и спорта; внутренних дел; юстиции; финансов.

МИД Австрии, как и все подобные ведомства, обеспечивает политическое руководство страны необходимой открытой информацией, получаемой по дипломатическим каналам.

Министерство обороны и спорта осуществляет руководство вооруженными силами, а поскольку внешней угрозы нет, то и, по совместительству, спортом. Его бюджет на 2015 год составлял 1 миллиард 980 миллионов евро [5]

В структуре министерства функционируют две самостоятельные спецслужбы: военная разведка (Heeres-Nachrichtenamt) и военная контрразведка (Abwehramt). Они самым тесным образом взаимодействуют органами МВД.

Министерство внутренних дел является ведущим министерством в системе органов исполнительной власти Австрии, ответственным за внутреннюю безопасность страны. Оно, например, как МВД Франции, Италии и Испании, кроме полиции, отвечает еще и за многие другие направления деятельности этого органа исполнительной власти внутри страны – от местного самоуправления до гражданской обороны. Его бюджет на 2015 год составлял 2 миллиарда 450 миллионов евро [5].

В его составе 5 дирекций. Одна из них – Генеральная дирекция общественной безопасности, возглавляемая Генеральным директором в ранге государственного секретаря, занимается исключительно вопросами обеспечения внутренней безопасности.

Генеральному директору общественной безопасности (ГДОб) МВД Австрии напрямую подчиняются четыре руководителя, каждый из которых возглавляет самостоятельный вид полицейских сил: полицию безопасности; федеральное ведомство уголовной полиции (БКА); федеральное ведомство по противодействию коррупции и по борьбе с коррупцией; федеральное ведомство по охране конституции и борьбе с терроризмом.

Полиция безопасности – создана по образцу и подобию аналогичной службы полиции земель и федеральной полиции ФРГ. Ее функции и задачи практически идентичны федеральной полиции ФРГ и полиции безопасности земель ФРГ. Сотрудники полиции безопасности Австрии несут службу всегда в форме и с оружием. Это самый многочисленный вид полицейских сил Австрии.

Федеральное ведомство уголовной полиции (БКА – Бундескриминальамт) создано по образцу и подобию аналогичной структуры в ФРГ (у них даже название одинаковое), но с одним очень серьезным исключением – в Австрии в БКА не входит весь полицейский аппарат, который борется с экономическими преступлениями. Он выделен в самостоятельную структуру. Но в состав БКА МВД Австрии, как и в БКА МВД ФРГ, входят подразделения, ответственные за связь с Интерполом; Европолом и Сирене бюро (техническое подразделение австрийской полиции обеспечивает связь с шенгенской информационной системой ЕС. (ТВК-Г)).

Федеральное ведомство по предупреждению коррупции и борьбе с коррупцией) создано 1 января 2010 г., которое расследует все экономические и коррупционные преступления в стране. Кроме этого, австрийский законодатель в специальном законе определил этому новому виду полицейских сил «международное взаимодействие в сфере полиции по предупреждению преступных посягательств... с Европейской организацией по борьбе с мошенничеством (OLAF), ИНТЕРПОЛОМ, ЕВРОПОЛОМ и иными тождественными организациями».

Федеральное ведомство по защите конституции и борьбе с терроризмом (Bundesamt für Verfassungsschutz und Terrorismusbekämpfung) – так называется контрразведка Австрии. После террористических актов, совершенных в США в сентябре 2001 г., австрийский законодатель 1 января 2002 г. внес в соответствующий закон дополнения и возложил на службу контрразведки борьбу с терроризмом. После успешно проведенной полицейской реформы в 2005 г. всемирно известное анти-террористическое подразделение «Кобра» вошло в состав именно этой службы.

Все 9 полицейских управлений субъектов федерации (их руководители назначаются МВД только с согласия губернаторов, но могут быть освобождены от должности без согласия главы исполнительной власти земли) организационно состоят из этих четырех видов полицейских сил. Городские и окружные полицейские комиссариаты являются уменьшенной копией земельных полицейских управлений. Вся полицейская система страны четко структурирована и иерархична. Прошедшие после реформы годы показали высокую эффективность созданной полицейской системы.

Министерство юстиции Австрии, кроме стандартных функций, свойственных всем европейским странам, по правовой регламентации деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководит работой всей пенитенциарной системы. Бюджет министерства юстиции на 2015 год составлял 1 млрд 309 млн евро [5], а бюджет

только пенитенциарной службы за 2015 год – 406 млн 300 тыс. евро [6].

Министерство финансов Австрии в своей структуре на правах дирекции имеет органы финансовой полиции, которые занимаются сбором налогов и расследованием налоговых преступлений. Финансовая полиция тесно взаимодействует в процессе своей деятельности с БКА и, особенно, с Федеральным ведомством по предупреждению коррупции и борьбе с коррупцией МВД Австрии.

Таким образом, создавая после восстановления суверенитета свою СОНБ, австрийцы учли и творчески использовали опыт ФРГ, но внесли в германскую модель принципиальные изменения – австрийцы не только централизовали свою полицей-

скую и пенитенциарную систему, но и выделили из БКА МВД самостоятельное подразделение – ведомство по предупреждению коррупции и борьбе с коррупцией.

Эти принципиальные изменения, кстати, дали серьезные и для многих неожиданные результаты – в январе 2013 г. судом г. Вены был осужден за коррупцию на 4 года тюрьмы бывший министр внутренних дел Австрии и депутат Европарламента Эрнст Штрассер (он, кстати, был «отцом» успешной полицейской реформы 2002–2005 гг.), а количество тюремного населения Австрии за последние 5 лет сократилось почти на 25 % и составило в 2015 г. 15 547 заключенных против 20 000 чел. в 2010 г.

Литература

1. Официальный сайт Министерства обороны ФРГ. URL: <https://www.bmvg.de> (дата обращения: 18.09.2016).
2. Официальный сайт Министерства внутренних дел ФРГ. URL: <http://www.bmi.bund.de> (дата обращения: 18.09.2016).
3. Борьба с преступностью за рубежом. ВИНТИ РАН. 2016. № 8.
4. Официальный сайт Федерального министерства финансов Германии. URL: <https://www.bundeshaushalt-info.de> (дата обращения: 18.09.2016).
5. Официальный сайт Парламента Австрийской Республики. Федеральный финансовый закон 2015. URL: <https://www.parlament.gv.at> (дата обращения: 18.09.2016).
6. Официальный сайт Австрийского правосудия. URL: <https://www.justiz.gv.at> (дата обращения: 18.09.2016).

Интеллектуальная собственность в киберпространстве: новые условия правоприменения

Карихия А. А.¹

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, права промышленной собственности, кибербезопасность, кибер-физические системы, цифровое пространство, киберсобственность, защита прав в киберпространстве.

Аннотация. В статье рассматриваются новые вызовы для института интеллектуальной собственности в условиях формирования глобального цифрового пространства и кибер-физических систем. Современная реальность киберпространства среди прочих проблем акцентирует внимание на вопросах безопасности использования интеллектуальной собственности для всех участников гражданского оборота, включая самих правообладателей. Появление сложных технологических объектов (искусственный интеллект, аналитические структуры на основе Big Data, самоуправляемые системы по типу Smart Everything и т.д.), которые построены по принципу комплексных технологий, формирует запрос на расширение перечня охраноспособных объектов интеллектуальной собственности, модернизации способов правовой охраны в «интернациональной» юрисдикции. Создание обширного сегмента цифровых киберуслуг как разновидности объектов интеллектуальной собственности, создание «киберсобственности» (права на виртуальные объекты цифрового пространства) оказывает непосредственное влияние на характер правоприменительной практики. Цифровая реальность формирует новые условия предупреждения нарушения интеллектуальных прав интеллектуальной собственности и их защиты, а также влияет на структуру правоотношений с участием правообладателей киберпространстве.

DOI: [10.21681/2412-8163-2017-1-50-52](https://doi.org/10.21681/2412-8163-2017-1-50-52)

В наши дни мир стоит на пороге новой волны цифровой революции, которая существенным образом может изменить устройство глобальной экономической системы. Так называемая «цифровая революция» предполагает использование возможностей онлайн и инновационных цифровых технологий всеми участниками социальных и экономических отношений – от отдельных людей до крупных компаний и государств.

Стремительное развитие IT-технологий сопряжено с бурным развитием новых интернет-зависимых сегментов, таких как туризм, торговля, компьютерные игры, медиа, банковские и страховые услуги, которые суммарно составляют больше половины объема мировой электронной коммерции. В последние годы отмечается стремительный рост применения платформ электронных торгов и транзакций по банковским картам, увеличения электронных поисковых услуг по информации о товаре или услуге онлайн продаж, также как и рост объемов онлайн-рекламы. Можно говорить о формировании уверенной тенденции развития онлайн услуг в области государственных сервисов (различ-

ные госуслуги, медицина, образование), а также о расширении и оптимизации сферы существующих электронных процессов и «цифровизации» привычных видов услуг.

Современный технический уровень развития предполагает использование технологически и структурно сложных систем (технологий), правовая охрана и защита которых строится на основе нескольких структурно связанных объектов интеллектуальной собственности [1].

С позиции интеллектуальной собственности современная технология, объединяющая совокупность технических и коммерческих решений, часто включает комплекс интеллектуальных прав, обеспечивающих практическую реализацию и правовую защиту технологии. К ним, как правило, относятся патентные права на изобретения или промышленные образцы, интеллектуальные права на комплекс необходимой технической и разрешительной документации (сертификаты производства и качества), права на брэнды производителя, права на секреты производства (ноу-хау), права на компьютерные программы и иные средства управления технологией, а также технологический опыт практического применения технологии, квалификацию персонала и др.

¹ Карихия Александр Амиранович, кандидат юридических наук, профессор РГУ нефти и газа имени Губкина, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: arhz50@mail.ru

В совокупности все эти элементы обеспечивают производство товарного продукта (оказание услуг) с заданными качественными характеристиками для получения высокотехнологичного результата, позволяющего успешно конкурировать на соответствующем рынке. В настоящее время при формировании глобального киберпространства и активном промышленном использовании цифровых технологий создаются условия для трансформации применения правовой конструкции интеллектуальной собственности [2].

Путь цифровой трансформации, по признанию экспертов², требует фундаментальной перестройки подходов частного бизнеса и государства к взаимодействию, принятию решений, стимулированию инноваций и формированию законодательной среды, где у каждого участника системы – своя значимая роль. Развитие инфраструктуры, снижение стоимости обработки, хранения и передачи данных подводят человечество к порогу нового, наиболее масштабного этапа цифровой революции. В отличие от предыдущего, который характеризовался быстрым проникновением интернета в жизнь потребителей, современный этап отличает быстрое и взаимоусиливающее проникновение гораздо более широкого спектра цифровых сервисов, продуктов и систем.

Сегодня вполне обосновано говорится о слиянии онлайн- и офлайн-сфер, о появлении киберфизического мира и формировании объективно нового явления, получившего название «Индустрия 4.0», которое характеризуется созданием и интеграцией принципиально новых революционных технологий. Индустриальное применение киберфизических систем наглядно представлено во многих сферах, в частности:

(а) распространение 3D-печати (от товаров массового спроса до трансплантации органов), которое существенным образом способно изменить производственные и логистические процессы большинства отраслей;

(б) применение робототехники от исследований по созданию гуманоидов, которые смогут выполнять комплексные производственные задания до разработки программно-аппаратных комплексов, дублирующих опорно-двигательный аппарат человека с целью увеличения его физической силы или возвращения подвижности (экзоскелетов);

(в) формирование больших баз данных в сочетании с продвинутой аналитикой, позволяющие принимать более точные и быстрые решения (от превентивных производственных ремонтов до предотвращения мошеннических операций).

Современное развитие определяется влиянием трех интеллектуальных факторов: био- и нанотехнологии, киберфизические системы и искусственный интеллект. Эти и иные сферы достижений творческой деятельности человека привели к формированию новой объективной реальности, которая в настоящее время воплощается в промышленном Интернете (Internet of Things), умных устройствах и интеллектуальных системах (Smart Everything), облачных технологиях (Cloud Computing), глобальных базах данных (Big Data) и сервисах управления бизнесом и анализ данных, а также распространение мобильных технологий и социальных медиа продуктах, социальных сетях³.

Кибер-физические системы (Cyber Physical System, CPS) представляют собой совокупность коммуникационно связанных реальных и виртуальных компонентов с выраженными функциями адекватного физического цифрового мониторинга и оптимального облачного компьютерного киберуправления для обеспечения качества различных сфер жизни, продукции, процессов или сервисов в заданных условиях. Кибер-физические системы включают так или иначе несколько компонентов, и в частности: Cyber Control, Internet of Things or Cloud, Security, Intelligence, Big Data and Services, Digital Monitoring, Cyber Managing, Physical Smart Everything, Nature, Social, and Tech World⁴.

Создание кибер-физических систем стало продуктом формирования глобального киберпространства, которое в процессе своей эволюции, как отмечается, прошло путь от пассивного мониторинга (отображения) физических, биологических и социальных процессов до активного кибер-управления на основе взаимодействия реальных и виртуальных структур.

Цифровые технологии оказывают сильное влияние на управленческие структуры, включая государственные органы управления. Они помогают сделать государственные услуги более доступными для потребителей – рядовых граждан, пользователей интернет-услуг и онлайн коммуникаций. Правительства развитых стран развивают амбициозные программы по созданию и совершенствованию цифровых сервисов для различных государственных услуг. В России это программа Открытое правительство, функционирующее на основе Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти⁵. В зарубежной практике примером может служить

³ Lee, Edward. Cyber Physical Systems. Berkeley, January 23, 2008. <http://www.cs.berkeley.edu>

⁴ Хаханов В.И., Обризан В.И., Мищенко А.С., Филиппенко И.В. Киберфизические системы как технологии киберуправления (аналитический обзор) // Радиоэлектроника и информатика. № 1. 2014. Интернет-ресурс: <http://www.cyberleninka.ru>

⁵ www.open.gov.ru

² «Россия онлайн? догнать нельзя отстать». Отчет Boston Consulting Group (BCG), июнь 2016. <http://www.bcg.ru>

принятый правительством Великобритании в 2013 году и дополненный в 2016 году Свод практических правил (Technology Code of Practice)⁶, который устанавливает стандарты (базовые правила) для взаимоотношений государственных структур с компаниями и физическими лицами при разработке, внедрении, а также продаже новых технологий.

Развитие цифровых услуг породило так называемые «умные контракты» (smart contracts), т.е. программные продукты и оборудование, позволяющие автоматизировать стандартные правовые процедуры заключения и исполнения сделок (контрактов) в процессе многократно повторяющихся юридических действий (онлайн купля-продажа, банковские переводы, аренда автомобиля, кредиты и иные транзакции). Уже сейчас многие финансовые онлайн-сервисы, основанные по принципу «умных контрактов», используют технологию blockchain для защиты подлинности документа и проведения транзакций.

Умные контракты сочетают в себе три важные IT-технологии. Первая – это пользовательские интерфейсы, позволяющие участникам быть в курсе каждой транзакции и давать на нее своё явное согласие. Вторая – это отслеживание исполнения контракта, постоянный мониторинг соблюдения условий контракта. Третья – криптографическая технология – это способы шифрования и создания интернет-протоколов, позволяющих преобразовывать, хранить и передавать необходимую информацию в электронном виде, а также обеспечивать её конфиденциальность, сохранность и защиту от постороннего вмешательства.

Цифровой мониторинг, управление цифровыми способами юридически значимыми действиями, сделками (контрактами), защита конфиденциальной информации, реализация прав и обязанностей участников правоотношений – в этом заключается смысл «умных контрактов» и проявляется новая цифровая реальность хорошо нам известных и привычных «бумажных технологий» совершения и исполнения сделок, защиты прав и исполнения обязанностей для правообладателей и иных участников цифрового гражданского оборота.

Совершенствование технологий управления процессами и криптографических технологий в совокупности с расширением сфер применения «умных контрактов», использованием возможностей онлайн и инновационных цифровых технологий в гражданском обороте создают новую реальность,

формируют новые условия для оборота интеллектуальной собственности и ее модификации.

Цифровое пространство и кибер-физические системы определяют новые вызовы для института интеллектуальной собственности. Новая реальность киберпространства и киберуслуг среди прочих проблем акцентирует внимание на вопросах безопасности использования интеллектуальной собственности для всех участников гражданского оборота, включая самих правообладателей. Создание сложных объектов (искусственный интеллект, аналитические структуры на основе Big Data, самоуправляемые системы по типу Smart Everything и т.д.), построенные по принципу комплексных технологий, формирует запрос на расширение перечня охраноспособных объектов интеллектуальной собственности, изменение способов правовой охраны в «интернациональной» юрисдикции, создание сегмента цифровых услуг как разновидности объектов интеллектуальной собственности, создание «киберсобственности» (права на виртуальные объекты цифрового пространства).

Формирование киберпространства и использование в нем новых технологий на базовом принципе block-chain привело к созданию принципиально нового инструментария: умные контракты, электронно-цифровые подписи, базовые технологические стандарты и правила и др. Новые цифровые технологии используются при ведении официальных государственных реестров прав, объектов недвижимости или реестров нормативных правовых актов, а также при сборе налогов, в сфере учета и выдаче документов, оказания государственных услуг государственными органами. Цифровые технологии получили широкое применение в промышленном интернете, в управлении сложными технологическими процессами и структурами.

Широкое применение цифровых технологий, на наш взгляд, может привести к изменению характера правоприменительной практики, обеспечивающей не только защиту интеллектуальных прав правообладателей, но и безопасность (физическую и сохранность персональных данных) всех участников «цифрового» оборота интеллектуальной собственности. Участие интеллектуальной собственности в цифровом обороте в киберпространстве приводит к формированию новой интеллектуальной собственности – «киберсобственности» на объекты «цифрового» оборота – технологии.

Литература

1. Карцхия А.А. Промышленная собственность и инвестиционный климат // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2015. № 3. С. 42–48.
2. Карцхия А.А. Трансфер технологий или «Промышленный Ренессанс» // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2015. № 9. С. 11–25.

⁶ Technology Code of Practice (2016). <http://www.gov.uk>

Структурное содержание требований информационной безопасности

Марков А. С., Цирлов В. Л.¹

Ключевые слова: кибербезопасность, информационная безопасность, техническая защита информации, тенденции, тренды, прогнозы, общие критерии, ИСО 15408, механизмы безопасности, организационно-технические меры, правовые основы, руководящие документы, стандарты.

Аннотация. Рассмотрены основные события в области информационной и кибербезопасности за последние несколько лет. Выявлены новые феномены информатизации общества, связанные с областью информационной безопасности. Выделены основные тенденции в различных сегментах информационной безопасности. Проведен краткий обзор доктрин безопасности, законодательной основы отрасли информационной безопасности. Показаны инновационные направления деятельности регуляторов отрасли, кающиеся применения риск-ориентированного подхода, комплекса организационно-технических мер, международного подхода по оценке соответствия ИТ-изделий требованиям по безопасности информации, повышению результативности проверок по информационной безопасности. Отмечены преимущества и проблемные моменты применения указанных подходов. Показаны имеющиеся неопределенности в подходах, снижающие уровень унификации в области технической защиты информации. Даны предложения по совершенствованию нормативно-правового обеспечения информационной безопасности.

DOI: 10.21681/2412-8163-2017-1-53-61

1. Введение в проблематику

Востребованность анализа нормативно-правового применения [1, с.5] в области обеспечения информационной безопасности (ИБ) можно связать с двумя феноменами информатизации общества, появившимися за последние три года:

– предсказания в области компьютерных инцидентов и событий в области информационной безопасности сбываются, т.е. специалисты понимают проблематику ИБ;

– продолжается нарастание политического противостояния государств в киберпространстве.

Первое утверждение легко проверить, сравнив не только ежегодные объективные отчеты и бюллетени по информационной безопасности известных ИТ-корпораций, как-то: AT&T, Cisco, Dell, Google, IBM (X-Force), Kaspersky, McAfee, Sophos, Symantec, Verizon, но и проанализировав ресурсы блогосферы. Например, прогнозы популярного эксперта-блоггера по событиям ИБ в России на

2016 год сбылись более чем на 80%². Указанное позволяет сделать вывод, что концептуальные подходы к оценке и планированию отрасли ИБ понятны, и вопрос состоит лишь в реализации их на практике с учетом меняющихся конкретных условий.

Можно отметить наиболее актуальные проблемные темы ИБ на текущий год:

– сложность обнаружения целенаправленных вредоносных атак (APT-атак);

– безопасность Интернет-вещей;

– рост требований по защищенности тайны частной жизни;

– проблема больших данных;

– доступность инструментария хакеров;

– высокий уровень уязвимости прикладных систем.

Второе утверждение связано с уникальными возможностями киберпространства для реализации «мягкой силы» в информационном противоборстве. Как известно, кибервойны характеризуются такими свойствами, как анонимность (без-

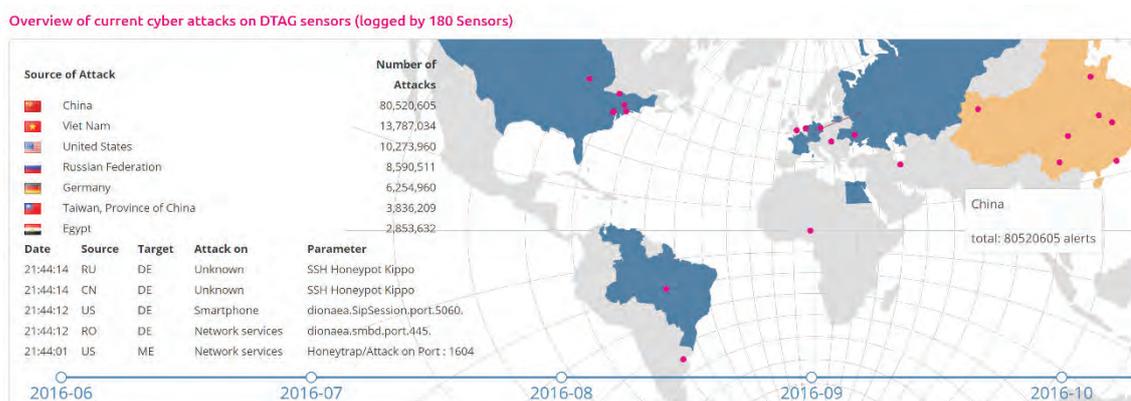
² http://lukatsky.blogspot.ru/2016/12/blog-post_27.html

¹ Марков Алексей Сергеевич, доктор технических наук, старший научный сотрудник, профессор МГТУ им.Н.Э.Баумана, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: a.markov@bmstu.ru

Цирлов Валентин Леонидович, кандидат технических наук, генеральный директор ЗАО «НПО «Эшелон», Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: z@сipro.ru

Источник: *sicherheitstacho.eu* (10.01.2017)

Рис. 1. Распределение кибератак по странам

доказательность), скрытность, территориальная независимость, доступность коммуникационных и ИТ-технологий. К слову, стать владельцем кибероружия дешевле, чем ядерного (например, на рис. 1 показано, что в топ-6 киберактивистов входят три неядерные страны, две из которых относятся к странам третьего мира). Такие аспекты легко использовать в рамках информационной войны вообще, например, предновогоднее «муссирование» влияния хакеров групп АРТ28 и АРТ29 на выборы в США³. При всем при этом ряд кибератак имеют весьма четко определённые черты и доказательную базу. К таким событиям можно отнести: опубликование каталога имплантатов АНБ [2], скандалы с закладками фирм-разработчиков программ (RSA, MS, HP и др.) и с троянскими программами в жестких дисках (фирм WD, ST, MT, SE и др.), с мероприятиями по разведпрограмме PRISM (с участием MS, FB, Google, Apple и др.) и, конечно, экономический шпионаж, приписываемый хакерской группе АРТ1 [3].

Очевидно, что основной вызов в сфере ИБ исходит от США, стремящихся к глобальному доминированию в киберпространстве. Такая позиция определена директивой президента США PDD 20, подкреплена действиями соответствующего рода войск (USCYBERCOM), технологической инфраструктурой (например, только датацентр АНБ – Utah Data Center – декларирует обработку 5 зеттабайт) и, соответственно, технологическим опережением [4, 5].

Анализу содержания требований информационной безопасности в нашей стране с учетом новых глобальных угроз и вызовов и посвящена данная работа.

2. Основные тенденции информационной безопасности в России

Одним из основных посылов нашей страны в глобальном политическом противоборстве, как известно, является реализация асимметричности подхода [6]. Не является исключением и область ИБ. Опираясь на системный подход, удобно рассмотреть следующие сегменты области ИБ нашей страны:

- *политические парадигмы;*
- *законодательство;*
- *нормативные требования;*
- *технологии;*
- *кадровые вопросы.*

2.1. Политические парадигмы

В плане политических парадигм в области ИБ следует выделить:

- *документальный уровень*, касающийся текущих доктрин национальной и информационной безопасности;
- *организационный уровень*, касающийся организационно-штатных структур (киберкомандование);
- *технологический уровень* – курс на импортозамещение.

Новый документальный уровень составляют прежде всего два концептуальных документа:

- «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» от 31.12.2015⁴,
- «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» от 05.12.2016⁵.

В данных документах четко обозначены угрозы и риски в области высоких технологий и направления их снижения. При этом отмечены трудности

³ <https://ria.ru/world/20161230/1485006633.html>

⁴ <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/133.html>

⁵ <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html>

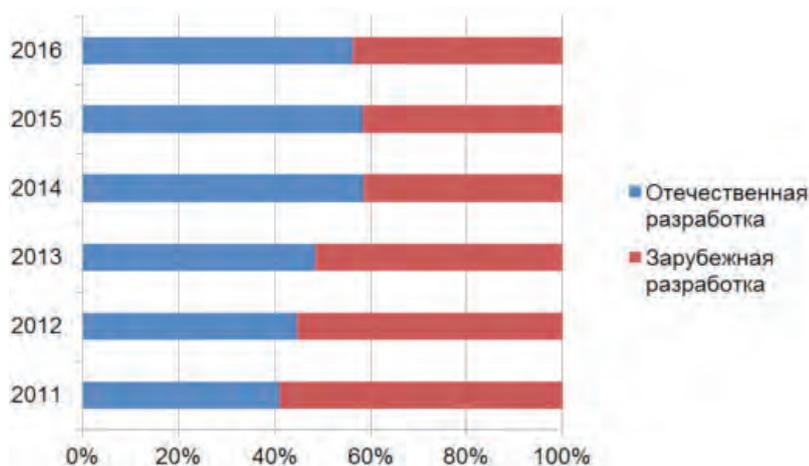

Рис. 2. Соотношение сертифицированных средств защиты информации

реагирования на угрозы в связи «со стремлением отдельных государств использовать технологическое превосходство для доминирования в информационном пространстве».

Что касается создания киберкомандования, то об этой возможности были официальные заявления вице-преьера и министра обороны нашей страны несколько лет назад⁶.

Задачи, связанные с курсом на импортозамещение именно в ИБ, явно обозначены пока лишь с программными изделиями, определенными в «Плане импортозамещения программного обеспечения до 2025 года»⁷ и вносимыми в «Единый реестр российских программ для ЭВМ и БД»⁸. В то же время на текущий период имеется ряд послаблений, в том числе и собственно для регуляторов индустрии ИБ (ФСБ России, ФСТЭК России), что определено Постановлением Правительства РФ 18.07.2016 № 684⁹. Концептуальные вопросы модернизации электронной промышленности по понятным причинам находятся на этапе первичных решений [7]. На рис. 2 представлена статистика защищенных изделий, прошедших оценку согласно реестру ФСТЭК России.

2.2. Законодательство

В плане становления законодательства следует отметить следующие моменты:

- прекращение развития проекта «Концепции стратегии кибербезопасности РФ» [8];
- реализация Указа Президента РФ от 15.01.2013 № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликви-

дации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» (ГосСОПКА [9]);

- ожидание ратификации проекта ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ»¹⁰ [10, 11].

Нельзя не отметить ряд законодательных актов по изменениям в Законе «О персональных данных», инициативы по кардинальному изменению Закона «О связи» и сопутствующих федеральных законов (149-ФЗ, 152-ФЗ, 184-ФЗ и др.), а также «пакет Яровой», которые касаются как обновления устарелых технологических концепций, так и повышения уровня госконтроля и национальной безопасности киберпространства (включая повышение информационной безопасности Рунета).

2.3. Нормативные требования

В плане формирования новых требований к мерам и средствам защиты информации (СЗИ) тон задает, без преувеличения, ФСТЭК России и Технический комитет по стандартизации ТК 362 «Защита информации». Выделим основные инновационные направления:

- формирование новых организационно-технических мер;
- определение новых критериев оценки СЗИ.

2.3.1. Формирование новых организационно-технических мер

Что касается организационно-технических мер, то в стране сосуществуют два параллельных подхода:

- меры, определенные международным законодательством, в частности ISO 27001 (14 мер);

⁶ www.interfax.ru/russia/333123

⁷ http://minsvyaz.ru/ru/documents/4548/

⁸ https://reestr.minsvyaz.ru/reestr/

⁹ http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607210022

¹⁰ http://www.slideshare.net/adorofeev/ss-60963690

– комплексы мер, определенные приказами ФСТЭК России №№ 17, 21, 31 (13, 15 и 21 мера соответственно).

Примеры мер, соответствующих международному и федеральному подходу представлены в табл. 1.

Таблица 1.

Организационно-технические меры безопасности

ISO 27001: 2013	Приказ ФСТЭК России №17
A.5: Политики информационной безопасности A.6: Организационные аспекты информационной безопасности A.7: Вопросы безопасности, связанные с персоналом A.8: Управление активами A.9: Управление доступом A.10: Криптография A.11: Физическая безопасность и защита от угроз окружающей среды A.12: Безопасность операций A.13: Безопасность коммуникаций A.14: Приемка, разработка и поддержка систем A.15: Отношения с поставщиками услуг A.16: Управление инцидентами информационной безопасности A.17: Аспекты информационной безопасности в обеспечении непрерывности бизнеса A.18: Соответствие требованиям	1. Идентификация и аутентификация субъектов доступа и объектов доступа (ИАФ) 2. Управление доступом субъектов доступа к объектам доступа (УПД) 3. Ограничение программной среды (ОПС) 4. Защита машинных носителей информации (ЗНИ) 5. Регистрация событий безопасности (РСБ) 6. Антивирусная защита (АВЗ) 7. Обнаружение вторжений (СОВ) 8. Контроль (анализ) защищенности информации (АНЗ) 9. Обеспечение целостности информационной системы и информации (ОЦЛ) 10. Обеспечение доступности информации (ОДТ) 11. Защита среды виртуализации (ЗСВ) 12. Защита технических средств (ЗТС) 13. Защита информационной системы, ее средств, систем связи и передачи данных (ЗИС)

Наличие различных классов мер, конечно, создает некоторое противоречие и снижает уровень унификации организационно-технического базиса ИБ. Очевидно, уровень энтропии стандартизации еще повысится с внедрением неаутентичных стандартов (к примеру: новый стандарт ИСО 27001 NEQ не эквивалентен стандарту ISO 27001 в отличие от ИСО 27001).

Инновационность же подхода, предлагаемого приказами ФСТЭК России, состоит в попытке вне-

дрения риск-ориентированного подхода (в реальности, квази-риск-ориентированного [12]) вместо директивного со всеми вытекающими преимуществами.

Еще одним значимым шагом в направлении оптимизации уровня ИБ следует считать разработку передовых национальных мер по безопасной разработке ПО (ГОСТ Р 56939-2016), которые направлены на выявление дефектов и уязвимостей на ранних стадиях жизненного цикла защищенных систем (рис. 3) [13].

Рис. 3. Меры по реализации безопасных программ

2.3.2. Определение новых критериев оценки соответствия средств защиты информации

Как и с рассмотренными выше мерами безопасности, в стране сосуществуют два подхода и к оценке соответствия ИТ-продукции. Традиционный подход, определенный «Оранжевой книгой» (стандарты TCSEC, 1983 г.), представлен в нашей стране руководящими документами Гостехкомиссии России (1992-1999 гг.) и рядом специальных документов. Важно, что подход распространяется не только на СЗИ, но и на автоматизированные системы (*объекты информатизации*). Несмотря на простоту и апробированность, данный подход изживает себя по причине динамичности новых угроз и сложности программных средств и систем.

В мировом сообществе с середины 90-х годов прошлого века проходит апробацию подход «Общие критерии» (стандарты линейки ISO 15408) [14]. Данный подход позволяет, в первую очередь, создавать гибкие полужормальные (нотационные) нормативные документы, ориентированные на современные угрозы ИБ и учитывающие качество изделий. Опираясь на указанный подход, ФСТЭК

России недавно разработала ряд нормативных правовых актов (НПА) и пакетов профилей защиты, задающих требования к следующим СЗИ:

- системам обнаружения вторжений;
- средствам антивирусной защиты;
- средствам доверенной загрузки;
- средствам контроля съемных машинных носителей информации;
- межсетевым экранам;
- операционным системам.

В текущем году ожидается появление требований по безопасности информации, предъявляемых к СУБД, базовым системам ввода-вывода (BIOS), средствам управления потоками информации, средствам защиты от несанкционированного вывода (вывода) информации (DLP-системам), средствам контроля и анализа защищенности, средствам идентификации и аутентификации, средствам управления доступом, средствам мониторинга событий безопасности (SIEM), средствам защиты среды виртуализации.

Новая классификация уровней защищенности информационных систем представлена в табл.2.

Таблица 2.

Классификация средств защиты информации

Классы защиты СЗИ	Класс защищенности ГИС	Уровень защищенности ИСПДн	Класс защищенности АСУ ТП
6	3, 4	3, 4	3
5	2	2	2
4	1	1	1
3	Применяются в информационных системах, обрабатывающих информацию, содержащую сведения, составляющие государственную тайну		
2			
1			

К недостаткам подхода «Общих критериев» относят его сложность и – что касается нашей страны – дополнительные трудности его применения из-за недостатка специалистов и методической базы. Данный подход пока не применим для оценки соответствия объектов информатизации.

Следует указать, что наша страна не участвует в международных соглашениях по указанной тематике, что снижает уровень унификации и требует дополнительных усилий по доступу к накопленному международному опыту по тематике – в первую очередь к методической базе «Общих критериев», а также к отслеживанию кардинальных изменений [15].

2.3.3. Вектор на результативность

Как отмечалось, используемый директивный подход в динамичной ИБ-среде малоэффективен и малорезультативен [12]. Данная ситуация претерпела принципиальные изменения с 2016 г. благодаря инициативам ФСТЭК России. Нормативный прорыв в области результативности проверок по требованиям ИБ, в первую очередь, следует связать с внедрением передовых практик выявления уязвимостей согласно ISO 20004 (рис. 4.), а также с его поддержкой недавно созданным Банком данных угроз безопасности информации ФСТЭК России¹¹.

¹¹ <http://bdu.fstec.ru/>

Рис. 4. Этапы контроля уязвимостей в программных средствах по ISO 20004

Отметим особенности современной позиции ФСТЭК России:

– разрабатываемые документы «живые» (см. «План разработки НПА» на портале www.ftec.ru), т.е. подлежат периодическому обновлению (как известно, руководящие документы Гостехкомиссии России не претерпевали модификации с момента создания);

– разворот в сторону повышения результативности, включая тестирование на проникновение и анализ уязвимостей;

– поддержка Банка угроз и уязвимостей ФСТЭК России, получившего, фактически, национальный статус (рис. 5);

– конкретизация требований к лицензиатам, испытательным лабораториям и органам по сертификации.

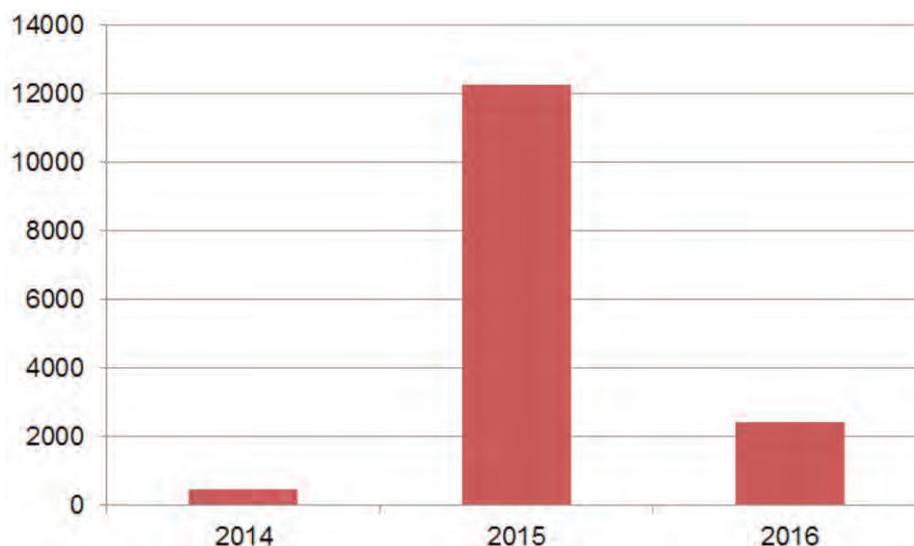

Рис. 5. Динамика пополнения Банка данных угроз безопасности информации ФСТЭК России по годам

2.3.4. Разработка национальных стандартов

Деятельность по стандартизации в области ИБ обеспечивается, главным образом, ТК 362 и ТК 26. Благодаря этим техническим комитетам в стра-

не сложилась весьма представительная передовая нормативная база ИБ в виде банка международных и национальных стандартов. В табл. 3 представлены стандарты по ИБ за последние три года.

Таблица 3.

Новые стандарты по информационной безопасности

Номер стандарта	Название
ГОСТ Р ИСО/МЭК 27007-2014	ИТ. Методы и средства обеспечения безопасности. Руководства по аудиту систем менеджмента ИБ
ГОСТ Р ИСО/МЭК 27013-2014	ИТ. Методы и средства обеспечения безопасности. Руководство по совместному использованию стандартов ИСО/МЭК 27001 и ИСО/МЭК 20000-1
ГОСТ Р ИСО/МЭК 27033-3-2014	ИТ. Методы и средства обеспечения безопасности. Безопасность сетей. Часть 3. Эталонные сетевые сценарии. Угрозы, методы проектирования и вопросы управления
ГОСТ Р ИСО/МЭК 27034-1-2014	ИТ. Методы и средства обеспечения безопасности. Безопасность приложений. Часть 1. Обзор и общие понятия
ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014	ИТ. Методы и средства обеспечения безопасности. Руководства по идентификации, сбору, получению и хранению свидетельств, представленных в цифровой форме
ГОСТ Р 51583-2014	ЗИ. Порядок создания АС в защищенном исполнении. Общие положения
ГОСТ Р 56045-2014	ИТ. Методы и средства обеспечения безопасности. Рекомендации для безопасности аудиторов в отношении мер и средств контроля и управления ИБ
ГОСТ Р 56093-2014	ЗИ. АС в защищенном исполнении. Средства обнаружения преднамеренных силовых электромагнитных воздействий. Общие требования
ГОСТ Р 56103-2014	ЗИ. АС в защищенном исполнении. Организация и содержание работ по защите от преднамеренных силовых электромагнитных воздействий. Общие положения
ГОСТ Р 56115-2014	ЗИ. АС в защищенном исполнении. Средства защиты от преднамеренных силовых электромагнитных воздействий. Общие требования
ГОСТ Р 34.12-2015	ИТ. Криптографическая защита информации. Блочные шифры
ГОСТ Р 34.13-2015	ИТ. Криптографическая защита информации. Режимы работы блочных шифров
ГОСТ Р 56545-2015	ЗИ. Уязвимости информационных систем. Правила описания уязвимостей
ГОСТ Р 56546-2015	ЗИ. Уязвимости информационных систем. Классификация уязвимостей информационных систем
ГОСТ Р 56938-2016	ЗИ. Защита информации при использовании технологий виртуализации. Общие положения
ГОСТ Р 56939-2016	ЗИ. Разработка безопасного программного обеспечения. Общие требования

2.4. Технологии

В отечественных документах обозначено около двадцати механизмов (мер и средств) защиты информации. Однако согласно прогнозу Высшей школы экономики (ВШЭ) [16] выделяют три *перспективных* базовых направления развития механизмов безопасности, а именно:

- консолидация средств защиты информации;
- внедрение биометрических средств и методов безопасного доступа;
- исследование вопросов постквантовой криптографии.

Первое направление определяется тем, что развитие отдельных механизмов безопасности достигло своего технологического потолка в плане результативности. Наглядным примером является неэффективность применения средств антивирусной защиты и средств обнаружения вторжений (основанных на сигнатурных методах) для выявления целенаправленных вредоносных атак (APT-атак). Одним из путей вывода систем обеспечения ИБ на новый уровень результативности является организация сбора и корреляции событий от всех СЗИ и устройств с дальнейшим реагированием (управле-

нием) и оценкой соответствия [17]. Подобные решения получили название SIEM-системы.

Биометрические средства позволяют, с одной стороны, исключить недостатки, свойственные техническим средствам идентификации и аутентификации, а с другой – выйти на уровень верификации субъектов защищенных информационных систем [18].

Постквантовая криптография – инновационное направление, основанное на эффектах квантовой физики, в первую очередь, сверхвысокой производительности квантового компьютера и невозможностью перехвата квантовой передачи данных [19].

2.5. Кадровые вопросы

Кадровые вопросы традиционно являются первостепенными в области ИБ из-за социальной составляющей самого понятия ИБ, а безопасность персонала относят к самому уязвимому звену защищенных систем. В общем плане можно констатировать, что в стране продолжает функционировать ассоциация вузов в области информационной безопасности, а также идет совершенствование профессиональных стандартов в этой области [20]. Регуляторы ИБ, в свою очередь, продолжают конкретизацию требований к лицензиатам (табл. 4). С другой стороны, в стране пока нет национальной сертификации специалистов по ИБ.

Таблица 4.

Требования по обучению

Вид и методы защиты информации	Законодательная база	Требования к лицензиатам
Защита государственной тайны	Методические рекомендации ФСБ России и ФСТЭК России	ВПО по ЗИ или ВТО и переподготовка или повышение квалификации по вопросам защиты информации
Средства криптографической защиты информации	ПП 313	ВПО или переподготовка (1000, 500, 100 час.) с учетом стажа специалиста
Техническая защита конфиденциальной информации	ПП 79, 171 (с 15.06.2017 г.)	ВПО или переподготовка 360/500 час (руководители), 250/100 (работники) с учетом стажа специалиста; переподготовка (72 час.) один раз в пять лет

3. Выводы

Современные вызовы и угрозы в области информационной и кибербезопасности страны обуславливают потребности в постоянном совершенствовании развития данной отрасли, в том числе путем изучения передового международного опыта.

В нашей стране за последние несколько лет произошли серьезные нормативно-правовые изменения в направлении отказа от директивного подхода, главным образом, путем внедрения риск-ориентированного подхода, гибких нормативных

требований по линии «Общих критериев», а также повышения результативности проверок, связанных с оценкой основных факторов безопасности (дефектов, уязвимостей, угроз). В настоящее время такой подход инициирован и проходит масштабную апробацию под эгидой ТК 362 и ФСТЭК России.

В то же время в стране остается ряд проблемных вопросов законодательного, нормативного, технологического и кадрового характера, решение которых видится в недалеком будущем благодаря нарабатываемому потенциалу отрасли.

Рецензент: Федичев Андрей Валерьевич, кандидат технических наук, директор ФБУ «Научный центр правовой информации» при Минюсте России, Москва.

E-mail: fedichev@scli.ru

Литература

1. Плигин В.Н., Макаренко Г.И. Страна нуждается в обновлении общественных договоров в современном российском обществе // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1 (14). С. 4–11.
2. Клянчин А.И. Каталог закладок АНБ (Spigel). Часть 1. Инфраструктура // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 2 (3). С. 60–65.
3. Марков А.С. Летописи кибервойн и величайшего в истории перераспределения богатства // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 1 (14). С. 68–74.
4. Голов И.Ю. Стратегический план научных исследований и разработок США в области кибербезопасности // Вопросы защиты информации. 2013. № 3 (102). С. 86–91.
5. Петренко А.А., Петренко С.А. НИОКР Агентства DARPA в области кибербезопасности // Вопросы кибербезопасности. 2015. № 4 (12). С. 2–22.
6. Любарец А.В. Ответная философская и геополитическая парадигма В.В.Путина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 7-1. С. 229–231.
7. Муравник В.Б., Захаренков А.И., Добродеев А.Ю. Некоторые предложения по подходу и порядку реализации политики и стратегии импортозамещения в интересах национальной безопасности и укрепления обороноспособности Российской Федерации // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 1 (14). С. 2–8.
8. Гаттаров Р.У. Концепция стратегии кибербезопасности // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 1 (2). С. 2–4.
9. Петренко С.А., Курбатов В.А., Бугаев И.А., Петренко А.С. Когнитивная система раннего предупреждения о компьютерном нападении // Защита информации. Инсайд. 2016. № 3 (69). С. 74–82.
10. Генгринович Е.Л. Информационная безопасность критической инфраструктуры // Автоматизация в промышленности. 2015. № 2. С. 61–63.
11. Массель Л.В., Воропай Н.И., Сендеров С.М., Массель А.Г. Киберопасность как одна из стратегических угроз энергетической безопасности России // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 4 (17). С. 2–10.
12. Марков А.С., Шеремет И.А. Теоретические аспекты сертификации средств защиты информации // Оборонный комплекс – научно-техническому прогрессу России. 2015. № 4 (128). С. 7–15.
13. Barabanov A.V., Markov A.S., Tsirlov V.L. Methodological Framework for Analysis and Synthesis of a Set of Secure Software Development Controls // Journal of Theoretical and Applied Information Technology. 2016. V. 88. N 1, pp. 77–88.
14. Барабанов А.В., Марков А.С., Цирлов В.Л. Оценка соответствия средств защиты информации «Общим критериям» // Информационные технологии. 2015. Т. 21. № 4. С. 264–270.
15. Chuzel J., Weber J., Huisman R. Medium and higher assurance evaluations in the European context. In Proceedings of the 16th International Common Criteria Conference (London, UK, Sep. 22-24, 2015). ICC-2015. CESG, URL: <https://www.iccc15.org.uk/Programme.aspx>.
16. Прогноз научно-технологического развития России: 2030 / Под ред. Л.М.Гохберга и др. М.: Минобрнауки России, ВШЭ, 2014. 244 с.
17. Марков А., Фадин А. Конвергенция средств защиты информации // Защита информации. Инсайд. 2013. № 4 (52). С. 80–81.
18. Арутюнов В.В. О монографии «Биометрия на службе защиты информации». В сборнике: Современные проблемы и задачи обеспечения информационной безопасности. Труды Международной научно-практической конференции «СИБ-2014». Ответственный редактор О.А. Макарова. 2014. С. 165–168.
19. Корольков А.В. О некоторых прикладных аспектах квантовой криптографии в контексте развития квантовых вычислений и появления квантовых компьютеров // Вопросы кибербезопасности. 2015. 1 (9). С. 6–13.
20. Белов Е.Б., Лось В.П. О разработке профессиональных стандартов в области информационной безопасности // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2014. № 2 (32). С. 327–331.

Современные требования к научным статьям

Макаренко Г. И.¹

Ключевые слова: структура статьи, перечень ВАК, DOI, научный аппарат, требования к аннотации, индекс Хирша, импакт-фактор журнала, уровень оригинальности, плагиат, научная новизна, научная этика и этика издания..

Аннотация². Кратко сформированы требования к научным статьям, выдвигаемые различными организациями. Современные научные статьи должны по своей структуре содержать введение в проблему, постановку задачи, предлагаемые решения и полученные результаты, а также обязательно выводы и заключение. Кроме собственно содержания статьи, должна строго соблюдаться форма, чему в западных научных изданиях придается большое значение, непривычное для российского автора, воспитанного на советском опыте. На примере статей настоящего журнала можно видеть, что в некоторых работах аннотаций фактически нет, ключевые слова повторяют термины из названия, в статьях нередко отсутствуют выводы, не выделена научная новизна. В таких случаях статья даже с выдающимися научными результатами не будет принята, например, в Scopus. Задачей настоящей публикации является привлечение внимания к строгому следованию излагаемых правил.

DOI: [10.21681/2412-8163-2017-1-62-65](https://doi.org/10.21681/2412-8163-2017-1-62-65)

В настоящее время перед научными и высшими учебными заведениями России стоит задача не только подготовки кадров высшей квалификации, но и превращение ВУЗов в полноценные научно-исследовательские центры, которые со временем, возможно, заменят институты Академии наук. Не вдаваясь в обсуждение правильности такой концепции, отметим, что уже сегодня ВУЗы и научные организации должны отчитываться по множеству показателей, среди которых научные публикации занимают значительный вес. Кроме того, значимость научных публикаций определяется и формальным статусом научного издания [2-8]. Научные издания, входящие в международно признанные информационные базы, например, Scopus и Web of Science, де-факто стали наивысшим стандартом для российских научных изданий. В Положении о формировании государственного задания образовательным организациям высшего образования, подведомственным Минобрнауки России в сфере научной деятельности № АП-125/14 от 01.12.2013, говорится о том, что для получения НИРов заявителям необходимо иметь публикации в журналах, индексируемых в международных базах Web of Science и Scopus, а одним из результатов выполнения государственного задания должна являться

публикация в журналах, индексируемых в этих базах [6]. Во многих российских университетах за публикацию статьи в Scopus премируют сотрудников значительно больше, чем за статью в российском научном журнале, даже входящем в Перечень ВАК. Фактически за счет российского налогоплательщика мы бесплатно (а иногда и с доплатой) отправляем наши лучшие научные работы западному научному и бизнес-сообществу, что одновременно подталкивает молодых ученых к эмиграции. Однако эта проблема выходит за рамки настоящей статьи и относится к политике Минобрнауки и Российской Академии Наук.

Для издания в журналах из Перечня ВАК публикуемые статьи должны обладать новизной, предлагать новые или развивать значимые научные положения, иметь научный и практический смысл, вызывать интерес научной общественности. Статьи, на которые никто не ссылается, бессмысленно публиковать. Научные статьи должны быть подготовлены в соответствии с некоторыми формальными правилами, иметь научный аппарат. Научным аппаратом статьи являются: название и автор, ключевые слова, аннотация, DOI, список литературы и рецензия. В свою очередь, к каждому элементу научного аппарата статьи есть свои мотивированные требования.

¹ Макаренко Григорий Иванович, начальник отделения развития научной периодики ФБУ «Научный центр правовой информатики при Минюсте России», шеф-редактор научных журналов «Мониторинг правоприменения» и «Вопросы кибербезопасности», Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: monitorlaw@yandex.com

² Настоящая статья представляет собой доработанный одноименный вариант статьи автора в журнале «Вопросы кибербезопасности» [1].

Название должно быть точным и кратким, с учетом того, что триада: название, ключевые слова, аннотация представляют собой единую структуру, термины в которой не должны дублировать друг друга. Российские авторы, особенно старшее поколение, часто дают длиннейшие названия своим статьям, что вызывает потом проблемы с ключевыми словами (см. ниже). Однако следует помнить, что к научным публикациям советского периода предъявлялись другие требования, а аннотации среди авторов считались неким необязательным довеском, почему и стремились авторы в название поместить смысловое содержание статьи. К тому же в научных журналах советского периода всегда не хватало места, статьи нещадно сокращались, что и выработало соответствующее отношение к аппарату статьи как бесполезному поглотителю журнальной площади.

Автор. Принято практически во всех международных системах представлять автора фамилией с инициалами и постраничной ссылкой, размещенными под названием статьи, а в постраничной ссылке полные фамилия, имя, отчество, ученая степень и ученое звание, место работы (без сокращений и аббревиатур), занимаемая должность, населенный пункт и страна, адрес электронной почты (e-mail). Электронная почта в России часто не указывается, а между тем в мировой науке статья рассматривается как элемент научного диалога. Но диалог невозможен, если автор не указывает свою почту. Кроме того, необходимо отметить, что перевод фамилии, имени и ученых степеней часто делают, опираясь на рекомендации советских лет. Необходимо сказать, что имя автора по-английски указывают ИМЯ_ФАМИЛИЯ, или ФАМИЛИЯ запятая ИМЯ. Этому есть простое объяснение – например, Дитрих Вернер. Тут трудно понять сразу, где имя, а где фамилия. Так, как выше написано, Дитрих – имя. Если написать Дитрих, Вернер, то Дитрих – фамилия, а Вернер – имя. Маленькая условность, а как сразу снимается проблема распознавания. Отчество или не указывают, или указывают одну начальную буквы отчества или второго имени. Разумеется, никаких кандидатов наук в международной науке нет – есть доктор философии. Мы придерживаемся стиля Ph.D. (in Law, например) – кандидат юридических наук, и Doctor of Science in Technology – доктор технических наук. Автор, разумеется, знает советский ГОСТ по правилам перевода ученых степеней – не применяйте его, если не хотите выглядеть провинциалами от науки (тем более, что стандарты в современной России только рекомендация, а не обязанность)³.

³ Достаточно уже того, что при путешествии по Европе на автомобиле мы громко заявляем, что мы деревенщина – у нас на номерах автомобилей страна обозначена как RUS, что

DOI – международный индекс, по которому статья будет найдена, если она помещена хотя бы в одну базу (например, в CrossRef). По сути, DOI – это путь к документу в общем информационно-виртуальном пространстве, для получения необходимой информации. DOI нашего журнала имеет вид:

DOI: 10.21581/2412-8163-2017-1-XX-XX

где до косой черты – индивидуальный префикс издателя, далее ISSN журнала, далее год издания, номер журнала, а последние четыре символа XX-XX после верстки заменяются на номера начала и окончания страниц конкретной статьи в этом издании. За DOI надо платить, эта оплата предъявляется издателю после размещения статьи в информационную базу.

Журналы без DOI в международные базы не размещают.

Ключевые слова. Как упоминалось выше, ключевые слова являются элементом триады, представляющей суть статьи. При длинном названии статьи, как это было принято в советской научной периодике, трудно сформулировать оригинальные ключевые слова, которых должно быть больше 11, так как повторы в триаде недопустимы. Здесь мировая практика выработала понятную логику: название дает грубое представление о сути статьи, ключевые слова расширяют это знание, аннотация дает дополнительное представление. После ознакомления с триадой статьи читатель уже принимает решение, переводить ли ему статью на родной язык. Без соблюдения этого требования изданию невозможно попасть в международные информационные системы, например, в SCOPUS [4].

Аннотация. Этот элемент статьи является весьма важным, ибо только после ознакомления с ней читатель решает, представляет ли статья для него интерес, что особенно важно для иностранного читателя, как упомянуто выше. Структура аннотации должна соответствовать структуре статьи и не может быть меньше 100 слов (обычно и не больше 250 слов). Естественно, что объем научных статей должен быть более 10000 символов (до 40 000 символов). Текст объемом 3–5 тысяч символов может быть только кратким сообщением (по крайней мере, так принято в нашем журнале). К сожалению, очень часто аннотации формальны, не отражают содержание, не содержат выводов, повторяют фак-

на древнегерманских языках, когда вся Европа была славянской (лет 600 назад), обозначало «деревня». Зачем ГАИ выбрало такое обозначение, можно только догадываться. Ведь к тому времени в международных базах и в Интернете наша страна уже имело признанный в мире домен RU, который не несет никакой негативной ассоциации.

тически название, нередко начинаются со слов «В статье автором предложено...» вместо энергичного «Предложен метод определения...». Ну конечно, статья имеет автора и ему принадлежит, к чему лишние слова. А между тем на английский язык переводится только триада: название, ключевые слова, аннотация и по ним зарубежный читатель судит о содержании статьи и решает, стоит ли ее переводить на родной язык. Надеемся изжить этот недостаток.

Литература. Этот элемент статьи в свете современных требований учета научных публикаций ученых приобрел едва ли не самое важное значение для некоторых авторов. Во-первых, в список «Литература» ВАК не рекомендует помещать источники старше 5 лет, а также источники, которых нет в научных электронных базах (российские – это Elibrary, CyberLeninka). Это важно, так как в последние годы появилось много монографий, изданных за свой счет автором тиражом 20–80 экземпляров и не помещенных ни в одну библиотеку, хотя издатель обязан представить в ИТАР-ТАСС (Книжную Палату) 16 экземпляров книги. Такая монография, по сути, является рукописью, исполненной полиграфическими средствами, сослаться на нее нельзя. Во-вторых, сюда не нужно помещать анонимные источники (законы, ГОСТы, инструкции и т.п.). Их, при необходимости ссылки в тексте статьи, помещают либо в постраничную ссылку, либо указывают прямо по тексту. Недопустимы также получившее распространение ссылки вместо оригинала на справочную правовую систему «Консультант». В-третьих, в научной статье недопустимо ссылаться на учебники. Статьи ученых не предназначены для читателей без специального образования, и указав, например, формулу H_2O , вовсе не надо ссылаться на учебник химии. На учебники допустимо ссылаться только в обзорных статьях. Помещая в список литературы статью коллеги, автор и дискутирует с ним, и одновременно указывает информационной системе о своем интересе к коллеге, тем самым повышая ему индекс Хирша, а также импакт-фактор журнала. До сих пор встречаются авторы, которые в список Литература помещают ссылку на Словарь русского или иного языка. Какая дискуссия может быть со словарем⁴? Раздел «Литература» в российских журналах следует представлять как на кириллице (для ссылок на издания на русском языке), так и в транслитерированном виде (ни в коем случае

не переводя ссылку на статью на русском языке на английский язык, как это делалось в советский период). Есть несколько стандартов преобразования раздела Литература (которое следует переводит как References) в транслитерированное представление. Впрочем, наша редакция транслитерацию делает сама, не утруждая авторов научных статей. Следует твердо уяснить, что список «Литература» вовсе не библиографический список, который приводится в диссертациях или иных научных работах [6].

Редакция все статьи проверяет на заимствование. Уровень оригинальности не может быть меньше 75%. Очень часто приходят статьи аспирантов по юридическим специальностям с бесконечными отсылками той или иной нормы, сравнении формулировок и т.п., что приводит к тому, что программа определения заимствования показывает уровень оригинальности 50–60%. В соответствии с редакционной этикой⁵ каждая статья рецензируется тремя рецензентами и при низком уровне оригинальности безусловно отклоняется редакцией.

Рецензия. Все статьи должны иметь рецензию компетентного специалиста по публикуемой теме, независимо от регалий авторов статьи. В соответствии с рекомендациями ВАК компетентным рецензентом считается специалист, имеющей в своем активе публикации по рецензируемой теме и не старше 5 лет. Рецензия специалиста, имеющего высокие научные титулы, но не имеющего собственных научных трудов по рассматриваемой теме, считается юридически ничтожной. Теперь это определяется в редакции весьма просто: просмотром трудов в научных электронных базах. Это обстоятельство следует всегда иметь в виду. Кроме рецензии, представляемой вместе со статьей, редакция проводит свое рецензирование в соответствии с рекомендациями Scopus по крайней мере двумя рецензентами (слепое рецензирование, при котором автор не знает имена рецензентов). Таким образом, каждая статья рецензируется трижды, прежде чем будет опубликована.

Каждая современная научная редакция в соответствии с международными требованиями имеет свою Публикационную этику: этику издания, этику автора, этику рецензирования и этику редактирования. Кроме того, каждый журнал вырабатывает свой шаблон представления статьи. Статья должна автором передаваться через официальные каналы передачи материалов (e-mail издания) с соблюдением всех требований Публикационной этики и форм представления материалов.

⁴ В то же время часто аспиранты, используя идеи своего научного руководителя, забывают дать ссылку на работы научного руководителя, не размещают даже слов благодарности своему идейному вдохновителю. Я полагаю, что такое выражение крайней неблагодарности своему учителю весьма прискорбно и не так далеко от плагиата.

⁵ Редакционная этика журнала «Мониторинг правоприменения» опубликована в этом журнале на с. 76–77 и содержится также на сайте журнала <http://www.monitoringlaw.ru>.

К сожалению, нередко случаи, когда авторы не только не обращаются к разделу «авторам» сайта журнала, но и даже никогда не читали журнал, выказывая между тем горячее желание опубликоваться, вступают в какие-то переговоры с членами редколлегий, что только замедляет процесс обработки материалов.

Редакция при принятии решения о публикации руководствуется всегда только научным содержанием статьи и ее соответствия тематике (рубрикам) журнала.

Автор надеется, что разъяснение и понимание изложенных требований поможет авторам при подготовке своих статей.

Литература

1. Макаренко Г.И. Современные требования к научным статьям // Вопросы кибербезопасности. 2017. №1. С.73–76. DOI: 10.21581/2311-3456-2017-1-62-65.
2. Боргест Н.М. Информационная поддержка издательской деятельности на примере выпуска научного журнала «Онтология проектирования» // В сборнике: Информационные технологии и системы, труды Пятой Международной научной конференции. ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»; Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»; ИСА РАН ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный авиационный технический университет»; ФГБОУ ВПО «Уральский федеральный университет». 2016. С. 72–75.
3. Еременко Г.О. Elibrary.ru: курс на повышение качества контента // Университетская книга. 2016. № 3. С. 62–68.
4. Кабанова Н.Н. Компаративный анализ структуры статьи российских и зарубежных научных журналов, индексируемых Scopus и Web of Science // В мире научных открытий. 2014. № 11.6 (59). С. 2143–2161. DOI: 10.12731/wsd-2014-11.6-2143-2161.
5. Кириллова О.В., Кузнецов А.Ю., Диментов А.В., Лебедев В.В., Шварцман М.Е. Категории и критерии оценки российских журналов и программы их развития // Научная периодика: проблемы и решения. 2014. № 5 (23). С. 20–34.
6. Пруглова М.Н. Некоторые рекомендации по опубликованию материалов в международных базах Scopus и Web of Science // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 2948–2952.
7. Чехович Ю.В. Об обнаружении заимствований при экспертизе научных статей // Научная периодика: проблемы и решения. 2013. № 4 (16). С. 22–25.
8. Pisyakov V., Shukshina E. Measuring Excellence in Russia: Highly Cited Papers, Leading Institutions, Patterns of National and International Collaboration // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2014. Т. 65. № 11. С. 2321–2330.

ABSTRACTS, KEYWORDS AND REFERENCES

A CONCEPT OF A METHODOLOGICAL FRAMEWORK FOR CRIMINOLOGICAL AWARENESS RAISING FOR PARENTS CONCERNING CRIMES AGAINST MINORS

V. Astanin

*Viktor Astanin, Doctor of Science in Law, Professor, Deputy Director for Academic Affairs and Research of the Federal State-Funded Institution “Scientific Centre for Legal Information of the Ministry of Justice of the Russian Federation”, Russian Federation, Moscow.
E-mail: astaninvv@rambler.ru*

Keywords: *victimisation, criminogenic factors, involving children in offending, deviant behaviour, recommendations for parents, individual and special measures of prevention.*

Abstract. *The paper reflects a criminologist’s perspective on the sufficiency (and even redundancy) of resources for combating crimes against children which are accessible for parents. Deficiencies in classic foundations of criminal law protection for children being involved in new offending whose source is in cultivating deviations manifested predominantly though the information sphere are noted. The author’s attention is focused on the possibilities for implementing individual and special measures for the prevention of susceptibility of minors to latent criminal threats. The contents of the paper is de facto presented as an outline plan for a topical research work resulting in an accessible booklet for parents on preventing crimes against children. A draft synopsis of chapters for such a booklet is given. The author’s proposals are in the format of a concept of a methodology for subject criminological studies taking into account the objective realities of crime.*

DOI: [10.21681/2412-8163-2017-1-04-06](https://doi.org/10.21681/2412-8163-2017-1-04-06)

A MODERN PICTURE OF PERSONALITY TRAITS OF CONVICTED MINORS: CRIMINOLOGICAL EVALUATIONS

E. Demidova-Petrova

*Elizaveta Demidova-Petrova, Ph.D. in Law, Associate Professor at the Department of Criminology and Penal & Correctional Law of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Major of Police, Russian Federation, Kazan.
E-mail: demidova.liza@gmail.com*

Keywords: *juvenile/minor, juvenile offender’s personality, crime, informal associations, criminogenic factor, victimisation.*

Abstract. *An approach, original as regards the content of the author’s assessments and methodological structure, which allows to identify the actual criminologically significant traits of a convicted minor’s personality is put forward in the paper. The approach became possible due to methods of concrete sociological diagnostics which have for the first time been applied in modern Russian criminology in the format of representative requirements to the territorial scope and coverage. The presented results of research, in addition to their visual content which is novel and valuable for multidisciplinary studies of the nature of juvenile crime, are accompanied by an analysis of the realities perceived by the respondents, as assessed by a criminologist.*

DOI: [10.21681/2412-8163-2017-1-07-17](https://doi.org/10.21681/2412-8163-2017-1-07-17)

References

1. Astanin V.V. Dialektika sovremennogo sostoianiiia munitsipal'nogo pravotvorchestva, Rossiiskaia iustitsiia, 2016, No. 3, pp. 14-17.
2. Bel'skii A.I., Iagodin R.S. Kriminologicheskaia kharakteristika lichnosti nesovershennoletnego prestupnika, Rossiiskii sledovatel', 2015, No. 15, pp. 48-50.
3. Demidova-Petrova E.V. Kriminologicheskie znachenie informatsionnykh faktorov v povedenii nesovershennoletnikh, Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii, No. 3 (25), Kazan': Kazanskii iuridicheskii institut MVD Rossii, 2016, pp. 72-74.
4. Demidova-Petrova E.V. O sodержanii kriminologicheskoi politiki bor'by s prestupnost'iu nesovershennoletnikh, Monitoring pravoprimeniia, 2016, No. 4, M.: FBU NTsPI pri Miniuste Rossii, 2016, pp. 47-52.
5. Dolgova A.I., Serebriakova V.A., Gorbatovskaia E.G., Kriger V.I. Osnovy kriminologii dlia prakticheskikh rabotnikov : metodicheskoe posobie, M., 1988, p. 86.
6. Lelekov V.A., Kosheleva E.V. Kriminologicheskii analiz prestuplenii nesovershennoletnikh protiv sobstvennosti, Rossiiskii sledovatel', 2015, No. 13, p. 32.
7. Pristanskaia O.V., Iutskova E.M. Metodika kriminologicheskogo izucheniiia pravosoznaniia i obshchestvennogo mneniia o prestupnosti, M., 1990, pp. 31, 53.
8. Eminov V.E., Antonian Iu.M. Lichnost' prestupnika i ee formirovanie, Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 2015, No. 1, pp. 107-112..
9. Svodnyi otchet o sostoianii korruptsii i realizatsii mer antikorrupsionnoi politiki v Respublike Tatarstan v 2013 godu, Kazan', 2004, 126 pp.

MONITORING ELECTORAL CORRUPTION IN RUSSIA (IN THE STUDY BY M. KAKITELASHVILI [*] "CONSTITUTIONAL LAW PROBLEMS OF FINANCING POLITICAL PARTIES AND ELECTION CAMPAIGNS IN THE RUSSIAN FEDERATION")

S. Ilii

[*] Mikhail Kakitelashvili, Ph.D. in Law, Associate Professor, Leading Researcher at the Division of Problems of Prosecutorial Supervision and Strengthening Legality in the Sphere of Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Russian Federation, Moscow.

Sergei Ilii, Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Prosecutorial Supervision and Strengthening Legality in the Sphere of Public and Municipal Service, Combating Corruption of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Russian Federation, Moscow.

E-mail: ilies@rambler.ru

Keywords: election, election campaign, political party, election process, control, supervision, financing of political parties, financial report.

Abstract. In this paper the author expresses his standpoint on the most topical problems of electoral corruption in Russia stated in the monograph by M. Kakitelashvili "Constitutional law problems of financing political parties and election campaigns in the Russian Federation".

The reviewer notes that, generally speaking, the monograph has been a success. The author successfully handled the problems stated in the book: an analysis of laws on financing of parties and election campaigns had been presented, as well as their practical application. Based on the analysis of a large number of sources cogent conclusions are made and the author's standpoint on the understanding of corruption in the election process is set out.

The book is intended for professionals in the field of combating corruption as well as a wide audience of interested readers.

DOI: [10.21681/2412-8163-2017-1-18-22](https://doi.org/10.21681/2412-8163-2017-1-18-22)

References

1. Astanin V.V. Monitoring dissertatsii po antikorrupsionnoi tematike: primery i problemy kachestva, Monitoring pravoprimeniia, 2015, No. 2 (15), p. 31.
2. Kakitelashvili M.M. Konstitutsionno-pravovye problemy finansirovaniia politicheskikh partii i izbiratel'nykh kampanii v Rossiiskoi Federatsii : monografiia, M.: OOO "Galereia Print", 2017, 264 pp.
3. Kakitelashvili M.M., Nepomniashchii V.A. Vzaimodeistvie organov prokuratury s institutami grazhdanskogo obshchestva pri provedenii antikorrupsionnoi ekspertizy, Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii, 2011, No. 1, pp. 15-19.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF EXTORTION COMMITTED WITH VIOLENCE: LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Z. Cheliabova

Zalina Cheliabova, Assistant at the Department of Procedural Law of Astrakhan State University, Russian Federation, Astrakhan.

E-mail: zalina.chelyabova@yandex.ru

Keywords: *criminal law, unlawful acts, guilty person, threat, crime against property, victim, infliction of harm to health, danger to the public, socially dangerous consequences, physical violence, mental violence, extortion threat, threat of violence, qualification of violence in extortion, violent acts, consequences of violence.*

Abstract. *The paper presents an analysis of criminal law regulating this qualifying element as well as the standpoint of the criminal law doctrine on this subject. In addition to that, provisions of Resolutions of the higher judicial authority were also analysed. Court practice data is presented which confirms the views of the author and prompts to state that the provision of the criminal law on violence in extortion that is different, as regards the content of the element of violence, from other articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation also containing this element, is illogical. The author justifies a need to modify the current wording of Article 163 of the Criminal Code insofar as it relates to the said element (paragraph "c", part 2, Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation).*

The wording for violence in extortion proposed by the author separates violent acts from their consequences with a view to differentiate punishment for committing such offences which, in the opinion of the author, should be introduced into all articles of the Criminal Code regulating criminal liability for violent offences.

DOI: 10.21681/2412-8163-2017-1-23-26

References

1. Lopashenko N.A. Posiagatel'stva na sobstvennost', N.A. Lopashenko, M.: Norma, Infra-M, 2012, pp. 281-282.
2. Atagimova E.I. Pravovoe prosveshchenie i preduprezhdenie molodezhnoi prestupnosti, Monitoring pravoprimereniia, 2015, No. 4, p. 16.
3. Iani P.S. Voprosy kvalifikatsii vymogatel'stva, Zakonnost', 2015, No. 11, pp. 41-45.

COURT PRACTICE MONITORING: ANTICORRUPTION ASSESSMENT AND PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT

V. Iuzhakov, A. Efremov

Vladimir Iuzhakov, Ph.D. in Philosophy, Professor, Director and Chief Researcher at the Centre for Public Administration Technologies of the Institute for Applied Economic Research of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Russian Federation, Moscow.

E-mail: yuzhakov-vn@ranepa.ru

Aleksei Efremov, Ph.D. in Law, Associate Professor, Leading Researcher at the Centre for Public Administration Technologies of the Institute for Applied Economic Research of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Russian Federation, Moscow.

E-mail: efremov-a@ranepa.ru

Keywords: *arbitration procedure, civil procedure, criminal procedure, administrative procedure, corruption-generating factors, corruption, combating corruption, judgments, judicial examination.*

Abstract. *The paper presents an analysis of needs, practice and possibilities to stimulate a more active participation of courts in reducing the corruption-generating factors in the Russian law. The need to take part in solving this problem and its activation is caused by the insufficient effectiveness of the existing mechanism of anti-corruption assessment.*

The conceptual and legal framework as well as limitations for the participation of courts in solving the issues of carrying out anti-corruption assessment are identified.

The results of a content analysis of more than 4,300 judgments passed by courts of general jurisdiction on anti-corruption assessment issues which was carried out by the authors and an evaluation of court practice as regards these issues are given. Most judgments on anti-corruption assessment issues (45.2%) concern the recognition of failure by local self-government bodies to carry out anti-corruption assessment as unlawful and imposing an obligation to carry out the assessment. The rate of independent identification of corruption-generating factors by the courts is extremely low. There are single decisions where the courts prescribe specific ways for eliminating corruption-generating factors (1.72% of the total number of court decisions considered). In general, the courts do not consider corruption-generating factors contained in the law as circumstances that contribute to committing corruption offences.

The authors propose two variants of a technology for stimulating a more active participation of courts in reducing the corruption-generating factors in the law, which provide for the use of existing mechanisms, in the first instance, special court rulings on eliminating the causes and conditions that contributed to the commission of corruption offences as well as introducing changes into procedural law which would enhance the legal possibilities for the participation of courts in reducing the corruption-generating factors in the law.

The paper was prepared based on the research work carried out in the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA) in 2016.

DOI: 10.21681/2412-8163-2017-1-27-33

References

1. Astanin V.V. Antikorruptsiionnaia ekspertiza zakonodatel'stva v razvitiu praktiki i metodiki, Monitoring pravoprimereniia, 2016, No. 3, pp. 4-8.
2. Bukharev A.V. Teoretiko-pravovye aspekty organizatsionno-upravlencheskoi deiatel'nosti po profilaktike korruptsii v raionnykh sudakh Rossiiskoi Federatsii: avtoref. diss....kand.iurid.nauk, M., 2016, 31 pp.
3. Mamitova N.V. Osnovnye napravleniia gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti protivodeistviia korruptsii, Pravo i sovremennye gosudarstva, 2015, No. 2, pp. 88-92.
4. Nikitin S.V. Sudebnyi normokontrol' v grazhdanskom protsesse i arbitrazhnom protsesse: voprosy teorii i praktiki: avtoref. diss. doktora iurid. nauk, M., 2010.
5. Ponomarenko V.A. Motivirovannost' sudebnogo resheniia v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: avtoref. diss. kand. iurid. nauk, M., 2007.
6. Pridvorova M.N. Sudebnaia praktika v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii: avtoref. diss. kand. iurid. nauk, 2003, URL: <http://www.dissercat.com/content/sudebnaya-praktika-v-pravovoi-sisteme-rossiiskoi-federatsii> (data obrashcheniia: 01.11.2016).
7. Solov'ev V.Iu. Sudebnaia praktika v rossiiskoi pravovoi sisteme: avtoref. diss. kand. iurid. nauk, 2003, URL: <http://www.dissercat.com/content/sudebnaya-praktika-v-rossiiskoi-pravovoi-sisteme> (data obrashcheniia: 01.11.2016).
8. Iuzhakov V.N., Efremov A.A. Razvitie sudebnoi praktiki po voprosam antikorruptsionnoi ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov, Zhurnal iuridicheskikh issledovani, 2016, t. 1, No. 3, p. 13.
9. Iuzhakov V.N., Efremov A.A. Sudebnaia praktika po voprosam antikorruptsionnoi ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov: sovremennye tendentsii i puti sovershenstvovaniia, Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess, 2016, No. 10, pp. 23-29.

CORRUPTIVE ABUSE OF RIGHTS IN THE ELECTION PROCESS

E. Akunchenko

Elizaveta Demidova-Petrova, Ph.D. in Law, Associate Professor at the Department of Criminology and Penal & Correctional Law of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Major of Police, Russian Federation, Kazan.

E-mail: demidova.liza@gmail.com

Keywords: *abuse of power, election process, elections, defects of law, corruption-generating factor, anticorruption assessment, bribery of voters, dummy candidate.*

Abstract. *The phenomenon of malicious exercising of subjective rights in its corruption-related understanding is considered in the paper. As a result of an analysis of existing doctrinal notions on this phenomenon and topical examples of law enforcement practice, the main characteristic features of corruptive abuse of rights in the election process are highlighted and a definition is formulated for it. In the opinion of the author, this deviation of election behaviour is a consequence of corruption-generating factors in the election laws whose identification and elimination should become an effective means of protection of electoral relationships from unlawful infringements.*

DOI: [10.21681/2412-8163-2017-1-34-40](https://doi.org/10.21681/2412-8163-2017-1-34-40)

References

1. Akchurin, A.R. K voprosu o zloupotreblenii pravami uchastnikami izbiratel'nogo protsessa, A.R. Akchurin, Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie, 2015, No. 5, pp. 40-43.
2. Akchurin, A.R. Zloupotreblenie pravom v izbiratel'nom protsesse: problemy protivodeistviia, A.R. Akchurin, Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie, 2015, No. 11, pp. 53-56.
3. Grafskii, V.G. Chetvertye filosofsko-pravovye chteniia pamiatii akademika V.S. Nersesiansa, V.G. Grafskii, L.E. Lapteva, N.V. Varlamova, M.Iu. Pakhalov, Pravo i politika, 2010, No. 3, pp. 574-601.
4. Damm, I.A. Korruptsiia v rossiiskom izbiratel'nom protsesse: poniatie i protivodeistvie : dis. ... kand. iurid. nauk : 12.00.08, Damm Irina Aleksandrovna, Krasnoiarsk, 2006, 214 pp.
5. Zyrianova, I.A. Korruptsiia v izbiratel'nom protsesse: poniatie i priznaki, I.A. Zyrianova, Ugolovnaia iustitsiia, 2014, No. 1, pp. 97-100.
6. Zyrianova, I.A. Osnovnye sub»ekty korruptsii v izbiratel'nom protsesse, I.A. Zyrianova, Mir iuridicheskoi nauki, 2013, No. 10-11, pp. 33-38.
7. Zyrianova, I.A. Osnovnye formy korruptsii v izbiratel'nom protsesse, I.A. Zyrianova, Aktual'nye problemy ekonomiki i prava, 2011, No. 4, pp. 45-50.
8. Ignatenko, V.V. Podkup izbiratelei kak korruptsionnoe administrativnoe pravonarushenie, V.V. Ignatenko, Akademicheskii iuridicheskii zhurnal, 2014, No. 3, pp. 24-28.
9. Kabanov, P.A. Elektoral'naia korruptsiia: osmyslenie nauchnykh podkhodov k iavleniiu, P.A. Kabanov, Politicheskie partii i vybory: problemy sovremennosti : Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi universitet, 2016, pp. 399-404.
10. Klimova, Iu.N. Korruptsiogennye faktory v izbiratel'nom protsesse: podkhody k opredeleniiu i algoritm strategicheskogo upravlencheskogo vozdeistviia, Iu.N. Klimova, Aktual'nye problemy ekonomiki i prava, 2014, No. 1, pp. 39-48.
11. Korruptsiogennost' zakonodatel'stva: prichiny, faktory, preodolenie : monografiia, N.A. Abuziarova, V.Iu. Artemov, B.A. Bulaevskii i dr., otv. red. E.I. Spektor, A.M. Tsirin, Moskva: Iuridicheskaiia firma "KONTRAKT", 2013, 304 pp.
12. Kulikov, M.Iu. Zloupotreblenie izbiratel'nymi pravami izbirateliami, nabliudateliami i inymi uchastnikami izbiratel'nogo protsessa, M.Iu. Kulikov, Izbiratel'noe pravo, 2015, No. 2, pp. 25-32.
13. Kulikov, M.Iu. Zloupotreblenie izbiratel'nymi pravami: osnovnye podkhody nauchnogo opredeleniia, M.Iu. Kulikov, Sibirskii iuridicheskii vestnik, 2014, No. 2, pp. 21-26.
14. Makartsev, A.A. Zloupotreblenie izbiratel'nymi pravami: poniatie, priznaki i problemy pravovogo ogranicheniia, A.A. Makartsev, Iuridicheskaiia nauka i praktika, 2011, t. 7, No. 2, pp. 22-29.
15. Makartsev, A.A. Zloupotreblenie izbiratel'nymi pravami: problemy pravovogo ogranicheniia, A.A. Makartsev, Sovremennoe pravo, 2010, No. 6, pp. 38-41.
16. Malinovskii, A.A. Zloupotrebleniia izbiratel'nymi pravami: voprosy kvalifikatsii, A.A. Malinovskii, Pravo i upravlenie. XXI vek, 2008, No. 1, pp. 12-16.
17. Mateikovich, M.S. Zashchita izbiratel'nykh prav grazhdan v Rossiiskoi Federatsii: problemy teorii i praktiki : dis. ... d-ra iurid. nauk : 12.00.02, Mateikovich Maksim Stanislavovich, Saratov, 2003, 452 pp.
18. Orlov, D.V. Institut iuridicheskoi otvetstvennosti za izbiratel'nye pravonarusheniia v sovremennoi Rossii : dis. ... kand. iurid. nauk : 12.00.01, Orlov Dmitrii Viktorovich, Nizhnii Novgorod, 2007, 259 pp.
19. Okhotskii, E.V. Sotsial'no-pravoivaia sushchnost' i osnovnye priznaki korruptsii, E.V. Okhotskii, Gosudarstvennyi audit. Pravo. Ekonomika, 2009, No. 3, pp. 25-36.
20. Sovetnikov, I.V. Zloupotrebleniia pravom v izbiratel'nom protsesse : monografiia [Elektronnyi resurs], I.V. Sovetnikov. Moskva: CheRo, 2010, rezhim dostupa: SPS "Konsul'tantPlius".
21. Sovetnikov, I.V. Zloupotrebleniia pravom v izbiratel'nom protsesse : dis. ... kand. iurid. nauk : 12.00.02, Sovetnikov Ivan Vasil'evich, Moskva, 2006, 195 pp.
22. Tsybuliak, S.I. Defekty konstitutsionno-pravovogo regulirovaniia izbiratel'nykh otnoshenii v Rossiiskoi Federatsii : dis. ... kand. iurid. nauk: 12.00.02, Tsybuliak Sergei Ivanovich, Tiumen', 2010, 269 pp.
23. Sharnina, L.A. Zloupotreblenie konstitutsionnymi pravami i zloupotreblenie polnomochiiami: obshchee i osobennoe, L.A. Sharnina, Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo, 2012, No. 12, pp. 9-15.
24. Shchedrin, N.V. O neobkhodimosti ugolovnoi otvetstvennosti za prodazhu izbirateliami svoikh "golosov", N.V. Shchedrin, Aktual'nye problemy ekonomiki i prava, 2011, No. 4, pp. 89-92.
25. Shchedrin, N.V. O sovershenstvovanii zakonodatel'nogo opredeleniia korruptsii, N.V. Shchedrin, Pravo i politika, 2009, No. 7, pp. 1448-1452.

POWER, ADMINISTRATION AND SELF-GOVERNMENT IN STATE-ORGANISED SOCIETY

A. Savichev

Aleksei Savichev, Researcher at the Research Division of the Federal State-Funded Institution “Scientific Centre for Legal Information of the Ministry of Justice of the Russian Federation”, Russian Federation, Moscow.

E-mail: ucx7801@mail.ru

Keywords: *power, political authority, municipal authority, administration, self-government, local self-government, society, state organised society, object of administration, subject of administration, resources (sources) of power, freedom.*

Abstract. *The paper presents a study of the basic essential characteristics of power, administration and self-government. The question of interrelation between these concepts is considered. Based on the study of different approaches to the definition of the terms “power” and “administration” the author sets forth his own opinion on the subject. The conclusion is made that these concepts should not be deemed identical. Power is considered as a phenomenon which is “static” in relation to the term “administration” which involves a dynamic impact on the specified object. The main features of power, administration and self-government in a state organised society are described. Special attention is given to local self-government as one of the most important democratic institutions of our time. The main problems of the implementation of power at the municipal level from the standpoint of lack of resources necessary for that are analysed. An attempt is made to identify the main factors that restrain free functioning of local self-government structures.*

DOI: [10.21681/2412-8163-2017-1-41-44](https://doi.org/10.21681/2412-8163-2017-1-41-44)

References

1. Diev V.S. Vlast' v rossiiskoi modeli upravleniia, Vestnik NGU, serii: Filosofii, 2013, tom 11, vypusk 1, pp. 41-46.
2. Leksin V.N. Mestnoe samoupravlenie i mestnaia vlast' v sovremennoi Rossii, Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie, vypusk No. 4, tom 4, 2011, pp. 6-27.
3. Solon'ko I.V. Fenomen kontseptual'noi vlasti: sotsial'no-filosofskii analiz: monografiia, I. V. Solon'ko, 3-e izd., pererab. i dop., M.: 2011, 304 pp.
4. Tanimov O.V. Teoriia iuridicheskikh fiktsii : monografiia, otv. red. T.V. Kashanina, Moskva : Prospekt, 2016, 224 pp.

SOME ASPECTS OF THE ORGANISATIONAL FRAMEWORK FOR THE ACTIVITIES OF SPECIALISED PUBLIC AGENCIES WITHIN THE SYSTEM OF NATIONAL SECURITY OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY AND AUSTRIA

T. Kikot'-Glukhodedova

Tat'iana Kikot'-Glukhodedova, Ph.D. in Law, Associate Professor at the Department of Constitutional Law of the Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russian Federation, Moscow.

E-mail: support@mosu-mvd.com

Keywords: *national security system, internal and external security of the state, public authorities, territorial organisation of the state, Federal Republic of Germany, Republic of Austria.*

Abstract. *Germany and Austria are members of NATO. Close coordination and complementarity of the armed forces and special services of these countries in the absence of a real military threat to them allows a considerable*

economy of resources. After the collapse of the USSR the military budgets of these states were substantially reduced but their expenses on internal security are continuously increasing due to the threat of terrorism, as do their efforts to enhance cooperation within Europol and in the field of the activities of special services.

It should be noted that the organisational structures of national security forces of Germany and Austria are similar but not identical. The Constitutions of the Federal Republic of Germany and the Republic of Austria very clearly define the procedure of using the armed forces for ensuring internal security. In addition to that, after the Austrians gained independence in 1955 they creatively examined the German experience in building the national security system of Germany, and their police system model is closest to the Russian one.

The principles and features of the organisation of the national security systems in Germany and Austria are considered in the paper.

DOI: 10.21681/2412-8163-2017-1-45-49

References

1. Ofitsial'nyi sait Ministerstva oborony FRG, URL: <https://www.bmvg.de> (data obrashcheniia: 18.09.2016).
2. Ofitsial'nyi sait Ministerstva vnutrennikh del FRG, URL: <http://www.bmi.bund.de> (data obrashcheniia: 18.09.2016).
3. Bor'ba s prestupnost'iu za rubezhom, VINITI RAN, 2016, No. 8.
4. Ofitsial'nyi sait Federal'nogo ministerstva finansov Germanii, URL: <https://www.bundeshaushalt-info.de> (data obrashcheniia: 18.09.2016).
5. Ofitsial'nyi sait Parlamenta Avstriiskoi Respubliki, Federal'nyi finansovyi zakon 2015, URL: <https://www.parlament.gv.at> (data obrashcheniia: 18.09.2016).
6. Ofitsial'nyi sait Avstriiskogo pravosudiia, URL: <https://www.justiz.gv.at> (data obrashcheniia: 18.09.2016).

INTELLECTUAL PROPERTY IN CYBERSPACE: NEW CIRCUMSTANCES OF LAW ENFORCEMENT

A. Kartskhiia

Aleksandr Kartskhiia, Ph.D. in Law, Professor at the Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Russian Federation, Moscow.

E-mail: arhz50@mail.ru

Keywords: *intellectual property, industrial property rights, cybersecurity, cyber-physical systems, digital space, cyber property, intellectual property rights protection in cyberspace.*

Abstract. *New challenges for the institution of intellectual property in the context of the emerging global digital space and cyber-physical systems are considered in the paper. The modern reality of digital space brings attention, among other problems, to issues of security of using intellectual property for all participants of civil circulation, including the rightholders themselves. The emergence of complex technological objects (artificial intelligence, analytical frameworks based on Big Data, self-controlled systems of the Smart Everything type, etc.) built on the basis of integrated technology calls forth a demand for extending the list of protectable intellectual property objects and modernisation of legal protection means in "international" jurisdiction. The creation of a vast segment of digital cyberservices as a sort of intellectual property objects, creation of "cyber property" (that is, rights to virtual objects in digital space) directly influences the nature of law enforcement practice. The digital reality creates new conditions for preventing violations of intellectual property rights and their protection and exerts an influence on the structure of legal relationships with the participation of rightholders in cyberspace.*

DOI: 10.21681/2412-8163-2017-1-50-52

References

1. Kartskhiia A.A. Promyshlennaia sobstvennost' i investitsionnyi klimat, Intellektual'naia sobstvennost'. Promyshlennaia sobstvennost', 2015, No. 3, pp. 42-48.
2. Kartskhiia A.A. Transfer tekhnologii ili "Promyshlennyi Rennessans", Intellektual'naia sobstvennost'. Promyshlennaia sobstvennost', 2015, No. 9, pp. 11-25.

STRUCTURED CONTENT OF INFORMATION SECURITY REQUIREMENTS

A. Markov, V. Tsirlov

Aleksei Markov, Doctor of Science in Technology, Senior Researcher, Professor at the Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation, Moscow.

E-mail: a.markov@bmstu.ru

Valentin Tsirlov, Ph.D. in Technology, CEO of ZAO NPO Echelon, Russian Federation, Moscow.

E-mail: z@cnpo.ru

Keywords: *cyber security, information security, technical protection of information, tendencies, trends, forecasts, Common Criteria, ISO 15408, security mechanisms, organisational and technical measures, legal framework, guidelines, standards.*

Abstract. *The main events in the field of information security and cybersecurity over the last few years are reviewed. New society informatisation phenomena related to information security are identified. The basic trends in different segments of information security are emphasised. A brief overview of security doctrines and the legal framework for information security is carried out. Innovative lines of activity of information security regulators related to using risk-oriented approach, a system of organisational and technical measures, international approach to evaluating the compliance of IT products with information security requirements, and improving the effectiveness of information security checks are shown. The advantages and problematic aspects of using these approaches are noted. The existing uncertainties in approaches reducing the level of unification in the field of technical protection of information are shown. Proposals aimed at improving the regulatory and legal framework ensuring information security are given.*

DOI: 10.21681/2412-8163-2017-1-53-61

References

1. Pligin V.N., Makarenko G.I. Strana nuzhdaetsia v obnovlenii obshchestvennykh dogovorov v sovremennom rossiiskom obshchestve, Monitoring pravoprimeneniia, 2015, No. 1 (14), pp. 4-11.
2. Klianchin A.I. Katalog zakladok ANB (Spigel). Chast' 1. Infrastruktura, Voprosy kiberbezopasnosti, 2014, No. 2 (3), pp. 60-65.
3. Markov A.S. Letopisi kibervoin i velichaishego v istorii pereraspredeleniia bogatstva, Voprosy kiberbezopasnosti, 2016, No. 1 (14), pp. 68-74.
4. Golov I.Iu. Strategicheskii plan nauchnykh issledovani i razrabotok SShA v oblasti kiberbezopasnosti, Voprosy zashchity informatsii, 2013, No. 3 (102), pp. 86-91.
5. Petrenko A.A., Petrenko S.A. NIOKR Agentstva DARPA v oblasti kiberbezopasnosti, Voprosy kiberbezopasnosti, 2015, No. 4 (12), pp. 2-22.
6. Liubarets A.V. Otvetnaia filosofskaia i geopoliticheskaia paradigma V.V.Putina, Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk, 2016, No. 7-1, pp. 229-231.
7. Muravnik V.B., Zakharenkov A.I., Dobrodeev A.Iu. Nekotorye predlozheniia po podkhodu i poriadku realizatsii politiki i strategii importozameshcheniia v interesakh natsional'noi bezopasnosti i ukrepleniia oboronosposobnosti Rossiiskoi Federatsii, Voprosy kiberbezopasnosti, 2016, No. 1 (14), pp. 2-8.
8. Gattarov R.U. Kontseptsiiia strategii kiberbezopasnosti, Voprosy kiberbezopasnosti, 2014, No. 1 (2), pp. 2-4.
9. Petrenko S.A., Kurbatov V.A., Bugaev I.A., Petrenko A.S. Kognitivnaia sistema rannego preduprezhdeniia o komp'iuternom napadenii, Zashchita informatsii, Insaid, 2016, No. 3 (69), pp. 74-82.
10. Gengrinovich E.L. Informatsionnaia bezopasnost' kriticheskoi infrastruktury, Avtomatizatsiia v promyshlennosti, 2015, No. 2, pp. 61-63.
11. Massel' L.V., Voropai N.I., Senderov S.M., Massel' A.G. Kiberopasnost' kak odna iz strategicheskikh ugroz energeticheskoi bezopasnosti Rossii, Voprosy kiberbezopasnosti, 2016, No. 4 (17), pp. 2-10.
12. Markov A.S., Sheremet I.A. Teoreticheskie aspekty sertifikatsii sredstv zashchity informatsii, Oboronnyi kompleks - nauchno-tekhnikeskomu progressu Rossii, 2015, No. 4 (128), pp. 7-15.
13. Barabanov A.V., Markov A.S., Tsirlov V.L. Methodological Framework for Analysis and Synthesis of a Set of Secure Software Development Controls, Journal of Theoretical and Applied Information Technology, 2016, V. 88, No. 1, pp. 77-88.
14. Barabanov A.V., Markov A.S., Tsirlov V.L. Otsenka sootvetstviia sredstv zashchity informatsii "Obshchim kriteriiam", Informatsionnye tekhnologii, 2015, t. 21, No. 4, pp. 264-270.
15. Chuzel J., Weber J., Huisman R. Medium and higher assurance evaluations in the European context, in: Proceedings of the 16th International Common Criteria Conference (London, UK, Sep. 22-24, 2015), ICC-2015, CESG, URL: <https://www.iccc15.org.uk/Programme.aspx>.

16. Prognoz nauchno-tehnologicheskogo razvitiia Rossii: 2030, pod red. L.M.Gokhberga i dr., M.: Minobrnauki Rossii, VShE, 2014, 244 pp.
17. Markov A., Fadin A. Konvergentsiia sredstv zashchity informatsii, Zashchita informatsii, Insaid, 2013, No. 4 (52), pp. 80-81.
18. Arutiunov V.V. O monografii "Biometriia na sluzhbe zashchity informatsii". V sbornike: Sovremennye problemy i zadachi obespecheniia informatsionnoi bezopasnosti. Trudy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "SIB-2014", otvetstvennyi redaktor O.A. Makarova, 2014, pp. 165-168.
19. Korol'kov A.V. O nekotorykh prikladnykh aspektakh kvantovoi kriptografii v kontekste razvitiia kvantovykh vychislenii i poiavleniia kvantovykh komp'iuterov, Voprosy kiberbezopasnosti, 2015, No. 1 (9), pp. 6-13.
20. Belov E.B., Los' V.P. O razrabotke professional'nykh standartov v oblasti informatsionnoi bezopasnosti, Doklady Tomskogo gosudarstvennogo universiteta sistem upravleniia i radioelektroniki, 2014, No. 2 (32), pp. 327-331.

MODERN REQUIREMENTS TO RESEARCH PAPERS

G. Makarenko

Grigorii Makarenko, Head of the Department for the Development of Scientific Periodicals of the Federal State-Funded Institution "Scientific Centre for Legal Information of the Ministry of Justice of the Russian Federation", executive editor of Monitoring of Law Enforcement and Cybersecurity Issues scientific journals, Russian Federation, Moscow.

E-mail: monitorlaw@yandex.com

Keywords: *research paper structure, list of the Higher Attestation Commission, DOI, scientific apparatus, requirements to abstracts, Hirsch index, journal impact factor, originality level, plagiarism, novelty.*

Abstract. *Requirements to research papers put forward by various organisations are described in brief. Modern research papers must contain an introduction to the problem, problem definition, suggested solutions and results, and mandatory conclusions and summary. In addition to the content of the paper proper, the paper should strictly adhere to the standards of form which is very important for western scientific publications but unusual for Russian authors who adopted the Soviet traditions. Taking the papers in this journal as an example, we can see that some papers have very small abstracts, almost none at all, keywords repeat the terms from the paper title, conclusions are often absent, scientific novelty is not shown. Such papers, even if they contain most prominent scientific results, will not be accepted, for instance, by Scopus. The purpose of this paper is to draw attention to a strict adherence to the presented rules.*

DOI: 10.21681/2412-8163-2017-1-62-65

References

1. Makarenko G.I. Sovremennye trebovaniia k nauchnym stat'iam, Voprosy kiberbezopasnosti, 2017, No. 1, pp. 73-76.
2. Borgest N.M. Informatsionnaia podderzhka izdatel'skoi deiatel'nosti na primere vypuska nauchnogo zhurnala "Ontologiiia proektirovaniia", v sbornike: Informatsionnye tekhnologii i sistemy, trudy Piatoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, FGBOU VPO "Cheliabinskii gosudarstvennyi universitet", Federal'nyi issledovatel'skii tsentr "Informatika i upravlenie", ISA RAN FGBOU VPO "Ufimskii gosudarstvennyi aviatsionnyi tekhnicheskii universitet", FGBOU VPO "Ural'skii federal'nyi universitet", 2016, pp. 72-75.
3. Eremenko G.O. Elibrary.ru: kurs na povyshenie kachestva kontenta, Universitetskaia kniga, 2016, No. 3, pp. 62-68.
4. Kabanova N.N. Komparativnyi analiz struktury stat'i rossiiskikh i zarubezhnykh nauchnykh zhurnalov, indeksiruemykh Scopus i Web of Science, V mire nauchnykh otkrytii, 2014, No. 11.6 (59), pp. 2143-2161.
5. Kirillova O.V., Kuznetsov A.Iu., Dimentov A.V., Lebedev V.V., Shvartsman M.E. Kategorii i kriterii otsenki rossiiskikh zhurnalov i programmy ikh razvitiia, Nauchnaia periodika: problemy i resheniia, 2014, No. 5 (23), pp. 20-34.
6. Pruglova M.N. Nekotorye rekomendatsii po opublikovaniuu materialov v mezhdunarodnykh bazakh Scopus i Web of Science, Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 2014, No. 12, pp. 2948-2952.
7. Chekhovich Iu.V. Ob obnaruzhenii zaimstvovaniia pri ekspertize nauchnykh statei, Nauchnaia periodika: problemy i resheniia, 2013, No. 4 (16), pp. 22-25.
8. Pislyakov V., Shukshina E. Measuring Excellence in Russia: Highly Cited Papers, Leading Institutions, Patterns of National and International Collaboration, Journal of the Association for Information Science and Technology, 2014, t. 65, No. 11, pp. 2321-2330..

Публикационная этика журнала «Мониторинг правоприменения»

Правовую основу обеспечения публикационной этики составляют международные стандарты: положения, принятые на 2-ой Всемирной конференции по вопросам соблюдения добросовестности научных исследований (Сингапур, 22-24 июля 2010 г.); положения, разработанные Комитетом по этике научных публикаций (The Committee on Publication Ethics - COPE) и нормы главы 70 «Авторское право» Гражданского кодекса Российской Федерации.

Редакция журнала «Мониторинг правоприменения» гарантирует соблюдение:

- › этики издания научных публикаций;
- › этики авторства научных публикаций;
- › этики рецензирования научных публикаций;
- › этики редактирования научных публикаций.

ЭТИКА ИЗДАНИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Редакция журнала «Мониторинг правоприменения»:

1. гарантирует соблюдение редакторской независимости и добросовестности при рассмотрении всех представленных к публикации материалов и принятие объективных решений без предубеждения к авторам по национальным или религиозным признакам, служебному положению; независимо от коммерческих интересов и отношений с Учредителем журнала; базируя свою политику на уважении личных прав автора и права на интеллектуальную собственность;
2. постоянно проводит политику журнала по обеспечению высокого качества публикуемых материалов;
3. редакция в качестве руководящих принципов редакционной деятельности декларирует актуальность, ясность, достоверность, обоснованность публикуемого научно-исследовательского материала;
4. в качестве основных принципов высокой квалификации публикуемых научно-исследовательских материалов редакция относит:
 - › **основательность и доказательность:** публикуемые результаты исследования должны быть выполнены качественно, в соответствии с этическими и юридическими нормами; авторы несут коллективную ответственность за свою работу и содержание публикации; публикация должна предоставлять достаточную информацию для того, чтобы другие исследователи могли повторить проведенные эксперименты;
 - › **честность:** авторы должны представлять результаты честно, без фальсификации или недобросовестного манипулирования данными;
 - › **полнота представленных материалов:** обзор и выводы из существующих исследований должны быть полными, сбалансированными и должны включать сведения вне зависимости от того, поддерживают они гипотезы и толкования автора публикации или нет;
 - › **взвешенность:** результаты нового исследования должны быть представлены в контексте результатов предыдущих исследований;
 - › **оригинальность:** авторы гарантируют, что предлагаемая к публикации работа является оригинальной и не была ранее опубликована нигде ни на каком языке; работа не может быть направлена одновременно в несколько изданий;
 - › **прозрачность:** в публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку, предоставление оборудования или материалов и иные виды поддержки (в том числе помощь специалистов по статистической обработке данных или технических писателей);
5. проводит политику по включению в состав редакционного совета и редакционной коллегии авторитетных ученых, активно содействующих развитию журнала;
6. осуществляет политику по систематическому **совершенствованию институтов рецензирования, редактирования, экспертной оценки публикаций**, гарантирующую точность, полноту, ясность, беспристрастность и своевременность экспертной оценки и исследовательской отчетности;
7. гарантирует проверку оригинальности публикуемых материалов, проводит при помощи соответствующего программного обеспечения **контроль публикаций** на предмет манипуляции с изображениями, плагиат, дублирующую или избыточную публикацию.
8. выносит решение о **принятии или непринятии** статьи к публикации на основании всех комментариев независимых рецензентов в целом. Окончательное редакторское решение и причины его вынесения сообщаются авторам.

ЭТИКА АВТОРСТВА НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Авторы публикаций:

- должны гарантировать, что в список авторов включены только лица, внесшие значительный вклад в работу, а также что заслуживающие авторство исследователи не исключены из списка авторов;
- должны дать согласие на внесение их в список авторов и должны одобрить любые изменения в списке авторов, включая тех лиц, которые по каким-то причинам исключаются из списка соавторов;
- обязаны незамедлительно уведомлять Редакцию в случае обнаружения ошибки в любой поданной ими на публикацию, принятой для публикации или уже опубликованной работе;
- не вправе копировать из других публикаций ссылки на работы, с которыми они сами не ознакомились; цитаты и ссылки на другие работы должны быть точными, обращаясь, прежде всего к первоисточнику, и оформленными в соответствии с предъявляемыми требованиями;
- необходимо указывать авторство данных, текста, рисунков и идей, которые автор получил из других источников - они не должны представляться, как принадлежащие автору публикации; прямые цитаты из работ других исследователей должны выделяться кавычками и соответствующей ссылкой;
- материалы, защищенные авторским правом (например, таблицы, цифры или крупные цитаты), могут воспроизводиться только с разрешения их владельцев.

ЭТИКА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

1. Редакция гарантирует проведение независимого рецензирования материалов способом, позволяющим обеспечить честность и объективность высказывания относительно научной ценности предполагаемой к публикации статьи.
2. В соответствии с политикой журнала Редакция устанавливает процедуру проведения рецензирования представленных к опубликованию материалов.
3. Редакция оставляет за собой право отклонить материал без проведения независимого рецензирования в случае, если он будет сочтен низкокачественным или неподходящим для читателей журнала. Данное решение принимается честно и беспристрастно с учетом редакционной политики журнала.
4. Редакция пользуется услугами независимых рецензентов в отношении материалов, рассматриваемых для публикации, путем выбора лиц, имеющих достаточный опыт и не имеющих конфликта интересов.
5. В случае если со стороны рецензентов поднимается вопрос в отношении достоверности данных или целесообразности публикации научной работы, Редакция предоставляет автору возможность ответить на поставленные вопросы.
6. Редакция обеспечивает конфиденциальность материала авторов, а также сохраняет конфиденциальность личных данных рецензентов.
7. Редакция никому не сообщает статус материала в журнале, кроме авторов.

ЭТИКА РЕДАКТИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

1. Редакция принимает решение по принятию или отклонению публикаций свободно в соответствии с научным видением журнала, никто не вправе оказывать давление на редакцию.
2. Все редакционные требования размещены в информационных материалах для авторов на сайте журнала www.monitoringlaw.ru.
3. В целях обеспечения достоверности публикуемых данных путем внесения поправок при обнаружении бесспорных ошибок в работе предусматривается возможность в кратчайшие сроки внести соответствующие поправки или исправить опечатки.
4. Редакция обязуется реагировать на все заявления или подозрения в неправомерном поведении в отношении проведенного исследования или публикации, исходящие от читателей, рецензентов или иных лиц.
5. Конфликты интересов редактора должны оглашаться публично. Редакторы не должны принимать решения в отношении материалов, в связи с которыми они имеют конфликт интересов.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Шеф-редактор	<i>Г.И. Макаренко</i>
Начальник РИО	<i>Ю.В. Матвиенко</i>
Перевод	<i>Т.В. Галатонов</i>
Дизайн	<i>И.Г. Колмыкова</i>
Компьютерная верстка	<i>Н.Г. Шабанова</i>